

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛЕБЕДЕВ В. А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАКЪЯН С. А., зав. кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, (г. Москва); **БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б.**, декан юридического факультета Костанайского государственного университета им. А.Байтурсынова (Казахстан), член Оксфордского академического союза, кандидат юридических наук (г. Кустанай); **БОНДАРЬ Н. С.**, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ (г. Москва); **ДАРОВСКИХ С. М.**, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **ДУДКО И. Г.**, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮФ), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (г. Москва); **ЗЕНИН С. С.**, директор института повышения квалификации, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук (г. Москва); **ЙИРАСЕК Й.**, зав. кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц (Чешская Республика), кандидат юридических наук; **КВАНИНА В. В.**, зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **КОСТЮК М. Ф.**, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор; **КРУСС В. И.**, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Тверь); **КУНЦ Е. В.**, профессор кафедры уголовного права Уральского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **ЛЕКСИН И. В.**, зав. кафедрой правовых основ управления Факультета государственного управления МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор юридических наук (г. Москва); **МАЙФАТ А. В.**, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург); **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юридических наук, Республика Казахстан, (г. Астана); **МИНБАЛЕЕВ А. В.**, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент, (г. Москва); **НЕКРАСОВ А. П.**, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Самара); **ПЕШИН Н. Л.**, зав. кафедрой административного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва); **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доцент, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского филиала Российской правовой академии, доктор юридических наук (г. Саратов); **СЕРГЕЕВ А. Б.**, заведующий кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск); **ТИТОВА Е.В.**, директор Юридического института Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г.Челябинск).

Шеф-редактор **СОГРИН Е. К.** Ответственный секретарь **АНДРИАДИС Е. Ю.**
Верстка **ШРАЙБЕР А. Е.**

Издатель ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ISSN 2075-7913

Подписной индекс журнала 73848

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Челябинской области.

Свидетельство ПИ № ТУ 74-01322 от 25.04.2017 г.

Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр.

Тел./факс (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

PROBLEMY PRAVA (ISSUES OF LAW)

2, 2020

FOUNDERS JOURNAL:

ООО "South Ural Legal Newsletter"

The «Problems of Law» Journal was created in 2003.

By the decision of the Higher Certification Board, since January 1, 2010 the "Problems of Law" journal has been included into the List of leading reviewed scientific journals and publications where the main research results for candidate's and doctor's theses should be published.

The Journal has its own International Standard Serial Number (ISSN 2075-7913).

The Journal is included into «Russian Post» catalog under index 73848.

The «Problems of Law» is included into Russian Science Citation Index according to the agreement with Russian Scientific Electronic Library.

CHIEF EDITOR

V. A. Lebedev, Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation, Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, Moscow.

EDITORIAL BOARD:

S. A. Avakyan, Head of Constitutional and Municipal Law department, Lomonosov Moscow State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation; **A. B. Bekmagambetov**, Dean of the Law Faculty of Kostanay State University named after A. Baitursynov (Kazakhstan), member of the Oxford Academic Union, Candidate of Legal Sciences; **N. S. Bondar**, judge at Constitutional Court of Russian Federation (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation; **S. M. Darovskikh**, Doctor of Science (Law), professor, head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics; **I. G. Dudko**, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow State Law University O.E. Kutafina (Moscow State Law University), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow); **S. S. Zenin**, Director of the Institute of Advanced Training, Ph.D., assistant professor of constitutional and municipal law of the Moscow State Law University. O. E. Kutafina; **J. Jirasek**, Head of Constitutional Law and International Public Law Department at the Faculty of Law, Palacký University of Olomouc, (Czech Republic), Candidate of Legal Science; **V. V. Kvanina**, Head of the Department. Chair of Entrepreneurial, Competitive and Environmental Law of South Ural State University, Doctor of Law, Professor; **M. F. Kostyuk**, Professor of the Department of State Legal and Criminal Law Disciplines, Russian Economic University. G.V. Plekhanova, Doctor of Law, Professor; **V. I. Kruss**, doctor of legal Sciences, Professor, head of chair of theory of law, Tver state University; **E. V. Kuntz**, Professor of the Criminal Law Department of the Ural Branch of the Federal State Educational Establishment of the Russian Federation "Russian State University of Justice"; **I. V. Leksin**, Head Department of Legal Foundations of Management, Faculty of Public Administration, Moscow State University M.V. Lomonosova, Doctor of Law (Moscow); **A. V. Mayfat**, Professor of the Civil Law Chair of the Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Ural State Law University, Doctor of Law, Professor; **V. A. Malinovsky**, member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, PhD Law in the Republic of Kazakhstan, Astana **A. V. Minbaleev**, Chief Researcher, Sector of Information Law and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow); **A. P. Nekrasov**, Professor of the Department of Criminal and Penal Executive Law of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor; **N. L. Peshin**, Head Department of Administrative Law, Faculty of Law, Moscow State University M. V. Lomonosova, Doctor of Law, Professor (Moscow); **N. A. Podolny**, doctor of legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of law enforcement and Executive production of the Middle Volga Branch of the Russian Academy of Law, Saransk; **A. B. Sergeev**, Head of the Department of Criminal Process and Expert Activities of the Institute of Law of Chelyabinsk State University, Doctor of Law, Professor; **E. V. Titova**, Director of the Law Institute of the South Ural State University, Candidate of Law, Associate Professor (Chelyabinsk).

Editorial Director E. K. Sogrin; **Executive Editor** E. Y. Andriadis; **Layout** A. E. Schreiber

Address of the editors office: 454080, 76 Lenina pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia

For correspondence: 454080, Chelyabinsk, PO Box 12550

Phone/Fax (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

2



В НОМЕРЕ:

КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

— **7** —

Безруков А. В.

Стабильность Конституции Российской Федерации и современные конституционные преобразования: сочетание и балансирование возможностей

— **16** —

Лебедев В. А.

Права и свободы человека и гражданина: понятие и эволюция

— **23** —

Баринов Э. Э.

Обеспечение безопасности и охрана суверенитета в контексте сохранения конституционной идентичности России

— **30** —

Смородина О. С.

Теоретическое и законодательное прочтение идеи социальной солидарности

— **40** —

Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С.

Правовой режим автономных технических средств: сквозные проблемы правового регулирования

— **46** —

Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Япрыцев И. М.

Технология блокчейн в правотворчестве: опыт применения

— **51** —

Крысанов А. В.

Государственная аккредитация региональных спортивных федераций: конституционно-правовое регулирование и практика осуществления (на примере федерации, осуществляющей деятельность на территории Свердловской области)

— **56** —

Галицков В. А., Крысанов А. В.

К вопросу об ограничении отдельных прав и свобод граждан в условиях режима повышенной готовности по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

— **63** —

Очкуренко С. В., Процевский В. А.

Способы применения положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений

— **73** —

Яковлев А. Ю.

Правовое обеспечение корпоративного управления в акционерных обществах с государственным участием

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

— **76** —

Куц Е. В.

Подростковая преступность: криминологический и пенитенциарный аспекты



— 79 —

Турлубеков Б. С., Турлубеков А. Б.

Применение отдельных мер дисциплинарного и административного характера к лицам, уклоняющимся от отбывания наказания

— 83 —

Кошкин Н. С.

К вопросу о криминализации геноцида

— 92 —

Турлубеков Б. С., Турлубеков А. Б.

Отбывание наказания - один из видов предупреждения преступности

— 95 —

Ковалева Н. С.

Современные характеристики преступности несовершеннолетних женщин в России

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

— 99 —

Костюк М. Ф., Христенко А. А.

Социальная обусловленность и приоритетные направления финансовых расследований

— 103 —

Абрамова Л. Л.

Гиперболизация акта о начале предварительного расследования как негативный фактор в реализации задач стадии возбуждения уголовного дела

— 113 —

Даровских С. М.

Проявление идеи конституционализма в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации не исключает правовую неопределенность его решений

— 118 —

Матюшкина А. В., Айзятова Л. Ф.

Предмет судебных экспертиз при расследовании должностных преступлений

— 123 —

Даровских О. И.

К вопросу о понятии «правовые средства» в уголовном судопроизводстве

4

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

— 127 —

Иванов А. Ю.

О целесообразности совершенствования законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последвий потребления табака



IN THIS ISSUE

CONSTITUTION, STATE AND SOCIETY

— 7 —

Bezrukov A. V.

Stability of the Constitution of the Russian Federation and modern constitutional transformations: combining and balancing opportunities

— 16 —

Lebedev V. A.

Rights and freedoms of man and citizen: concept and evolution

— 23 —

Barinov E. E.

Security and protection of sovereignty in the context of preserving the constitutional identity of Russia

— 30 —

Smorodina O. S.

Theoretical and legislative reading of the idea of the social ache solidarity

— 40 —

Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Lebedev V. A., Zenin S. S.

Legal regime of autonomous technical means: cross cutting problems of legal regulation

— 46 —

Zenin S. S., Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Yapryntsev I. M.

Blockchain technology in lawmaking: experience of application

— 51 —

Krysanov A. V.

State accreditation of regional sports federations: constitutional and legal regulation and implementation practice (for example, a federation that operates in the territory of the Sverdlovsk region)

— 56 —

Galitskov V. A., Krysanov A. V.

On the issue of restricting individual rights and freedoms of citizens in the conditions of high readiness to counteract the spread of a new coronavirus infection in the regulatory legal acts of the subjects of the Russian Federation

CIVIL LAW

— 63 —

Ochkurenko S. V., Protsevskiy V. A.

The methods of application of the provisions of civil legislation for the regulation of financial relations

— 73 —

Yakovlev A. Y.

Legal support of corporate governance in joint-stock companies with state participation

CRIMINAL LEGAL DOCTRINE

— 76 —

Kunts E. V.

Teenage crime: criminological and penitentiary aspects

— 79 —

Turlubekov B. S., Turlubekov A. B.

The application of certain disciplinary and administrative nature to perso, evasive xia from punishment



— 83 —

Koshkin N. S.

On the issue of criminalization of genocide

— 92 —

Turlubekov B. S., Turlubekov A. B.

Punishment is one of the types of crime prevention

— 95 —

Kovaleva N. S.

Current characteristics of crime of minors women in Russia

CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

— 99 —

Kostyuk M. F., Khristenko A. A.

Social conditionality and priority areas of financial investigations

— 103 —

Abramova L. L.

Hyperbolization of the act of the commencement of preliminary investigation
as a negative factor to the realization of a stage of a criminal case

— 113 —

Darovskikh S. M.

The manifestation of the idea of constitutionalism in the activities of the Constitutional
Court of the Russian Federation does not exclude the legal uncertainty of its decisions

— 118 —

Matyushkina A. V., Azyyatova L. F.

Subject of judicial expertise in the investigation of official crimes

— 123 —

Darovskikh O. I.

On the concept of “legal means” in criminal proceedings

ADMINISTRATIVE LAW

— 127 —

Ivanov A. Y.

On the expediency of improving legislation in the field of public health protection
from the effects of ambient tobacco smoke and the consequences of tobacco consumption





КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14529/pro-prava200201
УДК 342.913

ПП № 2(76)-2020. с. 7—15

Безруков А. В.

СТАБИЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ: СОЧЕТАНИЕ И БАЛАНСИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Bezrukov A. V.

STABILITY OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND MODERN CONSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS: COMBINING AND BALANCING OPPORTUNITIES

Исходя из развиваемой в конституционной доктрине идеи конституционной стабильности, в статье рассматриваются возможности проведения современных конституционных преобразований, сосредоточенных в основном на модернизации конфигурации публичной власти. Опираясь на анализ положений действующей Конституции РФ, конституционного законодательства и не вступивших в силу поправок к Конституции РФ, принятых 14 марта 2020 г. и выносимых на общероссийское голосование, автором показаны основные направления, достоинства и недостатки проводимых конституционных преобразований, дана их юридическая оценка. Выявляется обоснованность и необходимость конституционной модернизации в условиях сочетания и сбалансирования публичных интересов и возможности сохранения конституционной стабильности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, конституционная стабильность, конституционные преобразования, конституционное законодательство, конституционный правопорядок.

Based on the idea of constitutional stability developed in the constitutional doctrine, the article considers the possibilities of modern constitutional transformations focused mainly on the modernization of the configuration of public power. Based on the analysis of the provisions of the Constitution, constitutional laws and not entered into force amendments to the Constitution, adopted on 14 March 2020 and put to a nationwide vote, the author shows the main directions, the advantages and disadvantages of the ongoing constitutional reforms, given their legal assessment. The author reveals the validity and necessity of constitutional modernization in the conditions of combining and balancing public interests and the possibility of preserving constitutional stability.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, constitutional stability, constitutional transformations, constitutional legislation, constitutional law and order.

Конституция Российской Федерации, действуя уже более четверти века, в любом случае войдет в историю отечествен-

ного конституционного развития как один из продолжительно действующих учредительных актов высшей юридической силы

7

Конституция,
государство и общество





России. В 2020 году Конституция Российской Федерации подвержена существенной содержательной модернизации (по крайней мере принят и вынесен на общероссийское голосование соответствующий Закон РФ о поправке к Конституции РФ), сконцентрированной в основном на изменении конфигурации публичной власти в России, реструктуризации властных полномочий федеральных органов государственной власти, что уже активно обсуждается в юридической литературе [1, с. 31-44; 2, с. 119-121; 12, с. 6-31].

Являясь сторонником конституционной стабильности, автор последовательно отстаивает подход, суть которого сводится к тому, что Конституцию РФ не следует менять до тех пор, пока такие изменения останутся единственным верным решением на пути укрепления конституционализации и конституционного правопорядка [5, с.5-7]. Поэтому всегда, когда возникают какие-либо тенденции к трансформации текста Конституции, сразу возникают вопросы и сомнения в обоснованности и необходимости таковых.

История знает немало примеров того как нестабильность Конституции в государстве становится отражением деструктивных, хаотичных общественно-политических процессов. В связи с чем, следует разделить весьма осторожное отношение к изменениям Конституции РФ, высказываемое в конституционной доктрине [13, с. 45-47; 14; 15]. Поэтому и нарушение конституционной стабильности следует рассматривать в числе значимых конституционных рисков и угроз для правопорядка в России [4, с.18-22]. И совершенно обоснованы опасения ученых, что на этапе подготовки и принятия конституционных поправок крайне сложно предвидеть, как они скажутся на состоянии конституционного правопорядка и не повлекут ли за собой непрогнозируемых последствий, что диктует необходимость бережного и максимально уважительного отношения к тексту Конституции [10, с. 7-8].

Таким образом, конституционную стабильность можно рассматривать не только как цель, но и как конституционную ценность [14, с.5-7], поскольку она призвана поддерживать стабильность не только правовой системы и государственной власти, но и обеспечивать последовательное конституционное развитие и стабильность конституционного правопорядка. Следовательно, конституционная стабильность есть важнейшее условие установления и эффективного обеспечения конституционного правопорядка, а ее нарушение является конститу-

ционным риском, препятствует его укреплению. И пойти на такой риск, в принципе допустимо, но при его обоснованности и тщательной проработки минимизации возможных негативных последствий.

Соглашаясь с мнением о том, что конституционные реформы необходимо осуществлять последовательно и без изменения основ конституционного строя России [13, с. 45-47], следует исходить из того, что конституционные преобразования в основном следует проводить без изменения текста Конституции РФ, а текстуральные изменения конституционного текста это допустимая при определенных обстоятельствах крайность. Поэтому всегда трудно принять позиции авторов, которые являются активными сторонниками изменения действующей Конституции РФ [6, с. 5-7; 9, с. 32-35].

С учетом изложенного, оптимальным представляется путь проведения конституционных модернизаций без изменения текста Конституции, а именно развитие и конкретизация положений Конституции РФ должно осуществляться посредством необходимого и своевременного законодательства, а также официальной интерпретации положений Конституции Российской Федерации уполномоченными субъектами. И когда уже такие способы становятся недостаточны и/или неэффективны, не находится иного сценария, как внесение поправок к Конституции РФ, при наличии достаточных к тому поводов и оснований, возможно проведение текстуральных изменений Конституции РФ.

Конституция Российской Федерации как уникальный правовой документ, регулирующий фундаментальные отношения и обладающий особыми чертами и юридическими свойствами. Следовательно, такие качества Конституции РФ не просто должны ориентировать конституционного законодателя на осторожность и аккуратность в ее текстуральной корректировке, но и последовательный, обоснованный и сбалансированный подход в реализации таких преобразований. Поэтому очевидна взаимосвязь конституционной стабильности, реальности Конституции с ее юридическими свойствами (ст. 4, 15 Конституции РФ) и центральным местом в правовой системе. Когда система общественных отношений пронизана смыслом и духом Конституции, реальной конституционностью, тогда можно утверждать как о реальности Конституции, так и о признании ее достаточно устойчивой общественно-правовой ценностью. И когда грани устойчивости становятся подвижны, всегда закономерны вопросы и со-

мнения в обоснованности и необходимости таких перемен.

Обращаясь к истории внесения поправок к Конституции РФ, заметим, что за столь немалый период действия Конституции РФ она не пестрит многообразием. Старт принятия поправок к Конституции РФ осуществлен в 2008 г., когда были внесены поправки в Конституцию РФ, предусматривающие изменение срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы, а также расширяющие контрольные полномочия последней. Вначале 2014 г. Президент РФ подписал Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», предусматривающий формирование объединенного Верховного Суда Российской Федерации как единого высшего судебного органа по гражданским, уголовным, административным делам, по разрешению экономических споров и по иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом. Летом 2014 г. принят Закон РФ о поправке к Конституции РФ о Совете Федерации, который предусматривает расширение его представителями Российской Федерации в составе до 10% от числа членов палаты, назначаемых и освобождаемых от должности Президентом РФ.

И, разумеется, самая масштабная конституционная реформа за последние десятилетия проведена в 2020 г. По инициативе Президента РФ, озвученной в Послании Федеральному Собранию России 15 января 2020 г. и результатам работы рабочей группы при Президенте РФ по подготовке поправок к Конституции РФ подготовлен, внесен в Государственную Думу и рассмотрен соответствующий законопроект.

В марте 2020 г. в установленном Конституцией РФ порядке федеральным парламентом принят и региональными законодателями одобрен Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», которым внесено множество поправок в главы с 3 по 8 Конституции РФ, предусматривающих изменение конфигурации публичной власти, формирования и корректировки перечня полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в России¹.

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обр. 15 апр. 2020 г.).

Уникальность такого поправочного закона заключается в том, что в нем самом предусмотрен особый порядок его вступления в силу, а именно при выполнении двух дополнительных условий – получения заключения Конституционного Суда РФ о его конституционности, которое Суд вынес 16 марта 2020 г. и получения им поддержки граждан России на общероссийском голосовании, которое по известным причинам перенесено и планируется в обозримой перспективе. Не уходя в полемику о необходимости формального соблюдения оснований и порядка принятия такого закона, лишь заметим, что для внесения изменений порядка принятия и вступления в силу закона о поправке к Конституции РФ, законодателю изначально следовало последовательно расширить компетенцию Конституционного Суда РФ и дополнить процедуру внесения поправок к Конституции РФ, внести соответствующие коррективы в ФКЗ о Конституционном Суде РФ и ФЗ о порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ. В любом случае, мы получили «самый крутой» поправочный закон как форме, так по содержанию, так и по юридической силе. Автор скорее еще вернется к оценке и анализу юридической природы такого закона в последующем, хотя схожие вопросы уже рассматривались в конституционной доктрине [3, с. 2-5; 7, с. 361-362; 8, с. 36-43].

Анализ проводимых современных конституционных преобразований и Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. показывает три основные тенденции:

– укрепление государственного единства и территориальной целостности Российского государства в переплетении с социально ориентированными положениями Конституции РФ, основанными на установленных в 1 главе Конституции РФ базовых конституционных ценностях правового демократического социального федеративного государства, где человек, его права и свободы – высшая ценность (ст. 1, 2, 4, 5, 7 Конституции РФ);

– установленная поправочным законом категория и идея «единства публичной власти» во многом назрела и обоснованно вводится на конституционный уровень, однако в представленном виде она не вполне коррелирует с положениями ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и отделении его органов от органов государственной власти;

– изменяется конфигурация публичной власти, помимо тенденции сближе-





ния государственной и муниципальной власти, ощутимо изменяются (перераспределяются, расширяются, урезаются) полномочия многих федеральных органов государственной власти.

Остановимся на последней группе отмеченных тенденций, касающихся модернизации конфигурации публичной власти в России. В первую очередь обращает на себя внимание то, что многое поменялось в полномочиях Президента РФ, особенно в сфере исполнительной, где Президент РФ: назначает Председателя Правительства РФ, кандидатура которого утверждена Государственной Думой (прежде требовалось согласование) по представлению Президента РФ, и единолично освобождает Председателя Правительства РФ от должности; назначает на должность заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой (за исключением федеральных министров «силового блока»), и освобождает их от должности; назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти т.н. «силового блока»; освобождает Председателя Правительства РФ от должности, что не влечет теперь обязательной отставки Правительства РФ в целом; осуществляет общее руководство Правительством РФ; устанавливает структуру федеральных органов исполнительной власти и определяет в ней органы, руководство деятельностью которых оставляет за собой, и тех, которыми руководит Правительство РФ; принимает отставку Председателя Правительства РФ, его заместителей и министров т.н. «силового блока»; обеспечивает руководство деятельностью силовых структур.

Если посмотреть на полномочия Президента РФ в сфере законодательной, судебной власти и иных сферах Президент РФ, то со вступлением в силу анализируемого поправочного закона, Президент РФ: вносит в Совет Федерации представления о прекращении полномочий руководителей и судей высших, кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных установленных ФКЗ случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления ими своих полномочий; назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности Генпрокурора РФ, его заместителей, прокуроров субъектов РФ, прокуроров военных

и других специализированных прокуратор, приравненных к прокурорам субъектов РФ; предлагает Совету Федерации для назначения кандидатуру председателя Счётной палаты и половину числа её аудиторов, заместителя председателя и другую половину - Госдуме; формирует Госсовет в целях согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики России и определения приоритетных направлений социально-экономического развития государства; назначает представителей Российской Федерации в Совет Федерации (квота увеличена с 17 до 30); «преодолевать преодоление» президентского вето на принятые российским парламентом законы посредством обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности таких законов; в случае разногласий с федеральным парламентом получает возможность заблокировать ФКЗ или получить поддержку по отдельным федеральным законам также посредством запроса в Конституционный Суд РФ.

Изменяются полномочия Государственной Думы после вступления закона о поправках к Конституции РФ 2020 г., а именно: вместо согласования вводится утверждение по представлению Президента РФ кандидатуры Председателя Правительства РФ, что не оставляет Президенту РФ право «передумать» в отношении представленной кандидатуры; утверждение по представлению Председателя Правительства РФ кандидатур его заместителей и федеральных министров, за исключением федеральных министров т.н. «силового блока»; заслушивание ежегодных отчетов Центрального банка Российской Федерации; назначение на должность и освобождение от должности заместителя Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты по представлению Президента РФ, хотя прежде Думой назначалось первое лицо Банка России; назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека в РФ; выдвижение обвинения против Президента РФ в целях отрешения его от должности или против Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, в целях лишения его неприкосновенности.

Таким образом, полномочия Государственной Думы заметно расширяются, в некоторой мере наблюдается балансирование с Президентом РФ и Советом Федерации.

Конституция РФ не предусматривает случаев прекращения полномочий Совета Федерации, однако деятельность Государственной Думы может быть досрочно прекращена путем роспуска Думы Президентом РФ в случаях, предусмотренных ст. 111 и ст. 117 федеральной Конституции. Анализируемым законом предусмотрено дополнение ст. 112 Конституции, где в ч. 4 предусмотрена еще одна возможность роспуска Государственной Думы Президентом РФ: в случае трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров, вследствие чего более одной трети должностей членов Правительства РФ (за исключением федеральных министров т.н. «силового блока») остаются вакантными. В таком случае Президент РФ вправе распустить Думу и назначить новые выборы.

Изменяются полномочия верхней палаты после вступления закона о поправках к Конституции РФ 2020 г., а именно: наряду с отрешением Президента Российской Федерации от должности вводится полномочие на лишение неприкосновенности экс-президента РФ; уточняется, что назначение руководства и судей Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации осуществляется по представлению Президента РФ; проведение консультаций по предложенным Президентом РФ кандидатурам на должность Генпрокурора России, его заместителей, прокуроров субъектов РФ, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов РФ; назначение на должность и освобождение от должности Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты по представлению Президента РФ (прежде верхняя палата назначала и освобождала от должности заместителя Председателя Счетной палаты); проведение консультаций по предложенным Президентом РФ кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти т.н. «силового блока».

Вызывает определенные сомнения с точки зрения конституционных принципов разделения властей и независимости судебной власти установленная Совету Федерации соответствию с ФКЗ по представлению Президента РФ возможность прекращения полномочий председателей, заместителей председателей и судей высших судов России, председателей, заместителей председателей и су-

дей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных ФКЗ случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий. Логика законодателя понятна, первое лицо государства вносит кандидатуры, он же и инициирует прекращение полномочий судей таких судов. Однако такой расклад в первую очередь ставит высшие суды России в политическую зависимость от Президента РФ, что очевидно не способствует как укреплению единства судебной системы, так и обеспечению независимости судебной власти.

Таким образом, полномочия Совета Федерации ощутимо расширены и определенным образом сбалансированы по сравнению с полномочиями Президента РФ и Государственной Думы.

В законодательном процессе, при видимом расширении полномочий Конституционного Суда РФ, возможности которого дополняются предварительным конституционным контролем в отношении не вступивших в силу ФЗ и ФКЗ, Конституционный Суд РФ может оказаться «втянут» в решение по сути политических вопросов. Мало того, у него появляется непростая задача – дать заключение по закону, который еще не вступил в силу и впоследствии может оказаться предметом его рассмотрения. В новой редакции ч. 3 ст. 107 Конституции РФ предусматривается возможность Президента РФ после преодоления «президентского» вето палатами парламента в течении установленного 7 дневного срока для подписания закона обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности федерального закона. Если Конституционный Суд РФ подтвердит конституционность федерального закона, Президент РФ подписывает его в трехдневный срок с момента вынесения Конституционным Судом РФ соответствующего решения. Если Суд не подтвердит его конституционность, Президент РФ возвращает такой закон в Думу без подписания.

Изменяются правила и в отношении подписания Президентом РФ ФКЗ. В ч. 2 ст. 108 новой редакции Конституции РФ, сохраняется прежнее правило о том, что принятый федеральный конституционный закон в течение четырнадцати дней подлежит подписанию Президентом РФ и обнародованию. Однако в течение указанного срока для Президента РФ также предусмотрена возможность обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке





конституционности такого закона. Если Конституционный Суд России подтвердит конституционность ФКЗ, Президент РФ подписывает его в трехдневный срок с момента вынесения Конституционным Судом РФ соответствующего решения. Если Суд не подтвердит конституционности такого закона, Президент РФ возвращает его в Государственную Думу без подписания.

Что изменится в статусе, структуре и порядке формирования Правительства РФ после вступления конституционных поправок 2020 г.?

Во-первых, в ч. 1 ст. 110 Конституции РФ устанавливается, что исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство РФ под общим руководством Президента РФ. Тем самым юридически закрепляется место Президента РФ вне системы разделения властей, де-юре и де-факто над Правительством РФ. А в ч. 3 ст. 110 Конституции РФ впервые закрепляется, что Правительство РФ руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением органов т.н. «силового блока», руководство которыми осуществляет Президент РФ.

Во-вторых, конституционно устанавливаются требования к членам Правительства РФ - председателем, заместителем Председателя Правительства РФ, федеральным министром, иным руководителем федерального органа исполнительной власти может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

Председателю Правительства РФ, его заместителям, федеральным министрам, иным руководителям федеральных органов исполнительной власти в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации.

В-третьих, изменяется порядок формирования Правительства РФ. После назначения Председатель Правительства РФ не позднее недельного срока после назначения представляет Президенту РФ предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти, за исключением случая, когда предшествующий Председатель Правительства РФ освобожден от должности Президентом РФ.

Председатель Правительства РФ представляет Государственной Думе на утверждение кандидатуры своих заместителей и федеральных министров (за исключением министров «силового блока»). Государственная Дума не позднее недельного срока принимает решение по представленным кандидатурам. Кандидатуры, которых утверждены Государственной Думой, назначаются на должность Президентом РФ, который не вправе отказать в их назначении.

После трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров Президент РФ вправе их назначить из числа кандидатур, представленных Председателем Правительства РФ. Если после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур более одной трети должностей членов Правительства РФ (за исключением министров т.н. «силового блока»), остаются вакантными, Президент РФ вправе распустить Государственную Думу и назначить новые выборы.

В-пятых, конституционно сужается роль Председателя Правительства РФ, который в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, указами, распоряжениями, поручениями Президента РФ лишь организует работу Правительства РФ, но уже не определяет основные направления его деятельности. Кроме того, теперь Председатель Правительства РФ несет персональную ответственность перед Президентом РФ за осуществление возложенных на Правительство РФ полномочий (ст. 113 Конституции РФ).

Таким образом, перераспределение полномочий вряд ли прошло в пользу Правительства РФ, хотя и расширены его конституционные функции (ст. 114 Конституции РФ), но во многом при формальном участии палат российского парламента в его формировании, которое стало подчинено и ответственно перед Президентом РФ.

В новой редакции ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд РФ определен высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории России. Изменяется численный состав Конституционного Суда РФ, который сокращается

с 19 до 11 судей, включая Председателя и его заместителя (теперь он в единственном числе). Сложно пока оценить такую оптимизацию численного состава Суда, но очевидно, что технологически Суду станет проще принимать решения в поиске компромисса, что касается качества принимаемых решений и возрастания нагрузки на конституционных судей, время покажет, сегодня однозначно ответить вряд ли возможно.

Анализируемый закон уточняет и расширяет компетенцию Конституционного Суда РФ, который в порядке, установленном ФКЗ: проверяет по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан - конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах «а» и «б» части 2 ст. 125 Конституции РФ, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты; по запросу Президента РФ проверяет конституционность проектов законов РФ о поправке к Конституции РФ, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции РФ, законов до их подписания Президентом РФ; в порядке, установленном ФКЗ, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Россию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка России; по запросу Президента РФ в порядке, установленном ФКЗ, проверяет конституционность законов субъекта РФ до их обнаружения высшим должностным лицом субъекта РФ. Следовательно, расширение компетенции органа конституционного правосудия в определенной мере обуславливает усиление его роли в осуществ-

лении судебного конституционного контроля, причем и эти полномочия, как и прежде, остаются открытыми и могут дополняться ФКЗ.

Таким образом, оценивая в целом анализируемый пакет конституционных поправок к Конституции РФ, нельзя не отметить их позитивное начало в том, что многие положения Конституции РФ стали системно согласованы, в определенной мере повысилось технико-юридическое качество Конституции РФ, намечена позитивная тенденция в развитии исходных конституционных ценностей в положениях глав 3-8 Конституции РФ и попытка установления сбалансированности властных полномочий между федеральными органами государственной власти. Однако конституционному законодателю по понятным причинам не удалось избежать некоторых «перегибов» в балансировке полномочий между федеральными органами государственной власти (прямое руководство Президентом РФ и ответственность Правительства РФ перед ним, формальное согласование, точнее ни к чему не обязывающее консультирование с Советом Федерации кандидатур министров «силового блока», Генпрокурора РФ, его заместителей и прокуроров и т.д.).

Тем не менее, проведение конституционной реформы 2020 года можно признать конструктивной, во многом конституционному законодателю удалось укрепить единство и повысить качество текста Конституции РФ, сбалансировать распределение властных полномочий между высшими органами государственной власти. В проведенной реформе просматриваются определенная концепция и логика, развиваются в основном обоснованные и необходимые направления конституционно-правового регулирования современной России. Представляется, что только последовательное, своевременное, обоснованное и качественное проведение конституционных преобразований предопределяет эффективную реализацию положений Конституции РФ и в целом укрепление конституционного правопорядка в России.

Литература

1. Авакьян С.А. Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. с. 31-44.
2. Бабурин С.Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23).с. 119-121.
3. Безруков А.В. Федеральная Конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечении правопорядка в России // Российская юстиция. 2015. № 10. с. 2-5.





4. Безруков А.В. Выявление, минимизация и устранение конституционных рисков как средство обеспечения правопорядка // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. с. 18-22.
5. Безруков А.В. Стабильность Конституции Российской Федерации и конституционные преобразования: возможности сочетания и реализации // Российская юстиция. 2017. № 3. с. 5-7.
6. Исаков В.Б. Конституция, по которой невозможно жить // Конституционный вестник. 1994. № 1. с. 33-35.
7. Кокотов А.Н. О понятии «закон» в Конституции Российской Федерации // LexRussica. 2009. № 2. С. 360-361.
8. Кокотов А.Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). с. 36-43.
9. Кондрашев А.А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразования, поправки или пересмотр? // Государство и право. 2016. № 2. с. 32-35.
10. Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. с. 7-8.
11. Лебедев В.А. К вопросу о системе законодательства в Российской Федерации // Проблемы права. 2019. № 2. с. 7-12.
12. Румянцев О.Г. Конституционная реформа–2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). с. 6-32.
13. Скуратов Ю.И. Развитие Конституции Российской Федерации 1993 года: поправки в Конституцию или конституционная реформа // Российский юридический журнал. 2009. № 3. с. 45-47.
14. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монограф. М., 2016. 281 с.
15. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции // Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2 М., 2018. 273 с.

References

1. Avak'yan S.A. Proyeckt zakonov o popravkakh k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: gryadet round chetverty? // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2020. № 1. с. 31-44.
2. Baburin S.N. O korrektyrovke Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu // Konstitutsionnyy vestnik. 2020. № 5 (23). с. 119-121.
3. Bezrukov A.V. Federal'naya Konstitutsiya i konstitutsionnyye zakony v sisteme konstitutsionnogo zakonodatel'stva i obespechenii pravoporyadka v Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. 2015. № 10. с. 2-5.
4. Bezrukov A.V. Vyyavleniye, minimizatsiya i ustraneniye konstitutsionnykh riskov kak sredstvo obespecheniya pravoporyadka // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2018. № 11. с. 18-22.
5. Bezrukov A.V. Stabil'nost' Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionnyye preobrazovaniya: vozmozhnosti sochetaniya i realizatsii // Rossiyskaya yustitsiya. 2017. № 3. с. 5-7.
6. Isakov V.B. Konstitutsiya, po kotoroy nevozmozhno zhit' // Konstitutsionnyy vestnik. 1994. № 1. с. 33-35.
7. Kokotov A.N. O ponyatii «zakon» v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii // LexRussica. 2009. № 2. С. 360-361.
8. Kokotov A.N. O predmete konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2018. № 10 (95). с. 36-43.
9. Kondrashev A.A. Konstitutsiya Rossii: defekty prinyatiya i sodержaniya. Preobrazovaniya, popravki ili peresmotr? // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 2. с. 32-35.
10. Knyazev S.D. Stabil'nost' Konstitutsii i yeye znacheniyе dlya sovremennogo rossiyskogo konstitutsionalizma // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2015. № 1. с. 7-8.
11. Lebedev V.A. K voprosu o sisteme zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii // Problemy prava. 2019. № 2. с. 7-12.
12. Rumyantsev O.G. Konstitutsionnaya reforma–2020 v Rossiyskoy Federatsii: pristrastnaya otsenka // Konstitutsionnyy vestnik. 2020. № 5 (23). с. 6-32.
13. Skuratov YU.I. Razvitiye Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii 1993 goda: popravki v Konstitutsiyu ili konstitutsionnaya reforma // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2009. № 3. с. 45-47.
14. Khabriyeva T.YA. Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire: monograf. М., 2016. 281 с.
15. Khabriyeva T.YA., Chirkin V.Ye. Teoriya sovremennoy konstitutsii // Khabriyeva T.YA. Izbrannyye trudy: v 10 t. Т. 2 М., 2018. 273 с.

БЕЗРУКОВ Андрей Викторович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, ведущий научный сотрудник кафедры теории государства и права, конституционного и адми-

нистративного права Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук. E-mail: abezrukov@bk.ru

BEZRUKOV Andrey, Professor of the Department of state and legal disciplines, Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Professor of the Department of constitutional, administrative and municipal law, Siberian Federal University, leading researcher of the Department of theory of state and law, constitutional and administrative law, South Ural state University, doctor of law. E-mail: abezrukov@bk.ru



Лебедев В. А.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ПОНЯТИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Lebedev V. A.

RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN: CONCEPT AND EVOLUTION

Права человека с момента их возникновения постоянно привлекали и привлекают внимание исследователей различных отраслей знаний: философии, социологии, политологии, юриспруденции. Несмотря на обилие работ по правам человека в юридической литературе нет единства мнений по их пониманию. Стремясь выделить наиболее важные, на их взгляд признаки, авторы предлагают свое видение этой проблемы и формулируют различные определения. В статье рассматриваются существующие в науке точки зрения на понятие «права человека», приводятся различные их классификации. В зависимости от времени возникновения и признания государствами в отношении прав человека рассматриваются представленные в науке поколения прав человека. Автор полагает, что права человека представляют собой нормативную основу взаимодействия людей, координацию их поступков и деятельности, которая позволяет преодолевать конфликты интересов, противоречия, борьбу, обеспечивая людям свободный статус.

Ключевые слова: права человека, поколения прав человека, права, свободы, личность.

Since their inception, human rights have constantly attracted and attract the attention of researchers of various branches of knowledge: philosophy, sociology, political science, and jurisprudence. Despite the abundance of human rights work in the legal literature, there is no consensus on their understanding. In an effort to highlight the most important, in their opinion, signs, the authors offer their vision of this problem and formulate various definitions. The article discusses the points of view on the concept of "human rights" existing in science, their various classifications are given. Depending on the time of emergence and recognition by states in relation to human rights, the generations of human rights represented in science are considered. The author believes that human rights are the normative basis for the interaction of people, coordination of their actions and activities, which allows overcoming conflicts of interests, contradictions, struggles, providing people with a free status.

Keywords: human rights, generations of human rights, rights, freedoms, personality.

16

Конституция,
государство и общество



Права человека представляют собой нормативную основу взаимодействия людей, координацию их поступков и деятельности, которая позволяет преодолевать конфликты интересов, противоречия, борьбу, обеспечивая людям свободный статус. Правовое положение человека выражается во множестве прав и свобод, разнообразных по своему содержанию, времени их возникновения и правовому закреплению. Права человека зависят от исторического развития, характера общественно-политического строя, расстановки социальных сил, от националь-

ных, правовых и других традиций, от общей политической и правовой культуры населения. Следовательно, права человека могут быть у него только тогда, когда он находится в обществе. Если же человек изолирован от общества, то никаких прав у него быть не может.

С точки зрения юридического содержания права человека - мера возможного поведения, гарантированная юридическими нормами, а также нравственными, политическими, религиозными правилами и принципами. Это возможность совершать определенные поступки, причем

пределы этой возможности предусмотрены в правовых нормах, в нравственных или иных правилах [13, с. 15].

В юридической литературе существуют различные точки зрения на понятие прав человека. Стремясь выделить наиболее важные, на их взгляд признаки, авторы предлагают свое видение этой проблемы и формулируют различные определения.

Н.С. Бондарь выделяет в понятии прав человека следующие признаки: это возможности пользоваться элементарными, наиболее важными благами и условиями существования личности, которые обеспечивают безопасность и свободу в гражданском обществе, объективно складываются в результате закономерного развития человеческой цивилизации и вытекают из самой природы человека [2, с.212-213].

М.В. Баглай под правами человека понимает исходные, присущие всем людям от рождения права независимо от того, являются они гражданами государства, в котором живут, или нет [1, с. 120].

В.Е. Чиркин, полагал, что права человека это абсолютные, неотчуждаемые, естественные, не ограничиваемые права, принадлежащие человеку (в том числе и не гражданину) в силу его рождения как личности [14, с.54].

С точки зрения происхождения права человека выступают, с одной стороны, как свойство личности, с другой – как результат социально-экономического и политического, нравственного и культурного развития. Поскольку права человека — это его возможности, постольку они являются свойствами самой личности. Возможности — это то, что человек может совершить, и они принадлежат только ему [13, с.16]. Существуют и другие подходы к пониманию прав человека.

В зависимости от времени их возникновения и признания государствами в отношении прав человека используется термин, «поколение прав человека» введенный К. Васаком. В научной литературе выделяют несколько поколений прав человека.

Первое поколение – это гражданские и политические права, которые были сформулированы в процессе буржуазных революций, результатом завоевания которых стали не только провозглашение, но и закрепление таких ценностей, как: право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и безопасность, на свободу от произвольного ареста, задержания или ссылки, право на справедливый и беспристрастный суд, на свободу передвижения, свободу мысли, совести и ре-

лигии. Естественные права, по своей сути, отражают самые насущные потребности человека, поскольку исходят из его биологических и социальных начал и игнорировать данное обстоятельство государство не должно.

Права первого поколения признаются международными и национальными документами, неотчуждаемыми и не подлежащими ограничениям. Первоначально они были сформулированы во французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.) и американском Билле о правах (1791 г.). В настоящее время эти права нашли свое отражение в конституциях и законах большинства стран мира, а также в международных конвенциях, таких как: Всеобщей декларации прав человека 1948 года (ст. 3-21) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года и других.

Второе поколение составляют социально-экономические и культурные права и свободы. Их возникновение относится к концу XIX и началу XX века и связано с борьбой трудящихся за улучшение своего социально-экономического положения. Впервые социально-экономические права были закреплены в Конституции Мексиканских Соединенных Штатов 31 января 1917 года, в которой не только провозглашалось право каждого человека на достойный и общественно полезный труд, но и устанавливалась продолжительность рабочего дня (максимум восемь часов), запрещалось использовать труд подростков моложе 14 лет, устанавливалась шестидневная рабочая неделя и т.д.

Как отмечает И. Михайловская, «включенные в мексиканскую Конституцию положения, касающиеся труда и социального обеспечения, весьма разнородны по характеру формулировок. Одни из них детализированы до уровня норм специального закона («в период кормления женщины имеют право на два специальных перерыва в течение рабочего дня по полчаса каждый для кормления ребенка»), другие - декларативны и мало реалистичны, если учитывать экономическое положение страны («минимальная общая заработная плата должна быть достаточной для удовлетворения нормальных жизненных потребностей трудящегося, его материальных, социальных и культурных запросов как главы семьи и для обязательного образования детей») [12, с.36].

Важная роль в закреплении социально-экономических прав принадлежит советским конституциям.





Широкий набор таких прав был отражен в Конституции СССР 1936 года. В ней впервые были закреплены такие социально-экономические права, как: право на труд, на отдых, на справедливые и благоприятные условия труда, на справедливое вознаграждение и равную оплату за равный труд, право на достойный жизненный уровень, медицинский уход, социальное обслуживание, образование и участие в культурной жизни общества. Нормативное выражение социальных, экономических и культурных прав, относящихся ко второму поколению, получило в уже названных выше нами международных конвенциях, что, несомненно, явилось огромным движением вперед в развитии прав человека. В отличие от прав первого поколения, названные права, по своей природе являются позитивными, а государство должно не препятствовать их осуществлению, а наоборот создавать условия для их реализации.

Третье поколение прав возникло во второй половине XX в, после окончания Второй мировой войны, в связи с завоеванием свободы и независимости колониальными народами. Такие права часто именуют коллективными, или солидарными.

К числу данных прав относят право народов на самоопределение и на развитие, право на мир, право на ядерную безопасность, космос, право на общее наследие человечества, право на благоприятную окружающую среду и др. Но этими правами пользуются не только народы, но и лица, к нему относящиеся. Все перечисленные права зафиксированы в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

В то же время, следует иметь в виду, что некоторые из прав этого поколения, например, религиозные права могут осуществляться как индивидом, принадлежащим к данной общности, так и общностью в целом. Другие же права, такие, например, как право на забастовку, могут быть реализованы только посредством коллективных действий. Таким образом, критерием выделения прав третьего поколения является специфика его субъекта.

Права человека в современном международном праве подразделяются на те, которые должны соблюдаться всеми государствами и те, которые могут подвергаться некоторым ограничениям. Данное положение воспринято и российским законодательством.

Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 4) к числу императивных принципов и прав относит: запрет дискриминации на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения, а также права каждого на жизнь, не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию; на свободу от рабства и подневольного состояния; на признание правосубъектности; не быть лишенным свободы за невыполнение договорного обязательства и т.д. В то же время, согласно Пакту, такие права и свободы, как, например, право на передвижение внутри страны, покидать любую страну и возвращаться в свою, на информацию (ст. 12, 19), не исключает правомерных, совместимых с остальными неотъемлемыми правами ограничений по соображениям защиты прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественно-политического порядка, нравственности населения. В отдельных соглашениях ограничения конкретизируются [4, с.70-71].

Так, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод говорится об обоснованности ограничений общественными интересами лишь в демократическом обществе, что, в частности, позволяет сообществу адекватно реагировать на ущемление прав человека диктаторскими режимами под предлогом социальной необходимости и нормативной предусмотренности [11, с.554]. К примеру, лишение жизни считается правомерным (ст. 2) не только при исполнении смертного приговора суда, но и в результате применения силы, абсолютно необходимой для защиты любого лица от незаконного насилия; для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Отдельные ученые современности выделяют **четвертое поколение** или даже **пятое поколение** прав человека. Тем не менее, вопрос о их выделении крайне неоднозначен, так как многих из этих прав являются развитием прав первого и второго поколения. Прежде всего, в группу прав четвертого поколения часто относят так называемые «соматические» или личностные права, то есть право человека на его собственное тело. В.И. Крусс определяет такие права как «группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его

«модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [6, с.43-50].

К таким правам следует отнести право на смерть, права в сфере трансплантологии, генетическая коррекция особенностей человека и изменением качественных параметров жизни (генная инженерия, геронтология). Эти положения в области прав человека дают основания для формирования новых конституционных идей, направленных на защиту и охрану человеческого здоровья и личных прав в этой области. Право на выбор вмешательства или невмешательства в сферу своего здоровья; право на уважение его частной жизни в сфере, касающейся сведений о его здоровье; право на ознакомление с любой собранной информацией о состоянии своего здоровья; право лиц, выступающих в качестве испытуемых, на информацию о своих правах и гарантиях своей защиты; запрет на использование тела человека и частей его тела для извлечения человеческой выгоды [8, с.32; 9, с. 9-14].

К этому же поколению прав часто относят права в сфере цифровых технологий. Нормативное правовое регулирование общественных отношений, возникающих в эпоху четвертой промышленной революции, находится в стадии своего становления.

Новые технологии трансформируют понимание традиционных ценностей и выдвигают новые проблемы. Некоторые из них приобретают особую остроту и превращаются из локальных в глобальные (например, приватность и информационная безопасность, экологические проблемы XXI века: истощение ресурсов, изменение климата, загрязнение биосферы). Права «четвертого поколения», представляются весьма важными и актуальными, так как касаются вопроса выживания человека как биологического вида. В связи с этим можно говорить о необходимости отражения отдельных положений в современных конституционных идеях.

Итак, права являются неотъемлемым элементом каждого человека, отражают конкретный период развития народа и государства в целом, что имеют существенное значение для их понимания как сложного явления. Права необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с правами отдельных социальных общностей, их нельзя как отождествлять, так и противопоставлять друг другу.

Поэтому для того, чтобы полнее исследовать их сущность, содержание и многообразие, необходимо разбить их на отдельные группы, или объединить на основании выявленных признаков в определенные группы. К такому способу часто обращаются при исследовании различных правовых явлений, получившему название классификация. Применимо к исследованию основных прав и свобод такая классификация необходима, так как с ее помощью только и возможно не только глубоко и всесторонне раскрыть их содержание, но и определить их значение, выявить их роль, важность и необходимость для каждого человека.

Права человека и гражданина можно классифицировать по их генезису – на естественные (прирожденные) и производные от них (сформулированные в нормативных актах); по характеру образования – на основные (конституционные) и дополнительные (конкретизирующие); по субъектам: на общие права и свободы, которые имеют универсальный характер, принадлежат всем категориям лиц и права, принадлежащие отдельным социальным группам (женщины, дети, беженцы, инвалиды, пожилые люди и др.).

Права классифицируют и по приоритетности - право на жизнь, образующее не только первооснову всех других прав и свобод, но и представляющего главную ценность всего человечества; по возможности ограничения прав и свобод: права и свободы, которые могут подлежать ограничению; права и свободы, которые не могут быть ограничены [7, с.130-139; 10, с. 20-21].

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года закреплен перечень статей, содержащих права, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах, даже в период чрезвычайного положения в государстве, например: право на жизнь, недопущение пыток, недопущение медицинских экспериментов, рабства и т.д.

Следует различать такие понятия, как права и свободы человека, права и свободы человека и гражданина. Права и свободы человека, независимо от его гражданства, принадлежат каждому от рождения. Они не отчуждаемы от человека, их нельзя лишиться произвольно. Государство, если оно считается правовым, не дарует эти права человеку, а признает их и всемерно гарантирует. Такие права и свободы называются естественными или личными. Другая категория прав и свобод человека и гражданина характеризуется тем, что они как бы «даруются» нам госу-





дарством в зависимости от степени его политического, социального, экономического и культурного развития. Эти права и свободы как раз могут делиться на общие права и свободы каждого человека и на права и свободы исключительно гражданина Российской Федерации. Права и свободы гражданина - это те права и свободы, которые принадлежат исключительно гражданину определенного государства. К последним, например, относятся избирательные права граждан, право на равный доступ к государственной службе (ч.2, 3 ст. 32 Конституции РФ) и др.

Как видим, классификация прав и свобод может осуществляться по различным основаниям. При этом следует учитывать, что она не всегда является строгой. Одно и то же право или свобода может включаться одновременно в две и более классификационные группы. В качестве примера можно привести, например, право на труд. Его можно отнести и к экономическим и социальным правам, а свобода совести, соответственно, к личным и политическим и т.д.

Наряду с понятиями «права человека», «права гражданина» Конституция РФ использует понятие «личность». В ст.21 говорится о достоинстве личности, которое, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения (постановление от 3 мая 1995 г., №4-П, от 15 января 1999 г. №1-П и др.).

В ст. 64 Конституции РФ говорится об основах правового статуса личности. Необходимо учитывать, что в юриспруденции понятие «личность» используется не в том смысле, что в социологии. Социология рассматривает личность как результат социализации индивида, который усваивает традиции в системе ценностных ориентаций. Чем больше человек усваивает в процессе социализации, тем более развитую личность он представляет. Поэтому личностью не рождаются, а становятся. Конституция Российской Федерации использует понятие «личность» для краткого выражения сути двух понятий: «человек» и «гражданин» и признает личностью каждого человека, каждого гражданина [5, с.226].

Л.Д. Воеводин отмечает, что права и свободы — это две формы выражения установленных законом правовых возможностей выбора человеком своего поведения. Когда такой выбор связан с использованием конкретными социальными

ми благами, закон чаще всего использует термин «право», когда речь идет о таких правовых возможностях, где целесообразно подчеркнуть степень выбора поведения, применяется термин «свобода» [3, с.12-14]. Подтверждением необходимости разграничения прав и свобод служит и название главы 2 Конституции Российской Федерации, которая так и называется «Права и свободы человека и гражданина».

Как известно, наиболее распространенным классификационным признаком в науке конституционного права является содержание прав и свобод человека и гражданина. Именно по этому признаку они делятся на личные, социально-экономические, политические, культурные. Некоторые авторы выделяют экологические, материальные и другие виды прав.

Такое деление прав и свобод человека и гражданина полностью отвечает требованию классификации в соответствии с предметом правового регулирования, то есть характером регулируемых правом общественных отношений, и охватывает основные области важнейших взаимоотношений личности и общества, гражданина и государства.

Предлагаются и более дробные классификации. Так, опираясь на текст Конституции Российской Федерации 1993 года, в литературе, наряду с личными, политическими, экономическими, социальными, культурными правами и свободами, выделяет еще права, обеспечивающие судебную защиту. К ним относят право на рассмотрение дела судом присяжных, право на юридическую помощь, право не свидетельствовать против самого себя, охрану прав потерпевших и др.

В Конституции Российской Федерации закрепляются основные (наиболее значимые) как для отдельного человека, так и для общества, и для государства права и свободы. Согласно ч. 2 ст.17, основные права и свободы человека «неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Тем самым, Конституция признает основные права как существующие независимо от конкретного законодательства естественные права человека и гражданина. Однако их перечень, закрепленный в Конституции, не следует считать исчерпывающим. На разных этапах развития государства могут возникнуть новые права и свободы. «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав» - гласит ч.1 ст. 55 Конституции.

Конституционные права и свободы человека и гражданина – это закрепленные Конституцией Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права неотъемлемые права и свободы, принадлежащие каждому человеку от рождения либо в силу гражданства, обеспеченные принудительной силой государства. Итак, права являются неотъемлемым

элементом правового статуса каждого человека, отражают конкретный период развития народа и государства в целом, что имеет существенное значение для понимания их сложной природы. Права необходимо рассматривать в диалектической взаимосвязи с правами отдельных социальных общностей, нельзя как отождествлять, так и противопоставлять друг другу.

Литература

1. Баглай М.В., Лейбо Ю.И., Энтин Л.М. Конституционное право зарубежных стран. М., 2013. С. 120.
2. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. Ростов-н/Д., 1997. С.212-213.
3. Воеводин Л. Д. Система конституционных прав и свобод советских граждан. Юридические условия и средства их обеспечения и охраны // Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. - М., 1987. - С. 12-14
4. Киричек Е.В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: теория и практика, история и современность, проблемы и перспективы: монография. Изд.2-е, перераб. и доп. Тюмень: филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2014. С.70-71.
5. Конституционное право: учебник для бакалавров/ отв. ред. В.И.Фадеев.- Москва : Проспект, 2013. С.226.
6. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. 2000. № 10. С. 43-50.
7. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина. -Lexrussica (Русский закон). 2017. № 1.С.130-139;
8. Лебедев В.А. Проблемы развития концепции прав человека в современной России: конституционные идеи и социальные ценности. - В сб. : Личность, власть, экономика: правовые проблемы. - Санкт-Петербург 2012. С.32;
9. Лебедев В.А. Права человека в современной России. - Проблемы права. 2012. №6. С.9-14.
10. Лебедев В.А. Ограничения политических прав и свобод граждан в Российской Федерации. - Конституционное и муниципальное право. 2004. № 2. С.20-21.
11. Международные акты о правах человека: Сб. док. /Сост. Карташкин В.А., Лукашова Е.А.. М., 2000. С.554.
12. Михайловская И. Генезис социально-экономических прав и их влияние на формирование посттоталитарных систем// Конституционное право: восточно-европейское обозрение.2000. № 1 (30). С 36.
13. Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики. Под общей редакцией Ф.М. Рудинского.- М.: Права человека, 2009. С.15.
14. См.: Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2014. С. 54.

References

1. Baglay M.V., Leybo YU.I., Entin L.M. Konstitutsionnoye pravo zarubezhnykh stran. M., 2013. S. 120.
2. Bondar' N.S. Prava cheloveka i mestnoye samoupravleniye v Rossiyskoy Federatsii. Rostov-n/D., 1997. S.212-213.
3. Voyevodin L. D. Sistema konstitutsionnykh prav i svobod sovetskikh grazhdan. Yuridicheskiye usloviya i sredstva ikh obespecheniya i okhrany // Yuridicheskiye garantii konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti v sotsialisticheskom obshchestve. - M., 1987. - S. 12-14.
4. Kirichek Ye.V. Konstitutsionnyye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossii: teoriya i praktika, istoriya i sovremennost', problemy i perspektivy: monografiya. Izd.2-ye, pererab. i dop. Tyumen': filial Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava v Tyumenskoy oblasti, 2014. S.70-71.
5. Konstitutsionnoye pravo: uchebnik dlya bakalavrov/ отв. red. V.I.Fadeyev.- Moskva : Prospekt, 2013. S.226.
6. Kruss V.I. Lichnostnyye («somaticheskiye») prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy / V.I. Kruss // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 10. S. 43-50. 7. Lebedev V.A. Konstitutsionnyye osnovy ogranicheniy prav i svobod cheloveka i grazhdanina.-Lexrussica (Russkiy zakon). 2017. № 1.S.130-139.



8. Lebedev V.A. Problemy razvitiya kontseptsii prav cheloveka v sovremennoy Rossii: konstitutsionnyye idei i sotsial'nyye tsennosti. - V sb. : Lichnost', vlast', ekonomika: pravovyye problemy. - Sankt-Peterburg 2012. S.32.
9. Lebedev V.A. Prava cheloveka v sovremennoy Rossii. - Problemy prava. 2012. №6. S.9-14.
10. Lebedev V.A. Ogranicheniya politicheskikh prav i svobod grazhdan v Rossiyskoy Federatsii. - Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2004. № 2. S.20-21.
11. Mezhdunarodnyye akty o pravakh cheloveka: Sb. dok. /Sost. Kartashkin V.A., Lukashova Ye.A.. M., 2000. S.554.
12. Mikhaylovskaya I. Genezis sotsial'no-ekonomicheskikh prav i ikh vliyaniye na formirovaniye posttotalitarnykh sistem// Konstitutsionnoye pravo: vostochnoyevropeyskoye obozreniye.2000. № 1 (30). S 36.
13. Rudinskiy F.M., Gavrilova YU.V., Krikunova A.A., Soshnikova T.A. Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye prava cheloveka i grazhdanina: sovremennyye problemy teorii i praktiki. Pod obshchey redaktsiyey F.M. Rudinskogo. - M.: Prava cheloveka, 2009. S. 15.
14. Sm.: Chirkin V.Ye. Konstitutsionnoye pravo zarubezhnykh stran. M., 2014. S. 54.

ЛЕБЕДЕВ Валериан Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 123995, Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9. E-mail: lebedev_va@bk.ru

LEBEDEV Valerian, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy). E-mail: lebedev_va@bk.ru



Баринов Э. Э.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНА СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Barinov E. E.

SECURITY AND PROTECTION OF SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF PRESERVING THE CONSTITUTIONAL IDENTITY OF RUSSIA

В статье рассматриваются способы защиты конституционной идентичности в условиях серьезного давления на традиционные социокультурные ценности народов России. Автором доказывается необходимость комплексного теоретического обоснования оптимальных юридико-правовых способов противодействия современным геополитическим угрозам, в том числе путем охраны конституционного суверенитета и обеспечения конституционной безопасности. По мнению автора, конституционно-правовая модель организации жизни общества и государства должна основываться на солидарных общественных представлениях и традиционных социокультурных ценностях. Необходимая для нормального сосуществования различных государств частичная синхронизация правовых систем не предполагает их полной унификации. Однако выработка четких критериев отнесения тех или иных норм к сфере, определяющих национальную конституционную идентичность, требует серьезного идеологического и научно-теоретического обоснования. Одновременно следует учитывать многонациональный и многоконфессиональный характер Российского государства, что значительным образом усложняет обозначенную проблему. Автор считает, что охрана конституционного суверенитета не должна наносить вред мировому сотрудничеству в области защиты прав человека и создавать предпосылки для использования конституционной идентичности как инструмента «избирательного» действия. Положительно оценивая конституционно-правовое закрепление и обоснование механизма преодоления конституционно-конвенциональных коллизий, автор отстаивает необходимость продолжения «диалога» между органами конституционной и конвенциональной юстиции.

Ключевые слова: безопасность, геополитические угрозы, Европейский Суд по правам человека, конвенционально-конституционная коллизия, конституционная безопасность, конституционная идентичность, конституционный строй, конституционный суверенитет, Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, национальные интересы, права человека, правовая глобализация, социокультурные ценности.

The article discusses ways to protect constitutional identity in the face of serious pressure on the traditional sociocultural values of the peoples of Russia. The author proves the need for a comprehensive theoretical justification of optimal legal methods to counter modern geopolitical threats, including by protecting constitutional sovereignty and ensuring constitutional security. According to the author, the constitutional-legal model of the organization of life of society and the state should be based on solidarity of public notions and traditional sociocultural values. The partial synchronization of legal systems, necessary for the normal coexistence of various states, does not imply their complete unification. However, the development of clear criteria for classifying these or those norms as defining national constitutional identity requires a serious ideological and scientific-theoretical justification. At the same time, it should be borne in mind that Russia is a multinational and multiconfessional state, which





greatly complicates the identified problem. The author believes that the protection of constitutional sovereignty should not harm world cooperation in the field of protecting human rights and create the prerequisites for using constitutional identity as an instrument of «selective» action. Having positively assessed the constitutional legal consolidation and justification of the mechanism for overcoming constitutional and conventional conflicts, the author advocates the need to continue the «dialogue» between the bodies of constitutional and conventional justice.

Keywords: security, geopolitical threats, European Court of Human Rights, conventional constitutional conflict, constitutional security, constitutional identity, constitutional order, constitutional sovereignty, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, national interests, human rights, legal globalization, sociocultural values.

Безопасность государства – одно из главных условий динамичного и поступательного развития общества в условиях перманентных геополитических вызовов и угроз. Традиционные социокультурные ценности народов, населяющих территорию Российской Федерации, все чаще подвергаются массивному идеологическому и политическому давлению как внутри страны, так и на международной арене. Оценка промежуточных результатов процессов правовой глобализации, протекающих под патронажем западных либеральных демократий, свидетельствует о серьезной опасности, которую несут в себе «универсальные ценности» для социокультурного кода населения России. В этих условиях возрастает научная значимость проблемы защиты национальной идентичности и охраны традиционного социокультурного пространства. Одним из способов защиты традиционных социокультурных ценностей является обеспечение конституционной безопасности, ведь именно Конституция в ее правовом и аксиологическом измерении выступает базовой ценностно-правовой основой системы социокультурных приоритетов.

Проблемам государственной, конституционной, политической и правовой безопасности в современной российской науке уделяется достаточное внимание, однако концептуальные общетеоретические аспекты данной проблематики все еще находятся в стадии своей разработки и споров о сущности и содержании входящих в предметное поле дискуссии понятий и категорий. Традиционно термин «безопасность» трактуется достаточно широко и означает ситуацию отсутствия угроз, защищенности от угроз или же ситуацию, когда возможные риски от угроз будут сведены к минимуму. Сформировать свое особое оригинальное понимание «безопасности» в таких условиях достаточно сложно. Не случайно современный российский законодатель в большин-

стве случаев последовательно использует сочетание «безопасность – состояние защищенности». Речь идет как о специальных законах, посвященных тому или иному виду безопасности (Федеральный закон «О радиационной безопасности населения», Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», Федеральный закон «О транспортной безопасности» и др.), так и о законах, посвященных отдельным направлениям функционирования общества и государства, в названии которых категория «безопасность» не употребляется (Воздушный кодекс РФ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды», Федеральный закон «О гидрометеорологической службе» и др.). Аналогичная связка используется и в многочисленных подзаконных актах, например, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, позиционирующей себя как документ стратегического планирования, рассчитанный на долгосрочную перспективу.

Одним из редких нормативных правовых актов, не использующих связку «безопасность – состояние защищенности», является Федеральный закон «О безопасности», который четкого определения категории «безопасность» не содержит, хотя и выступает своего рода «базовым» по всем вопросам обеспечения безопасности в Российской Федерации. Кроме всего, данный закон, предлагая перечень отдельных видов безопасности (безопасность государства, общественная, экологическая, безопасность личности), оставляет его открытым. Подсчитать на основе анализа всей системы нормативных правовых актов актуальное на сегодняшний день количество видов «безопасности», существующих в российском законодательстве, вряд ли представляется возможным. Однако можно утверждать, что такие виды безопасности, как юридическая, правовая, политическая и конституционная, являются в большей степени до-

стоянием именно теоретической юридической науки и не имеют своего официального формально-юридического оформления. Интерес представляет тот факт, что до определенного времени в России функционировали Управление конституционной безопасности (упразднено в 1999 г. [1]) и Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по конституционной безопасности» (упразднена в 2005 г. [2]). Изначально полномочия «комиссии по конституционной безопасности» были переданы «комиссии по общественной безопасности», однако анализ ныне действующих указов Президента РФ в сфере регламентации деятельности Совета Безопасности РФ свидетельствует о том, что вопросами непосредственно «конституционной безопасности» в той или иной степени может заниматься практически любая из существующих «комиссий» в соответствии со спецификой своего направления деятельности [3]. Одновременно «защита конституционного строя» выступает одной из основных базовых функций Совета Безопасности Российской Федерации [4].

Актуальность дискуссий, посвященных обсуждению вопросов конституционной безопасности, не следует недооценивать, несмотря на их общетеоретический характер. Именно они лежат в основе обсуждения вопросов о соотношении национального и международного права, внутригосударственного и надгосударственного (конвенционного) правосудия. По итогам обсуждения концептуальных и общетеоретических проблем обеспечения конституционной безопасности была произведена оптимизация механизма соотношения национальных и межгосударственных судебных решений, о чем более подробно будет сказано позднее. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, понятие «безопасность» – это категория, в том числе конституционная, а вся система общественных отношений «получает свое опосредование именно на уровне конституционного текста» [5]. Таким образом, Конституция РФ, олицетворяя нормативно-правовые основы безопасности личности и государства, выступает одновременно и как базовый объект и как базовое средство обеспечения конституционной безопасности Российской Федерации. Надо сказать, что в современной России ни один из базовых конституционно-правовых институтов нельзя признать в абсолютной степени защищенным. Как внутренним, так и внешним видам угроз могут подвергаться такие осно-

вополагающие институты, как основы конституционного строя, права и свободы человека, основы федеративного устройства России и др. Основными внешними угрозами национальной безопасности выступают политическая, экономическая или иная зависимость России от иностранных государств и в конечном итоге утрата политического и экономического суверенитета. В современной науке утвердилась точка зрения, что конституционная безопасность – это состояние защищенности от внутренних и внешних угроз основополагающих конституционно-правовых установлений и предписаний, призванных защитить верховенство и высшую юридическую силу Основного Закона страны, государственный суверенитет Российской Федерации, целостность и непротиворечивость ее правовой системы, единство ее экономического пространства и национальные особенности организации системы публичной власти и института правового статуса личности [6, с.44].

Особое внимание к институту прав человека в контексте вопросов обеспечения конституционной безопасности личности предопределено объективными обстоятельствами. Именно права человека выступают как важное средство реализации национальных интересов. Значение прав человека как высшей конституционной ценности определяется в первую очередь «глубинными социокультурными характеристиками данного института» [7, с.49]. Именно права и свободы личности лежат в основе всей системы государственно-общественных отношений, определяя основную ценность Конституции, которая «внедряет в общественное сознание не только общечеловеческие ценности, но и новые приоритеты общества и государства», способствующие «установлению правопорядка в обществе и уравновешиванию социальных противоречий» [8, с.3–8]. Таким образом, полноценная и адекватная конкретно-историческим реалиям реализация прав и свобод личности – один из способов достижения общественного консенсуса и установления гражданского мира и согласия.

Прямым продолжением и развитием идеи конституционной безопасности является концепция конституционного суверенитета. В свою очередь, конституционный суверенитет выступает основным условием обеспечения конституционной идентичности, означающей результат реализации признанной и принятой обществом такой конституционной модели, которая соответствует особенностям наци-





ональной конституционной культуры. В основе обеспечения конституционного суверенитета лежат политические и правовые отношения, складывающиеся на территории Российского государства, в их единстве и системной взаимосвязи. Защита конституционного суверенитета предполагает баланс национальных и наднациональных ценностей в правовой системе России. Речь идет не только о сфере публичных интересов государства. Именно конституционно-правовой баланс частных и публичных интересов выступает в качестве основы обеспечения конституционного суверенитета. Одновременно, обеспечение конституционного суверенитета выступает основой и для формирования конституционного правопорядка.

Традиционная консервативная модель обеспечения конституционного суверенитета предполагает реализацию идеи конституционной идентичности, которая затрагивает следующие проблемные вопросы современной российской политической действительности.

1. Сочетание идеи прав и свобод человека с традициями российской конституционной культуры. Последнее время в России все чаще и чаще подвергается сомнению формула «чем свободнее человек – тем сильнее государство». Ей противопоставляется тезис о том, что сильное государство может обеспечить необходимый уровень свободы. Попытка перехода от одной социально-политической модели взаимоотношений государства, общества и личности к более либеральной не увенчалась сколько-нибудь значительным успехом. Патерналистские настроения в российском обществе, как и персонализация власти в лице ее носителя, как существовали, так и продолжают существовать.

2. Соотношение индивидуализма и коллективизма, сочетание идей равенства и справедливости, которые только на первый взгляд комфортно уживаются с друг другом. На деле оказывается, что Конституция РФ, как и текущее законодательство, может гарантировать лишь равноправие (формально-юридическое равенство), что в определенных случаях вступает в противоречие с идеями социальной справедливости.

3. Баланс национальных и культурных ценностей в системе обеспечения прав и свобод личности. Речь идет о защите правовой системы государства с точки зрения особенностей ее индивидуальных политических и социокультурных характеристик. Сложность в достижении такого

баланса основывается, в том числе, и на совершенно отличной системе идеологических и мировоззренческих установок, как у различных поколений российских граждан, так и у различных народов, населяющих ее территорию.

Механизм обеспечения конституционного суверенитета представляет собой комплекс специальных мероприятий, направленных на защиту конституционной идентичности, осуществляемых не только представителями публичной власти, но и различными институтами гражданского общества. Обеспечение конституционного суверенитета предполагает охрану правового историко-культурного наследия страны, необходимого для формирования единого культурного пространства, так и для сохранения этнических особенностей народов России. Охрана конституционного суверенитета – это общая обязанность как публичной власти, так и общества в целом. Органы публичной власти, участвующие в охране конституционного суверенитета, должны в первую очередь опираться на волю многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве.

В систему обеспечения конституционного суверенитета входят:

- конституционное законодательство;
- основанная на реализации конституционно-правовых норм система государственных и общественных институтов;
- специальные органы, обеспечивающие защиту конституционного суверенитета, в частности органы конституционной юстиции;
- государственная и общественно-политическая практика;
- профилактика и предупреждение конституционных угроз;
- своевременная модернизация конституционно-правового законодательства и конституционного текста и др.

На публично-правовом уровне механизм обеспечения конституционного суверенитета будет представлен специальными органами, обладающими необходимой компетенцией в сфере реализации государственных интересов по противодействию внутренним и внешним угрозам конституционной безопасности. Особое место в механизме обеспечения конституционного суверенитета, сохранения конституционной идентичности, защите конституционного пространства принадлежит Конституционному Суду РФ, который выступает в качестве главного, а в отдельных случаях, и единственного регулятора иерархии конституционных ценно-

стей в сфере обеспечения национальной правовой идентичности России, разрешая коллизии национальных и наднациональных интересов, обеспечивая выявление истинного смысла действующего права.

Не отрицая важности противодействия внутренним угрозам конституционной безопасности, отметим, что в контексте обеспечения конституционного суверенитета все большую актуальность приобретают вопросы противодействия внешним, в частности геополитическим угрозам, которые, в конечном итоге, грозят потерей политического, правового и юридического суверенитета. В последнее время все большую актуальность приобретают вопросы исполнения Российской Федерацией решений Европейского Суда по правам человека, в ситуации, когда мнения национальных и наднациональных органов правосудия не совпадают. Соответствующую проблему в российской юридической науке принято обозначать как «конвенционально-конституционная коллизия». Речь идет о наличии как минимум двух концептуальных правовых позиций, основанных соответственно на интерпретации европейских документов в сфере защиты прав человека и основных свобод и Конституции РФ. На наш взгляд, проблема несколько шире, поскольку в последнем случае речь идет не только об интерпретации конституционного текста, но и оригинальной интерпретации Конституционным Судом РФ текста соответствующих международных документов в области прав человека. В частности, Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ в свое время были вынесены противоположные решения по сути рассматриваемых жалоб. И если в одном случае дело не касалось необходимости внесения изменения в действующую конституцию (Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 187-О-О по делу К. Маркина), то в другом – таковая необходимость по итогам рассмотрения дела в Европейском Суде присутствовала (Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П по делу Анчугова и Гладкова), что делало нахождение какого-либо компромисса в данной ситуации практически невозможным. Отметим также, что последнее дело было инициировано Министерством юстиции Российской Федерации. В свою очередь, Конституционный Суд РФ руководствовался собственной правовой позицией по делу о применимости решений Европейского Суда на территории Российской Федера-

ции (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П).

Именно в этом постановлении впервые в юридической практике была использована категория «конституционного суверенитета». По мнению Конституционного Суда, «особое внимание наднациональных органов к базовым элементам конституционной идентичности... позволит снизить вероятность конфликта между национальным и наднациональным правом, что, в свою очередь, во многом будет определять – при сохранении конституционного суверенитета государств – эффективность всей европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина и дальнейшую гармонизацию европейского правового пространства в этой области». Кроме того, Конституционный Суд РФ на формально-юридическом уровне обосновал идею национальной конституционной идентичности. Отнесение тех или иных правовых положений Конституционным Судом РФ к определяющим конституционную идентичность государства является новым и оригинальным критерием определения конституционности норм. Впоследствии Конституционный Суд РФ стал обладателем нового полномочия, которое сводится к тому, что по запросу уполномоченного федерального органа исполнительной власти он разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Следует только приветствовать стремление российского законодателя уже на конституционном уровне внести ясность в вопрос об исполнимости решений межгосударственных судебных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ. Конституционный Суд РФ, давая заключение о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», отмечал, что «данный механизм предназначен не для утверждения отказа от исполнения международных договоров и основанных на них решений межгосударственных юрисдикционных органов, а для выработки конституционно приемлемого способа исполнения таких решений Российской Федерацией при неуклонном обеспечении высшей юридической силы Конститу-





ции Российской Федерации в российской правовой системе, составной частью которой являются односторонние и многосторонние международные договоры России, в том числе предусматривающие соответствующие правомочия межгосударственных юрисдикций» [9].

В заключение отметим, что на сегодняшний день возможность существования единой, универсальной модели морали и справедливости воспринимается весьма критично. Конституционно-правовая модель организации жизни общества и государства призвана учитывать специфику солидарных общественных представлений, сложившихся в конкретном обществе и государстве. Необходимая для обеспечения межгосударственного взаимодействия синхронизация правовых систем не во всех случаях предполагает обязательность их унификации. Как справедливо отмечается в современной науке, конституционная идентичность – это «правовая конструкция, отвечающая вызовам времени» и предполагающая обязательный «учет суверенной воли национального субъекта конституционной власти» [10, с.62–63]. Однако формально-юридическая реализация идеи конституционного суверенитета, на наш взгляд, все же требует выработки более четких критериев отнесения тех или иных норм к сфере, определяющих национальную конституционную идентичность на уровне текущего конституционного законодательства.

Представляется актуальным продолжение соответствующего «диалога» между органами конституционной и конвенциональной юстиции. Выбранное на сегодня

шний день решение в сфере преодоления конституционно-конвенциональных коллизий, при всей его своевременности и необходимости, не является оптимальным для повышения престижа международных актов в области защиты прав человека и органов юстиции, следящих за их обеспечением. На необходимости такого диалога настаивает и председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, который, в частности, отмечает, что от его успешности будет зависеть эффективность межгосударственных механизмов защиты прав и свобод и «дальнейшая гармонизация европейского правового пространства» [11, с.9–10].

Реализация идеи конституционного суверенитета не должна наносить вред международному сотрудничеству и самой идее основных прав и свобод человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. Также важно, чтобы реализация идеи конституционного суверенитета не привела к постановке вопроса о конституционной идентичности как инструменте «избирательного» и политически обусловленного действия.

Охрана конституционного суверенитета – это общая обязанность власти и общества. Органы публичной власти, участвующие в охране конституционного суверенитета, а это не только Конституционный Суд РФ, но и Президент РФ, и палаты Федерального Собрания, и органы исполнительной власти, должны в максимальной степени учитывать волю многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в государстве.

Литература

1. Указ Президента РФ от 28.08.1999 № 1131 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 35. Ст. 4305.
2. Указ Президента РФ от 28.10.2005 № 1244 (ред. от 06.05.2011) «О межведомственных комиссиях Совета Безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 44. Ст. 4536.
3. Указ Президента РФ от 06.05.2011 № 590 (ред. от 07.03.2020) «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. №19. Ст. 2721.
4. Указ Президента РФ от 07.03.2020 № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1323.
5. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России – гарант конституционной безопасности личности, общества, государства [Электронный ресурс] // Конституционное правосудие. 2003. № 4 (22). URL: http://www.concourt.am/armenian/con_right/4.22-2003/N.%20S.%20Bondar.htm (дата обращения: 15.04.2020).
6. Баранов П. П. Безопасность Российской Федерации: государственная, национальная и конституционная (вопросы теории и практики) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. №3. С. 39–45.
7. Хрулева В. В. Безопасность как конституционная категория // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 47–51.
8. Лебедев В. А. Концепция прав и свобод человека и гражданина как элемент

отечественного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 3–8.

9. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 17 марта.

10. Грачева С.А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 52–64.

11. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие стран новой демократии: вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 3. С. 1–10.

References

1. UkazPrezidentaRFot 28.08.1999 № 1131 «VoprosyFederal'nojsluzhbybezopasnostiRossijskojFederacii» (utrutilsilu) // Sobraniezakonodatel'stvaRF. 1999. № 35. St. 4305.

2. UkazPrezidentaRFot 28.10.2005 № 1244 (red. ot 06.05.2011) «OmezhdostvennyhkomissijahSovetaBezopasnostiRossijskojFederacii» // Sobraniezakonodatel'stvaRF. 2005. № 44. St. 4536.

3. UkazPrezidentaRFot 06.05.2011 № 590 (red. ot 07.03.2020) «VoprosySovetaBezopasnostiRossijskojFederacii» // Sobraniezakonodatel'stvaRF. 2011. №19. St. 2721.

4. UkazPrezidentaRFot 07.03.2020 № 175 «OnekotoryhvoprosahSovetaBezopasnostiRossijskojFederacii» // Sobraniezakonodatel'stvaRF. 2020. № 10. St. 1323.

5. Bondar' N. S. KonstitucionnyjSudRossii – garantkonstitucionnojbezopasnostilichnosti, obshhestva, gosudarstva [Elektronnyjresurs]// Konstitucionnoepравосудie. 2003. № 4 (22). URL: http://www.concourt.am/armenian/con_right/4.22-2003/N.%20S.%20Bondar.htm (data obrashhenija: 15.04.2020).

6. Baranov P. P. Bezopasnost' RossijskojFederacii: gosudarstvennaja, nacional'najaikonstitucionnaja (voprosyteoriiipraktiki) // Severo-Kavkazskijjuridicheskijvestnik. 2014. №3. S. 39–45.

7. Hruleva V. V. Bezopasnost' kakkonstitucionnajakategorija // VestnikVoronezhskogoinstituta MVD Rossii. 2009. № 4. S. 47–51.

8. Lebedev V. A. Konceptijaprisvobodchelovekaigrazhdaninakakjelementoteche stvennogokonstitucionalizma // Konstitucionnoemunicipal'noepраво. 2015. № 12. S. 3–8.

9. ZakljuchenieKonstitucionnogoSuda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «Osootvetstviipolozhenijamglav 1, 2 i 9 KonstituciiRossijskojFederacii ne vstupivshih v silupolozhenijZakonaRossijskojFederacii o popravke k KonstituciiRossijskojFederacii «Osovershenstvovaniiregulirovanijaotdel'nyhvoprosovorganizaciiifunkcionirovanijapublichnojvladi», a takzhe o sootvetstviikonstituciiRossijskojFederacii porjadkavstupu plenija v silustat'i 1 dannogoZakona v svjazi s zaprosomPrezidentaRossijskojFederacii» // Rossijskajagazeta. 2020. 17 марта.

10. Gracheva S. A. Razvitiekonceptakonstitucionnojidentichnosti v svjazi s poiskompodhodov k razreshenijukonvencionno-konstitucionnyhkollizijikonfliktov // Zhurnalrossijskogoprava. 2018. № 9. S. 52–64.

11. Zor'kin V. D. Konstitucionnoepравосудiestrannovojdemokratii: vyzovyiperspektivy // Zhurnalkonstitucionnogopravosudija. 2014. №3. S. 1–10.

БАРИНОВ Эмиль Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 344022, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 166. E-mail: emil.barinov@yandex.ru

BARINOV Emil, Associate Professor, PhD in Law, Head of Department constitutional and municipal law Faculty of Law, Rostov State University of Economics (RSUE). 344022, Rostov-on-Don, M.GorkiiStr, 166. E-mail: emil.barinov@yandex.ru



Смородина О. С.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Smorodina O. S.

THEORETICAL AND LEGISLATIVE READING OF THE IDEA OF THE SOCIAL ACHE SOLIDARITY

Предпосылкой написания статьи являются размышления о том, что процесс развития Российского государства базируется на принципах социальной справедливости, взаимной ответственности и всеобщей солидарности. Солидарность – индикатор социально-экономического, цивилизованного, нравственного уровня развития общества. Терминологическая связка «экономическая, политическая и социальная солидарность» была предложена в поправках к Конституции в 2020 году и в таком варианте прозвучала впервые. Целью работы является теоретический анализ данного термина с его исторической ретроспективой, социологическим, философским и правовым осмыслением, а также работа с законодательством, федеральным и региональным, оперирующим этим понятием еще до того, как оно вошло в качестве предложения для реформирования Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: социальная солидарность, Конституция Российской Федерации, реформирование Конституции, поправки, социальное государство.

The premise of writing the article is reflected that the process of development of the Russian State is based on the principles of social justice, mutual responsibility and universal solidarity. Solidarity is an indicator of the socio-economic, civilized and moral level of development of society. The terminology «economic, political and social solidarity» was proposed in the amendments to the Constitution in 2020 and firstly voiced. The purpose of the work is a theoretical analysis of this term with its historical retrospective, sociological, philosophical and legal thinking, as well as work with legislation, federal and regional, operating this concept even before it came as a proposal for reforming the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: social solidarity, Constitution of the Russian Federation, reform of the Constitution, amendments, social state.

Большинство современного национального и регионального законодательства устремлены к достижению благополучия населения в различных сферах общественной жизни, ставя его основой для дальнейшего развития страны. Россия провозглашает социальное благополучие главным намерением в реализации своей социальной политики, активно сообразовывая его с достойным уровнем жизни и свободным развитием человека.

Одной из первоочередных задач следования России по пути к созданию жизнестойкого демократического правового государства, находящегося в гармонии с обществом и уважаемого им, является

определение высоких стандартов нравственности и морали, формирование таких конституционных идей, ядром которых будет являться соблюдение прав и уважение интересов каждой личности. Каталог прав человека, провозглашенный во Всеобщей декларации прав человека и иных международных правовых документах, был предложен как универсальный, общеприемлемый во все времена для всех стран и народов [20, с. 51]. Все же, размышляя о содержательной стороне конституционных идей, нельзя не согласиться с В.Е. Чиркиным в том, что современное общество создает «новые конституционные приоритеты, однако это не



значит, что оно отказывается от общечеловеческих ценностей (...) Напротив, оно воспринимает их и, перерабатывая, если это необходимо, поднимает на новую ступень, в том числе с позиций не только общечеловеческого, но и социального значения» [24, с. 51-52]. Реагируя на последовательное развитие общества, законодательство по-иному генерирует свой объект, в результате чего появляются идеи, касающиеся не только права человека как личности, но и права коллектива и общества в целом. С учетом динамики развития взаимоотношений в плоскости «личность – коллектив – общество – государство» формируются новые конституционные идеи.

В социальной сфере таковой стала идея социальной солидарности. Считаю возможным именовать ее конституционной, поскольку в «Поправках 2020» [8] она впервые прозвучала в этом оформлении в связке сбалансированности прав и обязанностей гражданина и социального партнерства. Вероятно, это можно назвать реакцией на нарастающую тенденцию к снижению социальной солидарности между людьми, усиление индивидуализма российского общества и его расслоение. Государство не может не реагировать на запросы общества и оставаться в стороне от нарастающих проблем, в том числе (и даже особенно) в социальной сфере. Возможно, в этом и есть смысл социального диалога и социального партнерства.

Идеи в области конституционной модели прав и свобод человека и гражданина демонстрируют развитие философско-правовых воззрений об основных правах и свободах человека и гражданина и динамику их законодательного регулирования. Конституция России провозглашает человека высшей ценностью – ударение ставится на ценности основных прав и свобод, что, без сомнения, является достижением российского конституционализма. В последнее время в науке все чаще встает вопрос о проблеме, связанной с концепцией «естественных», «нерушимых», «неотчуждаемых» прав человека. Требования признания таких прав были сформулированы как результат противостояния против произвола абсолютного монарха (во Франции) или иноземного короля и его правительства (в США). В новых конституциях XXI века необходимо было преодолеть разрыв в толковании естественных и позитивных прав, не придавая первой категории только лишь исторический и идеологический смысл, а создавая общую концепцию прав челове-

ка, производных не только от рождения, но и от общества. Из чего следует, что преимуществом современных конституций являются, может быть, не столько права человека, а достойное человеческое существование, определенный уровень жизни, который обеспечивается каждому члену общества государством. Основными социальными целями развития нашего общества являются высокий уровень жизни в стране, жизни безопасной, комфортной, с заметным ростом благосостояния граждан. Достижение этих целей неизбежно предполагает участие государства в обеспечении достойного уровня жизни населения. Решение этих задач в процессе формирования конституционных идей в данной области представляется предпочтительным.

Под социальной солидарностью (от лат. social solidarity – «прочное общество») понимается единство убеждений и действий, взаимная помощь и поддержка, основанные на общности интересов и необходимости осуществления общих целей.

Впервые понятие социальной солидарности было сформулировано французским социологом Эмилем Дюркгеймом в 1893 году. В своем научном исследовании «О разделении общественного труда» автор связывал его с определенной целостностью общественной жизни, понимая под ней коллективность, высший моральный принцип, универсальную ценность, признаваемую всеми членами общества. По мнению Дюркгейма, общество возникает благодаря существованию социальной солидарности – взаимодействию индивидуальных сознаний. Различия в структуре предложенных им видов социальной солидарности Эмил Дюркгейм связывал с состоянием института общественного разделения труда, основная функция которого в том, чтобы «...создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности» [11, с. 9]. Именно Дюркгейм, будучи автором социологической интерпретации термина «социальная солидарность», переводил свой фокус внимания преимущественно для описания характеристик, скрепляемых солидарностью общества.

В структурном функционализме представителя американской социологической теории Толкотта Парсонса солидарность рассматривается через призму интеграции социальной системы с непрерывной выработкой функциональных и ценностных оснований для встраивания в систему новых элементов [25, с. 139]. Солидарность в данном процессе есть глав-





ное условие сохранения стабильности и репродукции социальной системы. И сама же солидарность воспроизводится за счет нескончаемого контроля над происходящими изменениями. Пожалуй, такой подход к солидарности развивает направление, определившееся в классических работах по социальной теории, поэтому, не впадая в патетику, отметим лишь, что позднее понятие социальной солидарности стало использоваться лицами, формирующими политику в качестве руководящей идеи для социальных целей и завоеваний Европы. Социальная солидарность стала общепризнанным целевым принципом официальных стратегических документов в социальной сфере ООН, Евросоюза, Совета Европы и направлена на смягчение неравенства, избегание поляризации обществ, обеспечение благосостояния для всех.

Сторонник феноменологической социологии Альфред Шютц в качестве основного источника социальной солидарности называет прагматический мотив, предопределяющий стремление индивида достигнуть согласия с повседневным жизненным миром – он называет это «интерсубъективной действительностью». Решая задачи в повседневной жизни, человек прибегает к содержащимся в социокультурной среде убеждениям и принципам, истинность которых никогда не подвергалась проверке. Составляющая основу, обязательную для успешного прохождения социальной коммуникации, система знаний, несвязанная и несогласованная по своей сущности, принимается участниками «мы-отношений», напротив, как согласованная и связанная, что позволяет говорить о наличии между ними социальной солидарности. И солидарность, следуя данному подходу, предстает своего рода социально предопределенным феноменом [26, с. 17].

Итак, социальная солидарность представляет собой один из ведущих интегративных факторов в обществе. Вместе с тем, помимо непосредственной ориентированности членов общества на конструктивное взаимодействие, сохраняют значимость такие функциональные процессы воспроизводства и сохранения общественной структуры, как нормативная регуляция и централизованное управление общественной структурой на уровне института политической власти. В целом в социологии, в особенности, второй половины XX – начала XXI в. солидарность изучалась предпочтительно в специализированных аспектах, и основное внимание исследователей было сосредоточено на

отношениях солидарности внутри отдельных групп. В данном случае речь стоит вести именно о «социальной солидарности», скрепленной общими стандартами равенства, свободы и справедливости (эмпирический индикатор, на наш взгляд).

Стоит отметить, что последнее время актуальность проблемы солидарности и ее реализации в России повысилась. И, кажется, в новой солидарности намечается иная природа: не только социальная, но и, как указано в «Поправках 2020», экономическая и политическая. Не раз поднимался вопрос об обеспечении равенства, социальной солидарности и партнерства во всех социальных сферах, и главным образом в распределительных отношениях. Появились размышления о том, что рыночная модель экономики несправедлива. В.А. Вайпан отмечает: «... усиление апелляции людей к справедливости является симптомом того, что те или иные общественные отношения не устраивают людей, изжили себя, тормозят общественную жизнь, а в способе производства, экономической сфере зарождаются новые отношения, которые требуют изменений в политической и правовой надстройке» [2, с. 66]. Может быть, данный тезис применим и к существующим в современном обществе отношениям, а значит, откликается и на систему правового регулирования. Проблема распределения как составной элемент экономической солидарности окажется актуальной не только для России, но и для всего мира.

Попытаемся сдвинуть социологический дискурс солидарности на политический. Под этим понимается стабильность системы государственного управления, выстраивание стратегии и, безусловно, достижение целей социальной политики. Политическая солидарность в этом смысле – это показатель состояния коммуникативной среды в системе общественных отношений, а также отношений «индивид – государство», «социальная группа – государство». В качестве стратегических целей политической солидарности можно отметить следующие:

1) достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей, обеспечение эффективной занятости населения (в ч. 5 ст. 75 Конституции РФ среди предложенных поправок появляется норма: «Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации»);

2) гарантия конституционных прав

граждан в области труда, социальной защиты населения, образования, охраны здоровья, обеспечения населения жильем (ст. 75.1: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина»);

3) переориентация социальной политики на семью (п. «ж.1» ст. 71: «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях»);

4) нормализация и улучшение демографической ситуации, снижение смертности населения (ч. 7 ст. 75: «В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются (...) адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат»);

5) улучшение социального обеспечения (ч. 7 ст. 75: «В Российской Федерации в соответствии с федеральным законом гарантируются обязательное социальное страхование»).

Анализ законодательства позволил выявить существующие правовые формы достижения социальной солидарности в праве и найти некоторые примеры в региональном законодательстве. Интерес представляет Закон Архангельской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года», который содержит отдельную таблицу – «Проекты, направленные на развитие общественной активности и социальной солидарности в Архангельской области» [3]. Социальную солидарность населения называют при этом ключевым фактором, обеспечивающим стимулирование сплоченности общества и развитие социального капитала Архангельской области.

Стратегия содержит и некий «образ будущего»: «Сформированы условия для общественного развития, в которых граждане и органы государственной власти Архангельской области во взаимодействии с другими заинтересованными сторонами на равных правах на основе принципов солидарности и взаимной ответственности активно участвуют в решении государственных и общественных про-

блем, достижении общественно значимых целей, укреплении духовно-нравственных основ развития общества (п. 4.1 Стратегии). Хочется вспомнить Аристотеля: «Государство создается не ради того, чтобы жить, но для того, чтобы жить счастливо» [1, с. 460]. Одной из задач проекта по развитию основ солидарного общества является формирование духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи, стимулирование социальной сплоченности молодежи, развитие сотрудничества и солидарности в молодежной среде, в том числе посредством активизации общественной деятельности молодежных организаций. В результате должны быть сформированы культурные и морально-нравственные основы социальной солидарности, обеспечивающие ее закрепление в общественном сознании как позитивной модели общественных отношений. Стратегия озвучивает и риски отказа от проекта: «В случае отказа от проекта будет затруднена консолидация общества вокруг идеи социальной солидарности; не удастся ликвидировать существующие социокультурные барьеры, препятствующие развитию общественной активности и повышению взаимной ответственности граждан и власти в вопросах развития общества». Таким образом, весь документ направлен на формирование морально-нравственных и культурных основ социальной солидарности, дающий возможность закрепления в общественном сознании людей как позитивной и благоприятной модели общественных отношений.

В Республике Мордовия контекст, в котором упоминается о социальной справедливости, имел несколько иной окрас: наряду с морально-нравственной дезинтеграцией общества и нарушением преемственности поколений, социальных механизмов трансляции национальных духовных традиций и культурного опыта низкий уровень доверия и социальной солидарности назывались в качестве нерешенных проблем, характеризующих социальными и моральными вызовами российской государственности [18].

Идея социальной солидарности получает развитие и на местном уровне, и весьма неожиданно, в зависимости от социально значимой сферы. В Постановлении администрации Кыштымского городского округа Челябинской области «О Координационном совете по вопросам развития и пропаганды донорства крови в Кыштымском городском округе» среди задач такого Совета называется формирование позитивного отношения населе-





ния к донорству, как проявлению социальной солидарности и гуманизма [14].

В «Поправках 2020» идея социальной справедливости увязана также с правом на пенсионное обеспечение и гарантированностью получения пенсии при приобретении права на нее: «В Российской Федерации формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом» (п. 6 ст. 75 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г.).

31 октября 2019 г. Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопросы страховых взносов, вытекающих из сущности государственного социального страхования, в том числе пенсионного страхования, в своем Постановлении указал: «... уплатой страховых взносов обеспечиваются не только частные интересы застрахованных, но и публичные интересы, связанные с реализацией принципа социальной солидарности поколений» [16]. В системе ценностей и целей, которые преследует Конституция – утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия, сохранение исторически сложившегося государственного единства страны, возрождение суверенной государственности России и незыблемость ее демократической основы. В широком социальном контексте речь идет о принципиально новом видении универсальной объективной характеристики Конституции – ее сущности, определяемой социальной солидарностью и сбалансированным отражением социальных и индивидуальных интересов, составляющих основу взаимоотношений государства и общества. Еще в 2018 году Президент Российской Федерации, выступая с Посланием перед Федеральным Собранием Российской Федерации, обратил внимание на наш нравственный долг – «... всемерно поддержать старшее поколение, которое внесло огромный вклад в развитие страны. У пожилых людей должны быть достойные условия для активного, здорового долголетия» [13].

Конституционный Суд Российской Федерации также в своем Определении от 20.11.2014 г. № 2655-О формулирует еще одну правовую позицию, в которой указывает на вытекающий из Конституции принцип социальной справедливости как направленный, напротив, на предотвра-

щение необоснованного сверхнормативного предоставления жилищных гарантий в рамках специальной системы обеспечения государством жильем определенной категории граждан [12].

В определенной степени этой мысли корреспондирует Постановление Правительства Нижегородской области «Об утверждении программы «Активное долголетие в Нижегородской области» [17], в котором имеется специальная глава «Разработка и реализация региональной межведомственной программы по профилактике и выявлению жестокого обращения с гражданами пожилого и старческого возраста». В Постановлении поднимается вопрос жестокого обращения с пожилыми, что, исходя из доклада Всемирной организации здравоохранения, является важной проблемой общественного здравоохранения. Предупреждение жесткого обращения с пожилыми и есть вопрос прав человека и социальной солидарности. Общество обязано защищать права пожилых людей, искоренять предубеждения в форме негативного отношения общества к людям старшего возраста. Чтобы преодолеть эти явления, нужно укреплять социальное единство и солидарность между поколениями.

Причиной духовного кризиса в современном обществе является отсутствие соответствующих мировоззренческо-идеологических основ. Выводимые из идеи патриотизма качества становятся целью патриотического воспитания детей и молодежи, тесно коррелируют с ценностями демократического государства. Социальная солидарность называется одной из национальных ценностей современного российского общества, являющейся опорой при воспитании молодого поколения. Так, программа воспитания и социализации обучающихся при получении среднего общего и основного общего образования должна быть построена на основе базовых национальных ценностей российского общества, таких, как патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, здоровье, труд и творчество, наука, образование, традиционные религии России, искусство, природа, человечество, и направлена на воспитание высоконравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающего судьбу своей страны как свою личную, осознающего ответственность за ее настоящее и будущее, укорененного в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации, подготовленного к жизненному самоопределению [22].

Об этом же говорит и Постановление Правительства Тверской области (возвращаясь к практике субъектов Российской Федерации): «Образовательные программы воспитания и социализации обучающихся строятся на основе базовых национальных ценностей российского общества: патриотизм, нравственность, социальная солидарность, гражданственность, семья, здоровье, труд, творчество, образование. Реализуются мероприятия, усиливающие воспитательный потенциал системы дополнительного образования детей, нацеленные на развитие духовно-нравственных качеств личности» [19].

В Постановлении Кабинета Министров Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии развития воспитания обучающихся в Республике Татарстан на 2015 – 2025 годы» [15] указано, что воплощение в жизнь всех заявленных в Стратегии векторов развития направлено на обеспечение ключевых воспитательных направлений в системе образования, а именно, формирование патриотического сознания. Под ним понимается укрепление веры в Россию, чувства личной ответственности за Отечество перед прошлыми, настоящими и будущими поколениями, социальной солидарности. Идея патриотизма с течением времени ни в коем случае не может казаться ущемленной, наоборот, она выходит на качественно новый уровень трактовки и понимания: это идея, направленная на укрепление государственности, способная вдохновить современное поколение, в том числе и молодое, на большие свершения во имя благосостояния и духовного преобразования общества.

Достоинство человека чаще всего трактуется как абсолютная ценность морально автономной и уникальной личности. Поэтому оно определяет независимость, свободу и связанную с ними личную ответственность. Более того, говорить о достойных условиях жизни, не вспоминая право человека на жизнь, невозможно. Идея достойного существования гражданина на практике отражена посредством декларативности указания на конституционное закрепление положения о социальности российского государства. Именно личность, человек является объектом, мерилом социального государства. Условия его жизни, измеряемые качественными характеристиками «достоинство» и «свобода», являются основными критериями социального государства. Однако достойное человеческое существование оказывается не столько

правом, сколько привилегией, если принимать во внимание не только нормативные правовые акты, но статистику, отражающую житейские реалии населения. У всех, проживающих в России, общее прошлое, но разное настоящее. Поэтому современное состояние уровня материального благополучия значительного числа людей позволяет сказать, что идея права на достойное человеческое существование в чем-то остается теоретической фикцией.

В отечественной юриспруденции изучение проблемы солидарности ведется, в основном, с общетеоретических позиций (солидарность как объективное свойство права трактуется в виде определенных требований, например, равенства, соразмерности, эквивалентности и т.д.). Целью социальной солидарности является способность общества обеспечить всеобщее благополучие посредством распределения социальной ответственности. Она встречается в современном российском законодательстве, в основном, в законодательстве субъектов Российской Федерации. Так, Закон Чувашской Республики «О социальном партнерстве» от 30.03.2006 года № 7 в статье 16 закрепляет ответственность сторон социального партнерства [10]. Региональное законодательство о молодежной политике, например, в Республике Татарстан направлено на формирование и развитие у молодых граждан чувства патриотизма, гордости за их историю, ответственности за их судьбу; противодействие распространению идей экстремизма, социальной, национальной и религиозной нетерпимости [7]; в Московской области органы государственной власти Московской области и органы местного самоуправления муниципальных образований Московской области способствуют популяризации среди молодежи идей гражданской ответственности, федерализма, целостности и независимости Российской Федерации [6]. Аналогичные нормы можно найти в Законе Краснодарского края «О патриотическом воспитании в Краснодарском крае»: развитие в обществе высокой социальной активности, гражданской ответственности, нравственности и духовности [5]; Законе Удмуртской Республики «О патриотическом воспитании в Удмуртской Республике»: историческая ответственность за происходящее в обществе и государстве, развитие национального самосознания и уважение национального достоинства граждан [9].

Социальная ответственность появляется в законодательстве субъектов Рос-





сийской Федерации, регламентирующем деятельность общественных объединений. Например, Закон города Севастополя устанавливает социальную ответственность общественных организаций ветеранов в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан [4].

Симптоматично, что реализация социально-экономических прав в различных государствах находится в зависимости от уровня и состояния финансово-экономических возможностей конкретного общества и его государства, их гарантированность в объемах, единых для всех стран, проблематична. И действительно, реализация этого права на достойный уровень жизни – это огромные затраты государства. И затраты на гарантированность этих достойных условий, конечно, объективно обусловлены экономическими возможностями государства. Российская Федерация как социальное государство обязано создавать условия, обеспечивающие каждому достойный уровень жизни и развития. Достойные условия не являются понятием универсальным для всех стран, для всего мира в целом. Они универсальны только с точки зрения удовлетворения основных потребностей человека. А уровень удовлетворения этих потребностей определяется уровнем жизни людей, сложившейся на данном этапе в той или иной стране, в том или ином государстве.

Конституционные идеи не направлены на достижение абсолютной социальной справедливости, они призваны лишь обеспечить такую социальную компенсацию, которая позволила бы исключить возникновение социальных конфликтов вследствие неравномерного распределения ресурсов, не допуская правовой, соци-

альной и культурной изоляции определенных социальных групп. Этим объясняется появление идей социальной справедливости, социального равенства, обеспечения социальных гарантий. Государством должны устанавливаться минимальные стандарты на уровне достойного, то есть, приемлемого, человеческого существования. Речь идет о выработке стратегических подходов для диагностики уровня жизни и создании необходимых экономических условий для роста благосостояния общества.

В любом случае Конституция представляет собой высочайший стандарт политико-правовых установлений. И как следует из вышесказанного, значение Конституции Российской Федерации определяет ее глубинный (внутренний или внешний) потенциал. Социальная солидарность как образ жизни призвана осветить ориентиры для развития социальных отношений, приобретения обновленного характера и свежего наполнения в области прав человека и общества. В новейшей научной литературе идея социальной солидарности дополняется идеями о социальном партнерстве и социальной справедливости, которые могут и должны содержаться в современных конституциях и раскрывать основные принципы деятельности социального государства [23, с. 208]. Эти идеи можно рассматривать как руководящие начала в реализации прав и свобод и их претворении в общественную и государственную практику. Мы также можем отметить, что идея необходимости «новой» солидарности (социальной, политической, экономической) подразумевает трансформацию построения базовых основ общества, поиск скреп, сплачивающих общество в условиях непростого современного периода.

Литература

1. Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1983. Т.4. 498 с.
2. Вайпан В.А. Конституционная экономика и справедливость в их соотношении с цифровой экономикой // Ежегодник Конституционной Экономики. 2018 / Ответственные редакторы С.А. Авакьян, П.Д. Баренбойм, В.В. Комарова. Составитель П.Д. Баренбойм. – М.: ЛУМ, 2018. 438 с.
3. Закон Архангельской области от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» (принят Постановлением Архангельского областного Собрания депутатов от 13.02.2019 № 168) // «Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов седьмого созыва», № 5, 27.02.2019.
4. Закон города Севастополя от 05.05.2015 № 135-ЗС «О поддержке общественных организаций ветеранов, осуществляющих деятельность в городе Севастополе» (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 28.04.2015) // «Севастопольские известия», № 37(1781), 06.05.2015.
5. Закон Краснодарского края от 30.12.2013 № 2867-КЗ «О патриотическом воспитании в Краснодарском крае» (принят ЗС КК 25.12.2013) // «Кубанские новости», № 241, 30.12.2013.
6. Закон Московской области от 01.12.2003 № 155/2003-ОЗ (ред. от 28.10.2019) «О государственной молодежной политике в Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 12.11.2003 № 1/75-П) // «Вестник

- Московской областной Думы», № 2, февраль, 2004.
7. Закон РТ от 19.10.1993 № 1983-ХІІ «О молодежи» // «Известия Татарстана», № 233, 27.11.1993.
8. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // «Собрание законодательства РФ», 16.03.2020, № 11, ст. 1416.
9. Закон УР от 25.12.2018 N 91-РЗ «О патриотическом воспитании в Удмуртской Республике» (принят Государственным Советом УР 11.12.2018) // «Известия Удмуртской Республики», № 2, 15.01.2019.
10. Закон ЧР от 30.03.2006 № 7 «О социальном партнерстве» (принят ГС ЧР 14.03.2006) // «Республика», № 13-14, 05.04.2006.
11. Консолидация российского общества: потоки и преграды: монография / О. А. Кармадонов, М. К. Зверев. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2014 г. № 2655-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фадеева Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 19 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и подпункта «д» пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства» // СПС «Консультант Плюс».
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // «Российская газета», № 46, 02.03.2018.
14. Постановление администрации Кыштымского городского округа Челябинской области от 25.06.2013 № 1793 «О Координационном совете по вопросам развития и пропаганды донорства крови в Кыштымском городском округе» // СПС «Гарант».
15. Постановление КМ РТ от 17.06.2015 № 443 «Об утверждении Стратегии развития воспитания обучающихся в Республике Татарстан на 2015 - 2025 годы» // «Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти», 03.07.2015, № 49, ст. 1647.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2019 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18, статей 20 и 21 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование», части 22 статьи 26 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и пункта 6.1 статьи 78 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 11.11.2019, № 45, ст. 6406.
17. Постановление Правительства Нижегородской области от 05.12.2019 № 918 «Об утверждении программы «Активное долголетие в Нижегородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 11.12.2019.
18. Постановление Правительства РМ от 23.12.2013 № 579 «Об утверждении государственной программы Республики Мордовия «Развитие культуры и туризма» на 2014 - 2018 годы» // «Известия Мордовии», № 13-5, 31.01.2014.
19. Постановление Правительства Тверской области от 29.12.2018 № 402-пп «О государственной программе Тверской области «Развитие образования Тверской области» на 2019 - 2024 годы» // «Тверские ведомости», № 4 (23-29 января), 2019.
20. Права человека и процессы глобализации современного мира [Текст] / отв. ред. Е. А. Лукашева, М. М. Бринчук, Н. А. Воронина, В. А. Карташкин – М.: Норма, 2007. 463 с.
21. Правовое закрепление конституционной экономики в современной России: опыт сравнительного исследования // Ежегодник Конституционной Экономики. 2018 / Ответственные редакторы С. А. Авакьян, П. Д. Баренбойм, В. В. Комарова. Составитель П. Д. Баренбойм. – М.: ЛУМ, 2018. 438 с.
22. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (ред. от 29.06.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 07.06.2012 N 24480) // «Российская газета», № 139, 21.06.2012; Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 (ред. от 31.12.2015) «Об утверждении



федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 01.02.2011 № 19644) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 9, 28.02.2011.

23. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. - М., 2005. - С. 208 - 211.

24. Чиркин, В. Е. Современная модель Конституции : прежние и новые приоритеты / В. Е. Чиркин // Изв. вузов. Правоведение. 2003. № 2. С. 50 – 57.

25. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951.

26. Schutz A. The Problem of Social Reality. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1962.

References

1. Aristotel'. Sobr. soch.: V 4 t. – М., 1983. Т.4. 498 s.
2. Vaypan V.A. Konstitutsionnaya ekonomika i spravedlivost' v ikh sootnoshenii s tsifrovoy ekonomikoy // Yezhegodnik Konstitutsionnoy Ekonomiki. 2018 / Otvetstvennyye redaktory S.A. Avak'yan, P.D. Barenboym, V.V. Komarova. Sostavitel' P.D. Barenboym. – М.: LUM, 2018. 438 s.
3. Zakon Arkhangel'skoy oblasti ot 18.02.2019 № 57-5-OZ «Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Arkhangel'skoy oblasti do 2035 goda» (prinyat Postanovleniyem Arkhangel'skogo oblastnogo Sobraniya deputatov ot 13.02.2019 № 168) // «Vedomosti Arkhangel'skogo oblastnogo Sobraniya deputatov sed'mogo sozyva», № 5, 27.02.2019.
4. Zakon goroda Sevastopolya ot 05.05.2015 № 135-ZS «O podderzhke obshchestvennykh organizatsiy veteranov, osushchestvlyayushchikh deyatel'nost' v gorode Sevastopole» (prinyat Zakonodatel'nym Sobraniyem g. Sevastopolya 28.04.2015) // «Sevastopol'skiye izvestiya», № 37(1781), 06.05.2015.
5. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 30.12.2013 № 2867-KZ «O patrioticheskom vospitanii v Krasnodarskom krae» (prinyat ZS KK 25.12.2013) // «Kubanskiye novosti», № 241, 30.12.2013.
6. Zakon Moskovskoy oblasti ot 01.12.2003 № 155/2003-OZ (red. ot 28.10.2019) «O gosudarstvennoy molodezhnoy politike v Moskovskoy oblasti» (prinyat postanovleniyem Mosobldumy ot 12.11.2003 № 1/75-P) // «Vestnik Moskovskoy oblastnoy Dumy», № 2, fevral', 2004.
7. Zakon RT ot 19.10.1993 № 1983-XII «O molodezhi» // «Izvestiya Tatarstana», № 233, 27.11.1993.
8. Zakon RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti» // «Sobraniye zakonodatel'stva RF», 16.03.2020, № 11, st. 1416.
9. Zakon UR ot 25.12.2018 N 91-RZ «O patrioticheskom vospitanii v Udmurtskoy Respublike» (prinyat Gosudarstvennym Sovetom UR 11.12.2018) // «Izvestiya Udmurtskoy Respubliki», № 2, 15.01.2019.
10. Zakon CHR ot 30.03.2006 № 7 «O sotsial'nom partnerstve» (prinyat GS CHR 14.03.2006) // «Respublika», № 13-14, 05.04.2006.
11. Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregrady: monografiya / O. A. Karmadonov, M. K. Zverev. — Irkutsk: Izd-vo IGU, 2012. 223 s.
12. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.11.2014 g. № 2655-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Fadeyeva Sergeya Valer'yevicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav polozheniyami stat'i 19 Zhilishchnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, punkta 14 stat'i 15 Federal'nogo zakona «O statuse voyennosluzhashchikh» i podpunkta «d» punkta 10 Pravil ucheta voyennosluzhashchikh, podlezhashchikh uvol'neniyu s voyennoy sluzhby, i grazhdan, uvolennykh s voyennoy sluzhby v zapas ili v otstavku i sluzhby v organakh vnutrennikh del, voyennosluzhashchikh i sotrudnikov Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby, nuzhdayushchikhsya v poluchenii zhilykh pomeshcheniy ili uluchshenii zhilishchnykh usloviy v izbrannom postoyannom meste zhitel'stva» // SPS «Konsul'tant Plyus».
13. Poslaniye Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 01.03.2018 «Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu» // «Rossiyskaya gazeta», № 46, 02.03.2018.
14. Postanovleniye administratsii Kyshtym'skogo gorodskogo okruga Chelyabinskoy oblasti ot 25.06.2013 № 1793 «O Koordinatsionnom sovete po voprosam razvitiya i propagandy donorstva krovi v Kyshtym'skom gorodskom okruge» // SPS «Garant».
15. Postanovleniye KM RT ot 17.06.2015 № 443 «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya vospitaniya obuchayushchikhsya v Respublike Tatarstan na 2015 - 2025 gody» // «Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan i normativnykh aktov respublikanskikh organov ispolnitel'noy vlasti», 03.07.2015, № 49, st. 1647.
16. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 31.10.2019 № 32-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 5 stat'i 18, statey 20 i 21 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozheniy zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiyem Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s peredachey nalogovym organam polnomochiy po



administrirvaniyu strakhovykh vzosov na obyazatel'noye pensionnoye, sotsial'noye i meditsinskoye strakhovaniye», chasti 22 stat'i 26 Federal'nogo zakona «O strakhovykh vzosakh v Pensionnyy fond Rossiyskoy Federatsii, Fond sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii, Federal'nyy fond obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya» i punkta 6.1 stat'i 78 Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // «Sobraniye zakonodatel'stva RF», 11.11.2019, № 45, st. 6406.

17. Postanovleniye Pravitel'stva Nizhegorodskoy oblasti ot 05.12.2019 № 918 «Ob utverzhdenii programmy «Aktivnoye dolgoletiyе v Nizhegorodskoy oblasti» // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii www.pravo.gov.ru, 11.12.2019.

18. Postanovleniye Pravitel'stva RM ot 23.12.2013 № 579 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Respubliki Mordoviya «Razvitiye kul'tury i turizma» na 2014 - 2018 gody» // «Izvestiya Mordovii», № 13-5, 31.01.2014.

19. Postanovleniye Pravitel'stva Tverskoy oblasti ot 29.12.2018 № 402-pp «O gosudarstvennoy programme Tverskoy oblasti «Razvitiye obrazovaniya Tverskoy oblasti» na 2019 - 2024 gody» // «Tverskiye vedomosti», № 4 (23-29 yanvarya), 2019.

20. Prava cheloveka i protsessy globalizatsii sovremennogo mira [Tekst] / otv. red. Ye. A. Lukasheva, M. M. Brinchuk, N. A. Voronina, V. A. Kartashkin – M. : Norma, 2007. 463 s.

21. Pravovoye zakrepleniye konstitutsionnoy ekonomiki v sovremennoy Rossii: opyt sravnitel'nogo issledovaniya // Yezhegodnik Konstitutsionnoy Ekonomiki. 2018 / Otvetstvennyye redaktory S.A. Avak'yan, P.D. Barenboym, V.V. Komarova. Sostavitel' P.D. Barenboym. – M.: LUM, 2018. 438 s.

22. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.05.2012 № 413 (red. ot 29.06.2017) «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego obshchego obrazovaniya» (zaregistrirvano v Minyuste Rossii 07.06.2012 N 24480) // «Rossiyskaya gazeta», № 139, 21.06.2012; Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.12.2010 № 1897 (red. ot 31.12.2015) «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya» (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 01.02.2011 № 19644) // «Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti», № 9, 28.02.2011.

23. Khabriyeva T.YA., Chirkin V.Ye. Teoriya sovremennoy konstitutsii. - M., 2005. - S. 208 - 211.

24. Chirkin, V. Ye. Sovremennaya model' Konstitutsii : prezhniye i novyye priority / V. Ye. Chirkin // Izv. vuzov. Pravovedeniye. 2003. № 2. S. 50 – 57.

25. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1951.

26. Schutz A. The Problem of Social Reality. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1962.

СМОРОДИНА Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: olgasmorodina@yahoo.com

SMORODINA Olga, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Federal Autonomous Institution for Higher Education «Sevastopol State University». 299053, Sevastopol, Yniversitetskaya str., 33. E-mail: olgasmorodina@yahoo.com



Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Лебедев В. А., Зенин С. С.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АВТОНОМНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: СКВОЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Lebedev V. A., Zenin S. S.

LEGAL REGIME OF AUTONOMOUS TECHNICAL MEANS: CROSS CUTTING PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

В настоящей статье предложены способы разрешения сквозных юридических проблем (правосубъектность автономных технических средств, прозрачность и подотчетность их функционирования, распределение ответственности), возникающих вследствие применения автономных технических средств (далее – АТС) в общественном пространстве.

Наделение АТС правосубъектностью зависит от наличия общественного согласия и социальной потребности, которая может быть обусловлена необходимостью передачи им определенного объема правомочий в целях повышения эффективности их функционирования. Одним из способов наделения АТС элементами правосубъектности является присвоение ему статуса агента (представителя), действующего в интересах принципала (физического или юридического лица). Правовое регулирование вопросов прозрачности и подотчетности АТС должно, с одной стороны, гарантировать право человека на получение информации о логике принятого в его отношении решения, а с другой – не нарушать право производителя/оператора на секрет производства (ноу-хау). Ответственность за совершенные с участием АТС правонарушения следует возлагать в зависимости от того, какой субъект (производитель, оператор, пользователь) обладал большим контролем за фактическим функционированием АТС.

Вышеизложенные способы регламентации правоотношений и специальные наборы юридических средств являются элементами правового режима автономных технических средств. Данный правовой режим определит векторы для формирования законодательства, адекватного вызовам, возникающим в результате автоматизации различных сфер жизни общества.

Ключевые слова: автономное техническое средство, искусственный интеллект, автоматизированная система принятия решений, правосубъектность, алгоритмическая прозрачность и подотчетность, правовой режим, ответственность.

This article suggests ways of resolving cross-cutting legal problems (legal personhood for autonomous technical means, transparency and accountability of its functioning, allocating of liability) that arise as a result of the use of autonomous technical means (ATM) in public.

The granting of legal personhood for ATM depends on the public consent and social needs, which might be caused by necessity for transfer them a certain rights in order to improve their functioning. One of the ways to grant ATM-some elements of legal personhood is to assign it the status of an agent (representative) acting on behalf of the principal (individual or legal entity). Legal regulation of ATM transparency and accountability should, on the one hand, guarantee the right of an individual to receive information about the logic of the decision made in relation to him/her, and on the other hand– not violate the right of the manufacturer/operator to the secret of production (know-how). Li-



¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16193.

ability for violations committed with the participation of ATM should be assigned depending on which subject (manufacturer, operator or user) had more control over the functioning of the ATM.

The above mentioned methods of regulating legal relations and special sets of legal tools are elements of the legal regime of autonomous technical means. This legal regime will determine ways of legislation development in given sphere.

Keywords: *autonomous technical means, artificial intelligence, automated decision-making system, legal personhood, algorithmic transparency and accountability, legal regime, liability.*

В настоящее время концепции регулирования общественных отношений, связанных с созданием, внедрением и использованием автономных технических средств (далее – АТС)¹, разрабатываются в зависимости от вида технологии (искусственный интеллект, киберфизические системы, большие данные, распределенные реестры и т.д.); типа технологического продукта (беспилотные транспортные средства, роботы-хирурги, дроны и т.д.); сферы применения (медицина, образование, транспорт и т.д.)². Правовое и техническое регулирование данной сферы сейчас находится на этапе становления. Государства предпринимая попытки определить рамки дальнейшей регламентации этого сектора на основе принятия национальных стратегий развития искусственного интеллекта и робототехники, которые приняты более чем в 30 странах. Непосредственно правовое регулирование является фрагментарным, направленным на упорядочение применения отдельных технологий в конкретных сферах. В Российской Федерации также применяется подход к правовому регулированию АТС, зависящий от их вида, типа и/или сферы применения³.

¹ Примечание: в настоящей работе под термином автономное техническое средство понимается реальная или виртуальная сущность, в которую интегрирован компьютерный алгоритм, способный воспринимать окружающую среду, анализировать полученную из нее информацию и на этой основе принимать рациональные решения с разной степенью автономности. См.: Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 78. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-75-81.

² См.: Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Лебедев В.А., Зенин С.С. Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах // Lexrussia (Русский закон). 2019. № 9. С. 85-95. DOI:10.17803/1729-5920.2019.154.9.085-095.

³ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федераль-

но значении Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»); «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 №7); Проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Чрезвычайно важным обстоятельством является то, что функционирование АТС в общественном пространстве порождает ряд сквозных юридических проблем, обусловленных особенностями их природы. В частности, АТС формируют новые способы человеко-машинной кооперации; обладают высоким уровнем автономности; способны самостоятельно принимать юридически значимые решения. Данные особенности порождают ряд коррелирующих юридических проблем: потенциальная возможность АТС быть носителями прав и обязанностей; прозрачность и подотчетность их функционирования; распределение ответственности за совершенные с их участием правонарушения. Представляется, что выявление и обобщение способов разрешения вышеперечисленных сквозных проблем позволит сформировать общий подход к правовому регулированию использования АТС, на зависящий от их вида, типа и сферы применения⁴.

Центральным аспектом, определяющим роль АТС в общественном пространстве, является наделение АТС правами и обязанностями. В литературе существуют разные подходы к проблеме правосубъектности АТС. Так, по мнению В.А. Лаптева, в ближайшей перспективе АТС

⁴ Самостоятельное исследование указанных сквозных проблем выполнено коллективом в рамках других статей, опубликованных по результатам научного проекта. Для достижения поставленных в настоящей работе целей и задач в тексте будут отражены отдельные выводы из предыдущих публикаций.





следует рассматривать только в качестве объектов права [1, с.99]. В то же время имеется и противоположная позиция, в частности, У. Пагало считает, что по крайней мере в рамках договорных отношений есть целесообразность наделяния АТС правосубъектностью [5, р.82.]. С нашей точки зрения АТС можно наделять правосубъектностью в случае наличия общественного согласия и социальной потребности. Важным методологическим критерием, способствующим выявлению данной целесообразности, может служить то, какие функции выполняет АТС в каждом конкретном случае. Так, АТС может осуществлять роль инструмента или агента. Первый случай предполагает возникновение отношений человека с машиной в парадигме «АТС как инструмент», а второй – «АТС как агент».

Подход «АТС как инструмент» не требует существенного изменения традиционного правового регулирования. Тогда как некоторые виды АТС могут приносить максимальную пользу своим владельцам тем, что они способны выполнять определенные задачи без активного участия человека. В таких случаях возникают отношения «АТС как агент», при которых АТС могут фактически вступать в отношения и осуществлять определенную деятельность в интересах физического либо юридического лица (в том числе публично-правовых образований). При этом собственного интереса в обозримом будущем АТС иметь не смогут [4, р.177.] и они, следовательно, всегда будут обладать правосубъектностью зависимого вида [3, р.159]. Эффективным способом наделяния АТС правосубъектностью может стать присвоение им статуса агента. Это позволит владельцам передавать им определенный объем правомочий в соответствии с целями их деятельности и сферой применения. Одним из преимуществ этого является то, что при совершении АТС сделок за рамками зафиксированных правомочий они могут признаваться недействительными.

Таким образом, подход «АТС как агент» предполагает наличие у АТС правосубъектности, ограниченной объемом правомочий, переданных ему физическими, юридическими лицами или публично-правовыми образованиями. При этом в случаях, если АТС не делегируются определенные правомочия, то к ним применяется подход «АТС как инструмент», в соответствии с которым они квалифицируются как обычные объекты права.

Следующая проблема обусловлена тем, что в некоторых случаях невозможно

с высокой степенью достоверности восстановить ход принятия АТС того или иного решения, т.н. проблема «черного ящика» [2]. Между тем системы автоматизированного принятия решений могут оперировать большими данными и принимать конкретные юридически значимые решения в отношении различных субъектов. В отсутствие достаточных знаний о логике принятых решений граждане фактически лишены возможности оценить их на справедливость и законность и, как следствие, это усложняет процедуру их оспаривания. При таких обстоятельствах возрастает риск нарушения прав личности.

Достаточно хорошо известны два подхода к регулированию указанных вопросов: европейский и американский. В Европейском союзе нормативные требования к алгоритмической прозрачности и подотчетности носят сквозной характер, поскольку они инкорпорированы в законодательство, регулирующее оборот персональных данных. В то время как американский подход предполагает осуществление правового регулирования *ad hoc*, при котором нормативным источником выступают отдельные положения различных антидискриминационных актов, запрещающих обработку чувствительных видов персональных данных.

В Российской Федерации нормативная база для алгоритмической прозрачности и подотчетности находится на этапе становления. Имеющееся законодательство о персональных данных позволяет предположить, что отечественный подход близок к европейскому, которому присуще разрешение проблемы «черного ящика» через регулирование оборота персональных данных. В центре такого подхода находится право субъекта персональных данных на получение информации относительно логики принятого в его отношении решения.

В то же время важно отметить, что получение соответствующей информации не обязательно ведет к раскрытию технической информации относительно работы АТС. В частности, в литературе предлагаются различные концепции объяснения логики принятых решений без открытия «черного ящика»⁵, которые могут быть

⁵ См., напр.: White Paper on Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust (2020) // European Commission URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 10.06.2020); A governance framework for algorithmic accountability and transparency (2019) // European Parliament URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/624262/EPRS_STU\(2019\)624262_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/624262/EPRS_STU(2019)624262_EN.pdf) (дата обращения:

учтены при разработке нормативных требований, направленных на обеспечение прозрачности и подотчетности функционирования АТС.

Другой актуальной проблемой является распределение юридической ответственности в случаях совершения правонарушений с участием АТС. На наш взгляд, субъектов, потенциально ответственных за последствия функционирования АТС, следует разбить на три группы: производитель, оператор и пользователь. Оператор – лицо, постоянно обеспечивающее корректное функционирование АТС и предоставляющее необходимую поддержку. Под пользователем понимается лицо, которое управляет АТС и извлекает непосредственную выгоду от его использования. Распределение ответственности между оператором и пользователем следует осуществлять на основе принципа, в соответствии с которым ответственность наступает у субъекта, который в наибольшей степени контролирует функционирование АТС. Учитывая сложность и автономность рассматриваемых технических средств можно предположить, что ответственность будет чаще возлагаться на оператора. Конкретный пользователь АТС достаточно редко будет непосредственно руководить их функционированием, ограничиваясь в основном лишь постановкой конкретной цели (например, продать товар, доехать из точки А в точку Б). Обеспечивать их функционирование (техническое состояние, программное обеспечение, наборы данных и т.п.), как правило, будет именно оператор.

В случае выявления недостатка товара (АТС), даже если он был обнаружен после введения его в эксплуатацию, при условии, что оператором (или) пользователем соблюдались правила его использования, ответственность должен нести производитель. Возможно также, что функционирование АТС будет осуществляться технологическими компаниями, которые одновременно могут являться как производителями и операторами, так и пользователями.

Вышеуказанные проблемы пронизывают все сферы общественной жизни, связанные с применением АТС. Следовательно, совокупность способов их разрешения актуальна для широкого круга общественных отношений, в которых задействованы АТС. Обобщение данных способов ведет к формированию особого порядка правового регулирования, который включает в себя следующие концептуальные положения:

10.06.2020).

– ключевыми факторами в разрешении вопроса о необходимости надления АТС правосубъектностью являются наличие социальной потребности и общественного согласия, которые могут возникнуть вследствие необходимости выработки механизма передачи данным средствам полномочий, а также ограничения возможных неблагоприятных последствий их функционирования;

– правовое регулирование использования АТС в общественном пространстве может осуществляться на основе подходов «АТС как инструмент» и «АТС как агент». Подход «АТС как инструмент» не предполагает надление АТС правосубъектностью. В то же время особенности общественных отношений, существующих в парадигме «АТС как агент», обуславливают необходимость постановки такого вопроса. Для передачи АТС полномочий, которые согласуются с целями и сферой его применения, предлагается использовать специальную процедуру присвоения АТС статуса агента. В таком случае АТС будет обладать правосубъектностью, ограниченной объемом переданных ему полномочий;

– интеграцию АТС в общественное пространство необходимо осуществлять на основе разработки требований к прозрачности и подотчетности их функционирования. Правовое регулирование должно гарантировать право граждан на получение информации о логике принятого автоматизированной системой в их отношении юридически значимого решения. При этом необходимо принять комплекс мер, направленный на предоставление такой информации без раскрытия технической информации (ноу-хау) о функционировании АТС, что позволит обеспечить баланс интересов производителей, операторов и пользователей;

– юридическая ответственность за правонарушения, совершенные с участием АТС, возлагается на традиционных субъектов, однако необходимо предусмотреть более гибкие подходы к ее распределению;

– распределение ответственности между оператором и пользователем следует осуществлять на основе принципа, в соответствии с которым ответственность наступает у субъекта, который в наибольшей степени контролирует функционирование АТС.

Таким образом, сформулированные положения предусматривают особые способы регламентации правоотношений и использование специального набора юридических средств, которые следует



считать неотъемлемыми элементами универсального правового режима автономных технических средств. Данный правовой режим определит векторы для формирования комплексного и стабиль-

ного законодательства, адекватного вызовам, возникающим в результате автоматизации различных сфер жизни общества.

Литература

1. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019.
2. Burrell J. How the machine «thinks». Understanding opacity in machine learning algorithms // Big Data & Society. 2016. № 1-12 (January–June).
3. Chopra S., White L.F. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. USA: The University of Michigan Press, 2011.
4. Kurki V. A Theory of Legal Personhood. UK: Oxford University Press, 2019.
5. Pagallo U. The Laws of Robots. Netherlands: Springer, 2013.

References

1. Laptev V.A. Ponyatiye iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za yego rabotu // Pravo. Zhurnal Vyssheyshkolyeconomy. № 2. 2019.
2. Burrell J. How the machine «thinks». Understanding opacity in machine learning algorithms // Big Data & Society. 2016. № 1-12 (January–June).
3. Chopra S., White L.F. A Legal Theory for Autonomous Artificial Agents. USA: The University of Michigan Press, 2011.
4. Kurki V. A Theory of Legal Personhood. UK: Oxford University Press, 2019.
5. Pagallo U. The Laws of Robots. Netherlands: Springer, 2013.

КУТЕЙНИКОВ Дмитрий Леонидович, старший преподаватель, кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, Российская Федерация, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: kuteynikov@me.com

KUTEYNIKOV Dmitry, senior lecturer, department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University, Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), Russian Federation, 123995, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Bld. 9. E-mail: kuteynikov@me.com

ИЖАЕВ Осман Аликович, консультант юридического отдела Московской городской избирательной комиссии, кандидат юридических наук, Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 8. E-mail: izhaev.osman@gmail.com

IZHAEV Osman, consultant of the legal department of the Moscow city election commission, Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), Russian Federation, 125009, Moscow, Mohovaya Str., Bld. 11-8. E-mail: izhaev.osman@gmail.com

ЛЕБЕДЕВ Валериан Алексеевич, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Российская Федерация, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: lebedev_va@bk.ru

LEBEDEV Valerian, Full Professor, department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Juridical Sciences (Doctor of sciences), Full Professor, Russian Federation, 123995, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Bld. 9. E-mail: lebedev_va@bk.ru

ЗЕНИН Сергей Сергеевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ведущий научный сотрудник кафедры теории государства и права, конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет



(национальный исследовательский университет)», кандидат юридических наук, доцент, Российская Федерация, 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9. E-mail: zeninsergei@mail.ru

ZENIN Sergey, associate professor, department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University, Leading Researcher of the Department of theory of state and law, constitutional and administrative law of South-Ural state University (National Research University), Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), associate professor, Russian Federation, 123995, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Bld. 9. E-mail: zeninsergei@mail.ru



Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Япрынтцев И. М.

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ¹

Zenin S. S., Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Yapryntsev I. M.

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN LAWMAKING: EXPERIENCE OF APPLICATION

Интенсификация технологического развития, выступая движущей силой развития широкого спектра общественных отношений, обеспечивает формирование новых условий модернизации демократических институтов. Многообразие инноваций в области цифровых коммуникаций влияет на механизмы реализации политических прав и свобод человека и гражданина, трансформирует деятельность органов государственной власти и инструменты их взаимодействия с институтами гражданского общества.

В этих условиях инновации затрагивают даже достаточно традиционные сферы, например, народные голосования и законотворчество. Особое влияние в разработке новых методических подходов к переосмыслению процесса организации и проведения голосования оказало повсеместное внедрение технологии распределенных реестров. Наибольшее распространение эта технология получила с применением цепочки блоков (блокчейн). Несмотря на то, что первоначально она рассматривалась исключительно в качестве элемента развития в информационной и финансовой сферах, на современном этапе из-за высокого уровня безопасности и конфиденциальности, блокчейн постепенно получает все большее распространение в иных сферах человеческой деятельности, в том числе и в политической.

В настоящей работе проанализирована мировая практика применения данной технологии в правотворчестве. Детально рассмотрены технические решения, примененные в наиболее активно развивающихся проектах, направленных на разработку собственного программного обеспечения для проведения электронных голосований с применением технологии блокчейн.

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, правотворчество, вычислительное право, алгоритмы, интернет вещей.

Being a driving force behind the development of various social relations, the intensification of modern technologies forms new conditions for modernizing democratic institutions. Different innovations in the field of digital communications affect mechanisms for the realization of political rights and freedoms of a person and citizen, transform activities of public authorities and tools of their interaction with civil society institutions. In these conditions, innovations influence even traditional areas, including popular voting and lawmaking. The active introduction of distributed registry technologies affected the development of new methodological approaches and reformed the organization of elections. This technology has widespread use due to blockchain technology. Although it was initially considered as an element of development in the information and financial spheres, now blockchain is gradually entering other spheres of human activity, including political, due to the high degree of security and confidentiality. This paper analyzes the global practice of using this technology in popular voting and legislative procedures. The authors of the article consider technical solutions applied in the most rapidly growing projects aimed to develop their own software for conducting electronic election powered by a blockchain technology.

Keywords: smart contract, blockchain, law-making, computational law, algorithms, internet of things.



¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16214.

На сегодняшний день технология распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) широко применяется в финансовом и государственном секторах. В основном данная технология используется при функционировании различных реестров (для записи прав на имущество, сделок, результатов волеизъявлений). Во многих странах блокчейн начинает использоваться для подготовки и проведения общегосударственных, региональных и муниципальных выборов [1, 45].

В Российской Федерации имеется опыт применения блокчейна на выборах разных уровней. В частности, на выборах депутатов Московской городской Думы в 2019 году на основании Федерального закона от 29.05.2019 № ЮЗ-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» и Закона города Москвы от 22.05.2019 № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» был проведен эксперимент по осуществлению дистанционного электронного голосования в трех одномандатных избирательных округах, определенных Московской городской избирательной комиссией. Голосование проводилось с использованием технологии блокчейн¹. Явка на онлайн-выборах депутатов Мосгордумы составила 92,3 процента (10 396 человек) от общего количества избирателей, подавших заявления о дистанционном электронном голосовании².

В правотворчестве данная технология применяется достаточно редко, вместе с тем имеется опыт ее использования на отдельных этапах. Опыт применения блокчейна на вышеуказанных выборах был экстраполирован на проведение общероссийского голосования по поправкам к Конституции РФ. Так, пункт 5.1 Порядка дистанционного электронного голосования при проведении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, утвержденного постановлением ЦИК России от 04.06.2020 №

¹ См.: Электронные выборы в Московскую городскую Думу // Официальный сайт Мэра Москвы URL: <https://www.mos.ru/city/projects/blockchain-vybory/> (дата обращения: 20.06.2020).

² Статистика электронных выборов // Официальный сайт Мэра Москвы URL: <https://www.mos.ru/news/item/61764073/> (дата обращения: 20.06.2020).

251/1850-7, устанавливает, что «при проведении дистанционного электронного голосования анонимизированные результаты волеизъявления участников голосования по их формированию незамедлительно зашифровываются и сохраняются в зашифрованном виде в цепочке блоков информации в распределенной базе данных программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования. Несмотря на то, что данное голосование не предусмотрено Конституцией РФ в качестве стадии принятия поправок и является «разовым», сам факт его проведения позволяет говорить о возможности использования технологии блокчейн в правотворческом процессе.

Технологической платформой для проведения выборов в Мосгордуму и общероссийского голосования являлся Портал государственных и муниципальных услуг (функций) города Москвы. Непосредственно программно-аппаратный комплекс дистанционного электронного голосования был разработан Департаментом информационных технологий города Москвы при участии стартапа Polys, запущенном при поддержке Лаборатории Касперского. Основной целью проекта Polys является создание площадки по проведению электронных голосований для внутренней деятельности политических партий. Площадка для голосования разработана на основе технологии смарт-контрактов Ethereum. При помощи Polys также были проведены выборы в молодежный парламент Саратовской области, в которых приняли участие более 15 тысяч избирателей.

На наш взгляд, недостатком подхода к применению технологии блокчейн на указанных выборах и общероссийском голосовании является то, что программно-аппаратный комплекс разрабатывался государственным органом, подведомственным исполнительной власти. В целях повышения доверия граждан к результатам различных голосований на основе блокчейна необходимо, чтобы заказчиком и разработчиком программно-аппаратных комплексов являлись соответствующие избирательные комиссии.

Вышеуказанный опыт можно распространить на другие стадии правотворческого процесса и виды нормативных правовых актов. На сегодняшний день во многих странах существуют механизмы электронной демократии, которые направлены на реализацию законопроектов гражданами напрямую через законодательные органы либо через иных субъектов законодательной инициативы. Так, с





сентября 2012 года действует электронная система We the people, в рамках которой можно направлять письменные петиции на имя Президента США. В Великобритании существует механизм электронной демократии E-Petitions, который позволяет подавать инициативы непосредственно в парламент. Подобные интернет-ресурсы существуют также в Германии (Epetitionen), Шотландии (E-Petitioner), России (Российская общественная инициатива) и на уровне Европейского Союза.

В рамках реализации данных законодательских инициатив гражданами проводятся голосования по их проектам. По нашему мнению, проведение таких голосований с использованием рассматриваемой технологии позволит, с одной стороны, снизить временные и финансовые издержки, а с другой – сформировать устоявшиеся требования и практики (как юридические, так и технические) для дальнейшей их экстраполяции на всенародные голосования, в том числе выборы и референдумы.

В частности, проведенный Советом Федерации ФС РФ анализ применения цифровых технологий в парламентской деятельности 35 стран³ показал, что в 30 странах граждане не могут оставлять комментарии к законопроекту в электронной форме на сайте парламента⁴. При этом в 6 из этих стран (Венгрии, Германии, Эстония и др.) граждане имеют право направлять свои замечания к законопроекту в письменной форме или отсылать свои предложения по электронной почте. Некоторые страны предоставляют своим гражданам право обсуждать законопроекты на специальных электронных платформах перед их внесением в парламент. Подобная процедура применяется в Боснии и Герцеговине, Греции, Нидерландах, Финляндии, Хорватии. На сайтах парламентов Австрии, Дании, Исландии, Литвы, Норвегии и Португалии предусмотрена возможность размещения комментариев граждан к законопроекту посредством специальной электронной формы.

Таким образом, технологию блокчейн

³ Прим.: Австрия, Бельгия, Дания, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Канада, Латвия, Литва, Македония, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, США, Турция, Черногория, Чехия, Финляндия, Франция, Хорватия, Швеция, Эстония и др.

⁴ См.: Цифровые технологии в обеспечении парламентской деятельности // Совет Федерации ФС РФ URL:

⁵ <http://council.gov.ru/media/files/2DcnKT0gL75hRZbGyInlDdFGaCk6TVob.pdf> (дата обращения: 20.06.2019).

в правотворческом процессе можно использовать на стадии обсуждения проекта нормативного правового акта, инициации нормативного правового акта (особенно в рамках правотворческой инициативы граждан) и на стадии его принятия или одобрения (по аналогии с всенародным голосованием по поправкам в Конституцию РФ). Важно также отметить, что заказчиком и разработчиком программно-аппаратных комплексов должны являться соответствующие компетентные органы власти, то есть представительные органы или избирательные комиссии.

Опыт применения технологии блокчейн имеется и в внутрипартийной деятельности. В частности, датская политическая партия «Либеральный Альянс» использовала технологию распределенных реестров для организации голосования по актуальным проблемам на своем ежегодном съезде⁵. Руководство партии по результатам такого эксперимента пришло к выводу о том, что данная технология «устраняет необходимость доверия, поскольку может работать автономно без вмешательства со стороны человека, и в то же время абсолютно открыто и прозрачно»⁶.

Любопытным примером также является и опыт австралийской партии «Flux», которая в своей программе предлагает введение электронного голосования для граждан на основе блокчейна⁷. Особый интерес вызывает принцип голосования, согласно которому граждане могут голосовать за или против каждого законопроекта, рассматриваемого в парламенте страны, и в зависимости от результатов голосования депутаты от партии должны голосовать на заседании тем или иным образом.

Также необходимо обратить внимание на ведущиеся на государственном уровне в отдельных странах разработки по созданию платформ «смарт-законодательства», которые позволят принимать нормативные правовые акты как в текстовом виде, так и в виде программного кода, что позволит реализовывать их отдельные нормы напрямую в

⁵ См.: Официальный сайт политической партии «Либеральный Альянс». URL: <<https://www.liberalalliance.dk/>> (Датаобращения: 20.06.2020).

⁶ См.: Blockchain voting used by Danish political party URL: <<https://www.cryptocoinsnews.com/blockchain-voting-used-by-danish-political-party/>> (Датаобращения: 20.06.2020).

⁷ См.: How Does The Flux Voting App Work? Digital Direct Democracy Explained // The Flux Party. URL: <https://voteflux.org/about/how/> (дата обращения: 20.06.2020).

смарт-контрактах и инфраструктуре интернета вещей. Например, стартап Symbium реализует проект по переводу законов и иных нормативных правовых актов в компьютерный код. На такой цифровой платформе компания создала приложение, которое разделило территории ряда городов штата Калифорния США на отдельные зоны таким образом, что пользователь может узнать какие юридические возможности у него имеются, например, для строительства или реконструкции дома на отдельно взятом участке, в том числе определить допустимую этажность дома и иные требования законодательства, не обращаясь в государственные органы⁸. Указанное приложение функционирует вследствие того, что все юридические требования, действующие на той или иной территории, переведены в компьютерный код, который быстро и

⁸ См.: Symbium Build // Symbium URL: <https://symbium.com/build.php> (дата обращения: 20.06.2020).

однозначно считается смарт-устройством пользователя.

Особое значение алгоритмизация правовых норм приобретет с возникновением необходимости их интерпретации техническими средствами (устройствами «интернета вещей», в особенности с автономными алгоритмами) [2, 67]. Реализация данной концепции потребует разработки новых подходов к нормативному правовому обеспечению законодательных процедур.

Таким образом, технология блокчейн в правотворческом процессе может использоваться в нескольких основных направлениях: 1) определение итогов голований по проектам нормативных правовых актов либо сбора подписей в поддержку их инициирования; 2) парламентская и внутрипартийная деятельность по рассмотрению проектов нормативных правовых актов; 3) инфраструктура для нормативно-правового регулирования отношений в сфере цифровой экономики.

Литература

1. Кутейников Д.Л. Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 41-52.
2. Allen, D.WE., Berg C., Lane A.M., Potts J. Cryptodemocracy and its institutional possibilities (2018). Review of Austrian Economics, pp. 1-12. Article in press.
3. Ayed A.B. A conceptual secure blockchain-based electronic voting system // International Journal of Network Security & Its Applications, vol. 9, no. 3, 2017.
4. Francesconi E. Reasoning with Deontic Notions in a Decidable Framework // Knowledge of the Law in the Big Data Age. 2019. Vol. 317. P. 63-81.
5. M. Kovic Blockchain for the people. Blockchain technology as the basis for a secure and reliable e-voting system. ZIPAR DiscussionPaperSeries, 2017. Volume 1, Issue 1. Zurich, Switzerland. p. 20.
6. Kshetri, N., Voas, J. Blockchain-Enabled E-Voting (2018). IEEE Software 35(4), pp. 95-99.

References

1. Kuteynikov D.L. Osobennosti primeneniya tekhnologiy raspredelennykh reyestrov i tsepochek blokov (blokcheyn) v narodnykh golosovaniyakh // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 9. S. 41-52.
2. Allen, D.WE., Berg C., Lane A.M., Potts J. Cryptodemocracy and its institutional possibilities (2018). Review of Austrian Economics, pp. 1-12. Article in press.
3. Ayed A.B. A conceptual secure blockchain-based electronic voting system // International Journal of Network Security & Its Applications, vol. 9, no. 3, 2017.
4. Francesconi E. Reasoning with Deontic Notions in a Decidable Framework // Knowledge of the Law in the Big Data Age. 2019. Vol. 317. P. 63-81.
5. M. Kovic Blockchain for the people. Blockchain technology as the basis for a secure and reliable e-voting system. ZIPAR DiscussionPaperSeries, 2017. Volume 1, Issue 1. Zurich, Switzerland. p. 20.
6. Kshetri, N., Voas, J. Blockchain-Enabled E-Voting (2018). IEEE Software 35(4), pp. 95-99.

ЗЕНИН Сергей Сергеевич, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ведущий научный сотрудник кафедры теории государства и права, конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», кандидат юридических наук, доцент. 123995, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9. E-mail: zeninsergei@mail.ru



ZENIN Sergey, associate professor, department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University, Leading Researcher of the Department of theory of state and law, constitutional and administrative law of South-Ural state University (National Research University), Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), docent, Russian Federation, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Bld. 9, Moscow, 123995. E-mail: zeninsergei@mail.ru

КУТЕЙНИКОВ Дмитрий Леонидович, старший преподаватель, кафедра конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, Россия, 123995, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9. E-mail: kuteynikov@me.com

KUTEYNIKOV Dmitry, senior lecturer, department of constitutional and municipal law, Kutafin Moscow State Law University, Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), Russian Federation, Sadovaya-Kudrinskaya Str., Bld. 9, Moscow, 123995. E-mail: kuteynikov@me.com

ИЖАЕВ Осман Аликович, консультант юридического отдела Московской городской избирательной комиссии, кандидат юридических наук, Россия, 125009, г. Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 8. E-mail: izhaev.osman@gmail.com

ИЗНАЕВ Osman, consultant of the legal department of the Moscow city election commission, Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), Russian Federation, 125009, Moscow, Mohovaya str., bld. 11–8. E-mail: izhaev.osman@gmail.com

ЯПРЫНЦЕВ Иван Михайлович, советник Судьи Конституционного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 1. E-mail: imyapryntsev@gmail.com

YAPRYNTSEV Ivan, consultant of Judge of the Constitutional Court, Ph.D. of Juridical Sciences (Candidate of sciences), Russian Federation, 190000, St. Petersburg, Pl. Senatskaya, 1. E-mail: imyapryntsev@gmail.com



Крысанов А. В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АККРЕДИТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ФЕДЕРАЦИЙ: КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Krysanov A. V.

STATE ACCREDITATION OF REGIONAL SPORTS FEDERATIONS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION PRACTICE (FOR EXAMPLE, A FEDERATION THAT OPERATES IN THE TERRITORY OF THE SVERDLOVSK REGION)

В статье на основании рассмотрения конституционно-правовых начал регулирования процедуры государственной аккредитации региональных спортивных федераций и анализа конкретной ситуации, сложившейся в процессе осуществления процедуры государственной аккредитации общественной организации для наделения ее статусом региональной спортивной федерации на территории Свердловской области. Высказывается мнение о слабой правовой защищенности отдельных членов общественных организаций, государственная аккредитация которых как региональных спортивных федераций истекает, а также о доминирующей роли общероссийских спортивных федераций в определении способности для региональных спортивных федераций существовать и развиваться.

Ключевые слова: общественная организация, конституционно-правовое регулирование отношений в сфере физической культуры и спорта, государственная аккредитация региональных спортивных федераций.

Based on a review of constitutional and legal principles for regulating the procedure for state accreditation of regional sports federations and analyzing a specific situation that has developed during the process of state accreditation of a public organization to give it the status of a regional sports federation in the Sverdlovsk region. The opinion is expressed about the weak legal protection of individual members of public organizations whose state accreditation as regional sports federations expires, as well as the dominant role of all-Russian sports federations in determining the ability for regional sports federations to exist and develop.

Keywords: public organization, constitutional and legal regulation of relations in the field of physical culture and sports, state accreditation of regional sports federations.

Выбор тематики представленной статьи связан с событиями, разбор которых с юридических позиций представляется важным и необходимым с точки зрения защиты прав лиц, участвующих в создании, деятельности общественных органи-

заций, имеющих государственную аккредитацию в качестве региональных спортивных федераций.

Структурно настоящее исследование будет иметь три раздела, в которых последовательно раскрываются правовые





начала государственной аккредитации общественных организаций в качестве региональных спортивных федераций, приводится один из примеров состоявшейся процедуры аккредитации и предлагаются авторские обобщения и выводы.

1. Конституционные и правовые основы регулирования процедуры государственной аккредитации региональных спортивных федераций

В соответствии с Конституцией Российской Федерации [1] в России поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта. Общие вопросы физической культуры и спорта относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Исходя из конституционных установлений, формируется нормативно-правовая база, регулирующая отношения в области физической культуры и спорта в Российской Федерации. В частности, федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – закон) [2] закрепил ключевые термины, наделил органы государственной власти субъектов Российской Федерации конкретными полномочиями в этой сфере и урегулировал иные принципиальные аспекты.

Анализируя положения закона, представляется возможным установить, что региональной спортивной федерацией могут быть региональная общественная организация, являющаяся членом общероссийской спортивной федерации, или структурное подразделение (региональное отделение) общероссийской спортивной федерации, которые получили государственную аккредитацию и целями которых являются развитие одного или нескольких видов спорта на территории субъекта Российской Федерации, их пропаганда, организация, проведение спортивных мероприятий и подготовка спортсменов - членов спортивных сборных команд субъекта Российской Федерации. Как видим, одним из условий получения статуса региональной спортивной федерации является её государственная аккредитация.

Государственная аккредитация региональной спортивной федерации представляет собой деятельность государственных органов по подтверждению соответствия качества спортивной подготовки, осуществляемой региональной спортивной федерацией, федеральному стандарту спортивной подготовки по соответствующему виду спорта.

Закон конкретизирует, что государственная аккредитация региональных спортивных федераций относится к числу полномочий субъектов Российской Федерации. При этом ранее (до 03.07.2019) такое положение в законе отсутствовало. Полагаем, что включение указанного полномочия в общий перечень полномочий субъектов Российской Федерации в области физкультуры и спорта, устранило существовавшую ранее правовую неопределенность в вопросе о пределах компетенции органов государственной власти субъектов при осуществлении государственной аккредитации региональных спортивных федераций.

Подчеркнем, что законодатель установил правило о том, что по одному виду спорта на территории субъекта Российской Федерации соответствующий орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации обязан аккредитовать только одну региональную спортивную федерацию. Следовательно, можем говорить о запрете аккредитации нескольких региональных спортивных федераций по одному виду спорта в границах территории субъекта Российской Федерации.

Также в законе содержится обязательное требование о вхождении аккредитованной региональной спортивной федерации в качестве члена в общероссийскую спортивную федерацию (при её наличии) по соответствующим виду или видам спорта.

В силу особого статуса региональная спортивная федерация на основании закона приобретает совокупность прав и обязанностей, которые определяют наличие у нее специальной правоспособности [3].

Например, региональная спортивная федерация обладает правом на финансовую поддержку со стороны государства своей деятельности в целях развития соответствующего вида спорта; имеет возможность организовывать и проводить региональные и межмуниципальные официальные спортивные мероприятия по соответствующему виду спорта; обязана осуществлять подготовку и формирование спортивных сборных команд субъекта Российской Федерации по соответствующему виду спорта и направлять их для участия в межрегиональных и во всероссийских спортивных соревнованиях.

Сведения об аккредитованных региональных спортивных федерациях подлежат включению в реестр, являются открытыми и общедоступными, за исключением отдельных из них (ст. 17 закона).

Непосредственно порядок проведе-

ния государственной аккредитации региональных общественных организаций или структурных подразделений (региональных отделений) общероссийской спортивной федерации для наделения их статусом региональных спортивных федераций устанавливается Министерством спорта Российской Федерации [4]. Срок действия свидетельства о государственной аккредитации составляет 4 года. Кроме того, важно показать, что законодательно сформулировано требование о необходимости согласования государственной аккредитации региональной спортивной федерации с общероссийской спортивной федерацией по соответствующему виду спорта.

В силу ограниченного объема публикации, полагаем, следует акцентировать внимание лишь на тех аспектах порядка проведения государственной аккредитации региональных спортивных федераций, которые имеют непосредственное отношение к последующим разделам настоящей статьи.

Орган по аккредитации объявляет о государственной аккредитации в нескольких случаях (например, окончание срока действия государственной аккредитации региональной спортивной федерации по соответствующему виду спорта; обращение в орган по аккредитации региональной спортивной федерации для объявления государственной аккредитации не ранее чем за 4 месяца до дня окончания срока действия государственной аккредитации региональной спортивной федерации по соответствующему виду спорта).

Решение о проведении государственной аккредитации оформляется в течение 10 рабочих дней со дня возникновения соответствующих обстоятельств. Далее (в течение 3 рабочих дней) после подписания документа (приказа) об аккредитации, он размещается на официальном сайте аккредитующего органа в сети «Интернет». После объявления о государственной аккредитации общественная организация готовит для представления в орган по аккредитации пакет документов и сведения, предусмотренные законом и Приказом Минспорта России № 633 (п. 5 и п. 7 Приказа). Например, общественной организацией в орган по аккредитации должны быть представлены: письменное согласование общероссийской спортивной федерации на государственную аккредитацию общественной организации по видам спорта, развиваемым на общероссийском уровне [5], проект программы развития соответствующего вида

спорта в субъекте Российской Федерации, копии протоколов не менее 3 спортивных соревнований, проведенных общественной организацией и другие.

Претендующая на получение свидетельства о государственной аккредитации в качестве региональной спортивной федерации общественная организация, может представить в орган по аккредитации, установленный перечень документов и сведений, в срок не менее 20 рабочих дней и более 40 рабочих дней со дня подписания документа (приказа) об объявлении государственной аккредитации.

В отдельных случаях орган по аккредитации может без рассмотрения вернуть все представленные общественной организацией документы (п. 9 Приказа Минспорта России № 633).

По итогам рассмотрения представленных документов орган по аккредитации правомочен принять решение об аккредитации региональной спортивной федерации, либо об отказе в таковой. При этом срок для принятия соответствующего решения ограничивается 2 месяцами со дня истечения срока подачи общественной организацией документов и сведений для государственной аккредитации в орган по аккредитации.

Основаниями для отказа в государственной аккредитации могут послужить обстоятельства, предусмотренные п. 14 Приказа Минспорта № 633.

О принятом решении орган по аккредитации в течение 5 рабочих дней со дня подписания документа уведомляет заявителя и/или размещает информацию на своём официальном сайте в сети «Интернет».

2. Пример государственной аккредитации региональной спортивной федерации, осуществляющей деятельность на территории Свердловской области

23.10.2014 в Свердловской области в качестве региональной федерации была аккредитована Свердловская областная общественная физкультурно-спортивная организация «Федерация художественной гимнастики» (номер приказа Министерства физической культуры и спорта Свердловской области о государственной аккредитации 23/03-03) [6].

26.09.2018 Министр физической культуры и спорта Свердловской области подписал приказ № 33/ГА, согласно которому была объявлена государственная аккредитация общественной организации для наделения ее статусом региональной спортивной федерации по виду спорта «Художественная гимнастика», установ-

53

Конституция,
государство и общество





лен срок подачи документов общественной организацией в Министерство физической культуры и спорта 20 рабочих дней с 26.09.2018 [7].

Однако, президент Свердловской областной общественной физкультурно-спортивной организации «Федерация художественной гимнастики» не представил в орган по аккредитации, установленный перечень документов и сведений (См. выше. Примеч. авт.) для последующей государственной аккредитации указанной общественной организации. Существенно и то, что с момента объявления о государственной аккредитации, указанная выше общественная организация продолжала в обычном режиме осуществлять свою деятельность. Органы управления общественной организации не были проинформированы президентом организации об уклонении им от представления документов и сведений для государственной аккредитации.

Для понимания логики последующего изложения материала следует отметить, что 14.12.2018 некоммерческая организация Спортивная Областная Общественная Организация «Федерация художественной гимнастики Свердловской области» получает свидетельство о государственной регистрации (№ 6612013159) [8].

В связи с тем, что в Свердловской области в тот период (декабрь 2018 года) сложилась ситуация, при которой по виду спорта «Художественная гимнастика» не было представлено общественной организации, имеющей государственную аккредитацию в качестве региональной спортивной федерации, Министр физической культуры и спорта Свердловской области подписал приказ № 47/ГА от 13.12.2018 [7], который по своему содержанию продублировал приказ № 33/ГА (См. выше. Примеч. авт.). После чего 18.02.2019 подписал приказ № 7/ГА [9], в соответствии с которым статус региональной федерации по виду спорта «Художественная гимнастика» приобрела Спортивная Областная Общественная Организация «Федерация художественной гимнастики Свердловской области».

Полагаем, необходимо указать, что возглавляет Спортивную Областную Общественную Организацию «Федерация художественной гимнастики Свердловской области» лицо, которое ранее являлось президентом Свердловской областной общественной физкультурно-спортивной организации «Федерация художественной гимнастики». При этом иные лица, участвующие в качестве членов Свердловской областной общественной физкультурно-спортивной организации «Федерация художественной гимнастики», в том числе и входящие в состав высшего органа управления, сохранили свой статус, но в рамках общественной организации, не имеющей статуса аккредитованной в качестве региональной спортивной федерации.

3. Заключительные положения и основные выводы

Таким образом, анализ действующего российского законодательства в сфере государственной аккредитации региональных спортивных федераций и конкретного примера осуществления процедуры аккредитации, показал слабую правовую защищенность отдельных членов общественных организаций в том случае, когда срок их государственной аккредитации истекает и единоличный исполнительный орган некоммерческой организации «саботирует» последующую аккредитацию в интересах другой общественной организации. В этой связи единственным средством защиты прав членов общественных организаций видится судебное разбирательство, инициированное членами общественной организации по общим правилам, установленным российским законодательством. В свою очередь следует сделать оговорку относительно успеха судебной защиты прав членов общественных организаций, утративших государственную аккредитацию, в условиях, когда в системе отношений в области физической культуры и спорта, общероссийские спортивные федерации фактически определяют для региональных спортивных федераций их жизнеспособность (в смысле способности существовать и развиваться [10]).

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.03.2020).
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2020).
3. Разрешительная система в Российской Федерации: научно-практическое пособие / Л.Ю. Акимов, Л.В. Андриченко, Е.А. Артемьева и др.; отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. [Электронный ресурс] // Справочная-

- Правовая Система КонсультантПлюс (дата обращения: 22.03.2020).
4. Приказ Минспорта России от 01.08.2014 № 663 «Об утверждении Порядка проведения государственной аккредитации региональных общественных организаций или структурных подразделений (региональных отделений) общероссийской спортивной федерации для наделения их статусом региональных спортивных федераций и формы документа о государственной аккредитации, подтверждающего наличие статуса региональной спортивной федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2020).
 5. Всероссийский реестр видов спорта // официальный Интернет-сайт Министерства спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minsport.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2020).
 6. Министерство спорта Российской Федерации // Реестр общероссийских и аккредитованных региональных спортивных федераций от 31 августа 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/gosudarstvennaya-akk/30984> (дата обращения: 6.04.2020).
 7. Министерство физической культуры и спорта Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: http://minsport.midural.ru/index.php/activ_doc/519 (дата обращения: 10.04.2020).
 8. Сайт федерации художественной гимнастики Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://frgso.ru/federation> (дата обращения: 20.04.2020).
 9. Министерство физической культуры и спорта Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: http://minsport.midural.ru/index.php/activ_doc/635 (дата обращения: 25.04.2020).
 10. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56830> (дата обращения: 25.04.2020).

Reference

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 17.03.2020).
2. Federal'nyy zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ «O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 20.03.2020).
3. Razreshitel'naya sistema v Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskoye posobiye / L.YU. Akimov, L.V. Andrichenko, Ye.A. Artem'yeva i dr.; otv. red. A.F. Nozdrachev. M.: IZiSP, INFRA-M, 2015. [Elektronnyy resurs] // Spravochnaya-Pravovaya Sistema Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya: 22.03.2020).
4. Prikaz Minsporta Rossii ot 01.08.2014 № 663 «Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya gosudarstvennoy akkreditatsii regional'nykh obshchestvennykh organizatsiy ili strukturnykh podrazdeleniy (regional'nykh otdeleniy) obshcherossiyskoy sportivnoy federatsii dlya nadeleniya ikh statusom regional'nykh sportivnykh federatsiy i formy dokumenta o gosudarstvennoy akkreditatsii, podtverzhdayushchego nalichiyе statusa regional'noy sportivnoy federatsii» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 25.03.2020).
5. Vserossiyskiy reyestr vidov sporta // ofitsial'nyy Internet-sayt Ministerstva sporta Rossiyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.minsport.gov.ru> (data obrashcheniya: 28.03.2020).
6. Ministerstvo sporta Rossiyskoy Federatsii // Reyestr obshcherossiyskikh i akkreditovannykh regional'nykh sportivnykh federatsiy ot 31 avgusta 2018 g. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/gosudarstvennaya-akk/30984> (data obrashcheniya: 6.04.2020).
7. Ministerstvo fizicheskoy kul'tury i sporta Sverdlovskoy oblasti [Elektronnyy resurs]. – URL: http://minsport.midural.ru/index.php/activ_doc/519 (data obrashcheniya: 10.04.2020).
8. Sayt federatsii khudozhestvennoy gimnastiki Sverdlovskoy oblasti [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://frgso.ru/federation> (data obrashcheniya: 20.04.2020).
9. Ministerstvo fizicheskoy kul'tury i sporta Sverdlovskoy oblasti [Elektronnyy resurs]. – URL: http://minsport.midural.ru/index.php/activ_doc/635 (data obrashcheniya: 25.04.2020).
10. Tolkovyy slovar' S.I. Ozhegova [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/56830> (data obrashcheniya: 25.04.2020).

КРЫСАНОВ Антон Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России. 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66. E-mail: AmK1984@e1.ru

KRYSANOV Anton, Ph.D., assistant professor of constitutional law at the Ural Law Institute of the Russian Interior Ministry. 620057, Yekaterinburg, St. Korepina, 66. E-mail: AmK1984@e1.ru



Галицков В. А., Крысанов А. В.

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Galitskov V. A., Krysanov A. V.

ON THE ISSUE OF RESTRICTING INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN THE CONDITIONS OF HIGH READINESS TO COUNTERACT THE SPREAD OF A NEW CORONAVIRUS INFECTION IN THE REGULATORY LEGAL ACTS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Статья посвящена рассмотрению практики отдельных субъектов Российской Федерации в установлении ограничений прав и свобод граждан в условиях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции. Авторами отмечается многообразие применяемых мер ограничительного характера. Формулируется вывод о том, что режим повышенной готовности по своей сути направлен на обеспечение защиты жизни и здоровья граждан и предотвращения распространения заболеваемости.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод, режим повышенной готовности, новая коронавирусная инфекция, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации.

The article deals with the practice of individual subjects of the Russian Federation in establishing restrictions on the rights and freedoms of citizens in the fight against the spread of a new coronavirus infection. The authors note the variety of restrictive measures applied. It is concluded that the high-alert regime is essentially aimed at protecting the life and health of citizens and preventing the spread of disease.

Keywords: restriction of rights and freedoms, high alert, new coronavirus infection, regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation.

11 марта 2020 года всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в масштабах всего человеческого сообщества. Большинство государств мира предприняли попытки предотвращения массового заболевания своих граждан путем введения различного рода ограничительных мер.

В Российской Федерации они (ограничительные меры) в их реальном выраже-

нии начали вводиться с изданием Указа Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [1].

К этому моменту уже не являлись вызывающими удивление масштабы и условия ограничительного свойства, прини-



маемые в отдельных провинциях Китая, в Италии и других государствах, где обстановка развивалась лавинообразно и приобретала катастрофические масштабы.

Как было отмечено, отправной точкой в развитии новой практики введения ограничительных мер явился подзаконный акт, изданный Президентом Российской Федерации, за которым последовали ограничительные меры различного характера, устанавливаемые законами субъектов Российской Федерации и что особенно интересно, отдельными актами высших должностных лиц субъектов. Полагаем, что в условиях принимаемых мер особо проявилась федеративная природа нашего государства. В такой ситуации обозначились не только равенство в принимаемых мерах, их масштаб и специфика, но и порой, чего не проявлялось ранее, ограничения права на свободу передвижения между субъектами Российской Федерации для лиц не имеющих регистрации по месту пребывания в пределах того или иного из них.

В условиях анализируемого правового режима надлежит, прежде всего, определиться с тем, что подобного рода опыт является «новым» не только для отдельно взятого государства или части его территории, но и в масштабах всего мирового сообщества. Органы государственной власти обратились к нетривиальным инструментам. Например, именно в 2020 году практика обращений Президента Российской Федерации к россиянам в различных форматах приобрела интенсификацию и регулярность, которой ранее не наблюдалось. Особые времена требуют особых решений и мер.

В контексте дискуссии о законности и соразмерности вводимых ограничений для борьбы с COVID-19 в информационном пространстве сети «Интернет» нередко звучит тезис, отсылающий к положениям части 3 ст. 55 Конституции России, которая, как известно, гласит: «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2]. Таким образом, основания ограничения прав и свобод человека – традиционно являются федеральные законы. Полагаем, что все же сформировавшаяся практика является мерой экстренного порядка и нам только предстоит переосмыслить ее, подвергнуть правовому анализу и некоторой оценке.

Обратимся к накопленному опыту ограничительных мер, предпринимавшихся или действующих по настоящее время в отдельных субъектах Российской Федерации, и проанализируем их многообразие и специфику.

В этой части город федерального значения Москва и Московская область задавали динамику регионального нормотворчества опережающего, и пожалуй, наиболее широкого и решительного спектра действий. Так, Указом Мэра города Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ [3] был введен режим самоизоляции для отдельных категорий граждан по месту проживания (пребывания), а равно установлена обязанность граждан не покидать места проживания (пребывания), за исключением установленных случаев, который получил несколько редакций и проявлений в той или иной мере жесткости вплоть до июня 2020 года. В дальнейшем Указом Мэра города Москвы от 11.04.2020 № 43-УМ [4] были введены дополнительные меры, с 15.04.2020 граждане были вправе находиться вне места проживания (пребывания), передвигаться на транспорте (включая железнодорожный транспорт и метрополитен) только при наличии цифрового пропуска либо служебного удостоверения (военнослужащего, государственного или муниципального служащего, судьи, адвоката, нотариуса, журналиста, частного охранника). Получение пропуска осуществлялось на основании электронной заявки гражданина.

Меры схожего порядка и содержания поэтапно вводились Постановлениями Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ [5] и от 11.04.2020 № 171-ПГ [6], в содержании которых, как и в столице также предписывалось обязательное использование средств индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респираторы) при нахождении в местах общего пользования (на всех объектах розничной торговли, аптеках, общественном транспорте, включая такси, на всех предприятиях, продолжающих свою работу, медицинских организациях). Охранительной мерой в указанных выше случаях в обоих субъектах Российской Федерации выступали нормы законов субъектов, предусматривающие административную ответственность за невыполнение гражданами требований нормативных правовых актов, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности, в том числе обеспечение режима самоизоляции, с наказанием в виде административного штрафа в размере - 4000 рублей, а за совер-





шение правонарушения повторно или с использованием транспортного средства - 5000 рублей.

Меры аналогичного содержания и свойства вводились в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Постановлениями Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 [7] и Постановлением Ленинградской области от 29.04.2020 №257 [8], где специфика региональных норм проявилась в следующих аспектах: вводились ограничения для лиц временно пребывающих на территории Ленинградской области на покидание границ муниципального образования, а в период с 01.05.2020 по 05.05.2020 и с 09.05.2020 по 11.05.2020 граждане, передвигавшиеся по территории Ленинградской области автомобильным транспортом, должны были следовать без остановок до конечного пункта следования, расположенного на территории Ленинградской области, либо следовать транзитом без остановки по территории Ленинградской области до ближайшего выезда с территории Ленинградской области (в случае если конечный пункт следования расположен за границами территории Ленинградской области), за исключением случаев экстренной вынужденной остановки (Постановление Правительства Ленинградской области от 30.04.2020 №263 [9]). В этой части указанные субъекты Российской Федерации с позиции принимаемых мер и их «жесткости», а также «обязательности» внутреннего субъективного свойства выступали забойщиками в практике регионального правового регулирования и исполнения отдельных мер самими гражданами. Это обусловлено факторами плотности населения и индексами деловой и трудовой миграции и турпотоками в этих центрах агломерации. Равно как именно эти факторы послужили предпосылкой для принятия особых мер ограничительного свойства во многих субъектах РФ применительно к гражданам, прибывающим из города Москва или Санкт-Петербург и соседствующих с ними субъектов. Примерами актов такого свойства являются Указы Главы республики Адыгея от 14.04.2020 № 46 [10] и Главы республики Башкортостан от 18.03.2020 №УГ-111 [11], Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.03.2020 № 208 [12] и другие.

Примерами дополнительного регулирования выступают такие меры, как введение для жителей республики Бурятия в случае следования к месту осуществления не приостановленной трудовой деятельности, необходимости иметь, оформ-

лять подтверждающий документ, выдаваемый работодателем, а в случае следования к загородным жилым строениям, дачным (жилым), садовым домам, к земельным участкам, предоставленным в целях ведения садоводства, огородничества, личного подсобного хозяйства, индивидуального жилищного строительства (и обратно), необходимости подать уведомление, действующее в течение одних суток – основание Указ Главы республики №37 от 13.03.2020 [13] и отдельные его редакции. В республике Дагестан Указом Главы субъекта от 18.03.2020 №17 [14] обязательный режим самоизоляции устанавливался для всех лиц, прибывших из субъектов, где были зарегистрированы случаи заражения новой коронавирусной инфекцией. Симметричные меры были введены Указами Главы Республики Ингушетия от 17.03.2020 №49 [15] и Республики Калмыкия от 27.03.2020 №88 [16] и другими.

Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики от 18.03.2020 № 19-УГ в отдельных его редакциях наряду с уже обозначенными мерами предписывал введение запрета на транзитный проезд автомобильного транспорта через территорию населенных пунктов [17].

В республике Алтай на основании Распоряжений Правительства субъекта [18, 19] были предусмотрены следующие меры ограничительного характера:

С 21.04.2020 был запрещен въезд на территорию муниципального образования «Турочакский район» и выезд с указанной территории, за исключением граждан, имеющих регистрацию по месту жительства (месту пребывания) в границах территории обозначенного муниципального образования. Допускалось лишь следование транзитом, без остановки или стоянки. Равным образом с 27.04.2020 был запрещен въезд на территорию муниципального образования «Усть-Коксинский район» и выезд с указанной территории, допускался лишь транзитный проезд через него.

Во исполнение отдельных мер установленных Указами глав Республики Карелия № 29 от 16 апреля 2020 года и №30 от 17 апреля 2020 года были введены и подлежали осуществлению следующие меры:

Въезд на территорию городов Костомукша, Питкяранта, Кондопога и Сегежа, в пределах которых расположены крупные организации, осуществлялся через специально оборудованные контрольно-пропускные пункты. Въезд и выезд осуществлялся с предъявлением докумен-

тов, подтверждающих проживание в городе, выполнение обязательств, основанных на трудовых и иных договорах, либо при предъявлении пропуска, выданного органами местного самоуправления.

С 22.04.2020 въезд граждан и проезд автотранспортных средств на территорию Республики Карелия из Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей осуществлялся только через специально оборудованные контрольно-пропускные пункты.

Практика республики Коми, порожденная Постановлением Правительства региона от 22 апреля 2020 года №194 [20] установила запрет на въезд железнодорожным, воздушным транспортом, а также автомобильным транспортом категории «D» (автобусы) в отношении граждан, не имеющих регистрации по месту жительства (месту пребывания) или объектов недвижимого имущества, принадлежащих им на праве собственности или ином законном основании, в границах таких, наиболее «популярных» муниципальных образований как: городской округ «Воркута», городской округ «Усинск», городского округа «Ухта» и муниципальный район «Печора».

В республике Мордовия Указом Главы №78-УГ от 17.03.2020 [21], одной из редакций данного акта среди прочих уже приведенных ранее «неоклассических» мер с 22.04.2020 на период действия режима повышенной готовности было приостановлено пригородное железнодорожное пассажирское сообщение с соседними субъектами РФ.

В отдельных местностях республики Саха (Якутия), преимущественно обеспечивающих работу вахтовым методом

ограничения проявились и в такой мере, как разрешение на выезд граждан только после получения отрицательного результата на новую коронавирусную инфекцию (COVID-19) – Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 23.04.2020 № 1134 [22].

Еще одной мерой, дополняющей уже весьма обширный перечень, стал введенный Указом главы Чеченской республике от 27.03.2020 №66 (с изменениями от 30 апреля 2020 г.) [23] с 03.04.2020 по 11.05.2020 режим «Стоп движение», предусматривающий запрет на передвижение транспортных средств и пешеходов с 20:00 до 8:00.

Следует, безусловно, понимать и принимать во внимание то обстоятельство, что приведенные в меры, хотя по внешнему своему выражению и содержанию в первую очередь могут быть отнесены к ограничительным, по своей сути направлены на обеспечение защиты жизни и здоровья граждан и предотвращения распространения заболеваемости. Практика их введения и применения весьма обширна и многообразна, ведь нами были проанализированы лишь отдельные меры в малой части субъектов России, прежде всего по принципу их своеобразности, некоторого рода уникальности. Более того на момент подготовки статьи в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации действие приведенных норм продолжается, либо подлежит смягчению лишь в отдельных аспектах. Но в общем и целом приведенный опыт «оживляет» и насыщает научную дискуссию вокруг вопросов о допустимости, соразмерности и конституционности применяемого инструментария, что еще не раз приведет нас в поле научных диспутов и обсуждений.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.05.2020).
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.05.2020).
3. Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 25.05.2020).
4. Указ Мэра Москвы от 11 апреля 2020 г. № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 25.05.2020).
5. Постановление губернатора московской области от 12 марта 2020 г. № 108-пг «О введении в московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-ncov) на территории





московской области» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.05.2020).

6. Постановление губернатора московской области от 11 июня 2020 г. № 282-пг «О внесении изменений в постановление губернатора московской области от 12.03.2020 n 108-пг «О введении в московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (сovid-2019) на территории московской области» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.05.2020).

7. Постановление правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 года № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 26.05.2020).

8. Постановление правительства ленинградской области от 29 апреля 2020 г. № 257 «О реализации указов Президента российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 239 и от 28 апреля 2020 года № 294» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.05.2020).

9. Постановление правительства ленинградской области от 30 апреля 2020 года № 263 «Об обеспечении безостановочного транзита по территории ленинградской области» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 27.05.2020).

10. Указ Главы Республики Адыгея от 14.04.2020 № 46 «О дополнительных мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2020).

11. Указ главы Республики Башкортостан от 18 марта 2020 года № УГ-111 «О введении режима «Повышенная готовность» на территории Республики Башкортостан в связи с угрозой распространения в Республике Башкортостан новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 27.05.2020).

12. Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 19 марта 2020 года № 208 «О мерах по предотвращению распространения в Республике Татарстан новой коронавирусной инфекции» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

13. Указ Главы Республики Бурятия от 13.03.2020 № 37 «О дополнительных мерах по защите населения и территории Республики Бурятия от чрезвычайной ситуации, связанной с возникновением и распространением инфекции, вызванной новым типом коронавируса (2019-nCoV)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

14. Указ Главы Республики Дагестан от 18.03.2020 № 17 «О введении режима повышенной готовности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

15. Указ главы Республики Ингушетия от 17 марта 2020 года № 49 «О мерах по снижению рисков завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

16. Указ главы Республики Калмыкия от 27 марта 2020 года № 88 «О дополнительных мерах по предупреждению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Республики Калмыкия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

17. Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики от 18.03.2020 № 19-УГ «О введении на территории Кабардино-Балкарской Республики режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019- nCoV)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

18. Распоряжение правительства Республики Алтай от 18 марта 2020 года № 144-р «О введении режима «Повышенная готовность» и мерах по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Республики Алтай» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

19. Распоряжение правительства Республики Алтай от 21 апреля 2020 года № 231-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Республики Алтай от 18 марта 2020 года № 144-р» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

20. Постановление правительства Республики Коми от 22 апреля 2020 года № 194 «О введении на отдельных территориях Республики Коми ограничительных мероприятий (карантина)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 28.05.2020).

21. Указ Главы Республики Мордовия от 17.03.2020 № 78-УГ «О введении на территории Республики Мордовия режима повышенной готовности и принятии дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции COVID-2019» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2020).

22. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 23.04.2020 № 1134 «О введении ограничительных мероприятий (карантина) на территории вахтового поселка ООО «ВостСибСпецМонтаж» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2020).
23. Указ Главы Чеченской Республики от 27.03.2020 № 66 «О неотложных мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Чеченской Республики» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2020).

Reference

1. Ukaz Prezidenta RF ot 02.04.2020 № 239 «O merakh po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s rasprostraneniym novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 17.05.2020).
2. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 18.05.2020).
3. Ukaz Mera Moskvy ot 5 marta 2020 g. № 12-UM «O vvedenii rezhima povyshennoy gotovnosti» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 25.05.2020).
4. Ukaz Mera Moskvy ot 11 aprelya 2020 g. № 43-UM «Ob utverzhdenii Poryadka oformleniya i ispol'zovaniya tsifrovyykh propuskov dlya peredvizheniya po territorii goroda Moskvy v period deystviya rezhima povyshennoy gotovnosti v gorode Moskve» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 25.05.2020).
5. Postanovleniye gubernatora moskovskoy oblasti ot 12 marta 2020 g. № 108-pg «O vvedenii v moskovskoy oblasti rezhima povyshennoy gotovnosti dlya organov upravleniya i sil moskovskoy oblastnoy sistemy preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy i nekotorykh merakh po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (2019-ncov) na territorii moskovskoy oblasti» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 26.05.2020).
6. Postanovleniye gubernatora moskovskoy oblasti ot 11 iyunya 2020 g. № 282-pg «O vnesenii izmeneniy v postanovleniye gubernatora moskovskoy oblasti ot 12.03.2020 n 108-pg «O vvedenii v moskovskoy oblasti rezhima povyshennoy gotovnosti dlya organov upravleniya i sil moskovskoy oblastnoy sistemy preduprezhdeniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy i nekotorykh merakh po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (covid-2019) na territorii moskovskoy oblasti» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 26.05.2020).
7. Postanovleniye pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13 marta 2020 goda № 121 «O merakh po protivodeystviyu rasprostraneniyu v Sankt-Peterburge novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 26.05.2020).
8. Postanovleniye pravitel'stva leningradskoy oblasti ot 29 aprelya 2020 g. № 257 «O realizatsii ukazov Prezidenta rossiyskoy federatsii ot 2 aprelya 2020 goda № 239 i ot 28 aprelya 2020 goda № 294» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 27.05.2020).
9. Postanovleniye pravitel'stva leningradskoy oblasti ot 30 aprelya 2020 goda № 263 «Ob obespechenii bezostanovochного tranzita po territorii leningradskoy oblasti» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 27.05.2020).
10. Ukaz Glavy Respubliki Adygeya ot 14.04.2020 № 46 «O dopolnitel'nykh merakh po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 27.05.2020).
11. Ukaz glavy Respubliki Bashkortostan ot 18 marta 2020 goda № UG-111 «O vvedenii rezhima «Povyshennaya gotovnost'» na territorii Respubliki Bashkortostan v svyazi s ugrozoy rasprostraneniya v Respublike Bashkortostan novoy koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 27.05.2020).
12. Postanovleniye kabineta ministrov Respubliki Tatarstan ot 19 marta 2020 goda № 208 «O merakh po predotvrashcheniyu rasprostraneniya v Respublike Tatarstan novoy koronavirusnoy infektsii» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).
13. Ukaz Glavy Respubliki Buryatiya ot 13.03.2020 № 37 «O dopolnitel'nykh merakh po zashchite naseleniya i territorii Respubliki Buryatiya ot chrezvychaynykh situatsiy, svyazannoy s vozniknoveniyem i rasprostraneniym infektsii, vyzvannoy novym tipom koronavirusa (2019-nCoV)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).
14. Ukaz Glavy Respubliki Dagestan ot 18.03.2020 № 17 «O vvedenii rezhima povyshennoy gotovnosti» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).
15. Ukaz glavy Respubliki Ingushetiya ot 17 marta 2020 goda № 49 «O merakh



po snizheniyu riskov zavoza i rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

16. Ukaz glavy Respubliki Kalmykiya ot 27 marta 2020 goda № 88 «O dopolnitel'nykh merakh po preduprezhdeniyu zavoza i rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV) na territorii Respubliki Kalmykiya» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

17. Ukaz Glavy Kabardino-Balkarskoy Respubliki ot 18.03.2020 № 19-UG «O vvedenii na territorii Kabardino-Balkarskoy Respubliki rezhima povyshennoy gotovnosti i prinyatii dopolnitel'nykh mer po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (2019- pSOU)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

18. Rasporyazheniye pravitel'stva Respubliki Altay ot 18 marta 2020 goda № 144-r «O vvedenii rezhima «Povyshennaya gotovnost'» i merakh po protivodeystviyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV) na territorii Respubliki Altay» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

19. Rasporyazheniye pravitel'stva Respubliki Altay ot 21 aprelya 2020 goda № 231-r «O vnesenii izmeneniy v rasporyazheniye Pravitel'stva Respubliki Altay ot 18 marta 2020 goda № 144-r» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

20. Postanovleniye pravitel'stva Respubliki Komi ot 22 aprelya 2020 goda № 194 «O vvedenii na otdel'nykh territoriyakh Respubliki Komi ogranichitel'nykh meropriyatiy (karantina)» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rg.ru> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

21. Ukaz Glavy Respubliki Mordoviya ot 17.03.2020 № 78-UG «O vvedenii na territorii Respubliki Mordoviya rezhima povyshennoy gotovnosti i prinyatii dopolnitel'nykh mer po zashchite naseleniya ot novoy koronavirusnoy infektsii COVID-2019» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 29.05.2020).

22. Ukaz Glavy Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 23.04.2020 № 1134 «O vvedenii ogranichitel'nykh meropriyatiy (karantina) na territorii vakhtovogo poselka OOO «VostSibSpetsMontazh» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 29.05.2020).

23. Ukaz Glavy Chechenskoy Respubliki ot 27.03.2020 № 66 «O neatlozhnykh merakh po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-2019) na territorii Chechenskoy Respubliki» [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 29.05.2020).

ГАЛИЦКОВ Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России. 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66. E-mail: v_galitskov@mail.ru.

GALITSKOV Vladimir, PhD in law, associate Professor of the Department of constitutional law of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 66, Korepina street, Yekaterinburg, 620057. E-mail: v_galitskov@mail.ru.

КРЫСАНОВ Антон Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России. 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66. E-mail: AmK1984@e1.ru

KRYSANOV Anton, Ph.D., assistant professor of constitutional law at the Ural Law Institute of the Russian Interior Ministry. 620057, Yekaterinburg, St. Korepina, 66. E-mail: AmK1984@e1.ru





Очкуренко С. В., Процевский В. А.

СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Ochkurenko S. V., Protsevskiy V. A.

THE METHODS OF APPLICATION OF THE PROVISIONS OF CIVIL LEGISLATION FOR THE REGULATION OF FINANCIAL RELATIONS

В статье проводится исследование способов применения положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений. Указывается, что основными способами применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является субсидиарное правоприменение, в том числе использование в финансовом законодательстве гражданско-правовых понятий и конструкций, а также применение положений гражданского законодательства в результате прямых предписаний, сформулированных в бланкетных финансово-правовых нормах. Не исключено также применение гражданского законодательства к финансовым отношениям в порядке аналогии закона. Субсидиарное правоприменение отличается от аналогии закона отсутствием пробелов в законодательстве, а от бланкетных правовых норм, – отсутствием прямого указания на применение соответствующих положений гражданского законодательства. Основным условием правильного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является четкое разграничение финансовых и гражданских правоотношений. Поэтому перспективы дальнейшего исследования вопросов применения гражданского законодательства к финансовым отношениям автор видит в сфере исследования широкого круга вопросов, связанных с разграничением гражданского и финансового права.

Ключевые слова: гражданское законодательство, субсидиарное применение гражданского законодательства, аналогия закона, гражданско-правовые понятия, финансовые отношения.

The article investigates the ways of applying the provisions of civil legislation to financial relations. It is pointed out that the main ways of applying civil legislation to financial relations are subsidiary application of civil legislation, including the use of civil law concepts and constructions in financial legislation, as well as the application of civil law provisions as a result of direct requirements formulated in blanket norms of financial law. It is also possible to apply civil legislation to financial relations by legal analogy. Subsidiary application of civil legislation differs from the legal analogy in the absence of gaps in the legislation, and from

¹ Данная научная работа была выполнена на основе доклада Очкуренко С.В. на Региональном симпозиуме «Взяточничество и коммерческий подкуп в гражданско-правовых отношениях», проведенном Юридическим институтом ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» и Севастопольским региональным отделением Ассоциации юристов России 27 ноября 2019 года в городе Севастополе.



blanket norms of law, – in the absence of a direct reference to the application of the relevant provisions of civil law. The main condition for the correct application of civil law to financial relations is a clear distinction between civil and financial legal relations. Therefore, the author sees the prospects for further research on the problem of applying civil legislation to financial relations in the field of research of a wide range issues related to the differentiation of civil and financial law.

Keywords: *civil legislation, subsidiary application of civil legislation, legal analogy, civil law concepts, financial relations.*

В качестве предисловия к основному содержанию статьи следует сразу отметить, что по общему правилу гражданское законодательство не регулирует финансовые отношения. Это правило прямо закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее также – ГК РФ). В соответствии с пунктом 3 ст. 2 ГК РФ «к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством». Однако, как следует из содержания указанного положения, законодательством все же могут предусматриваться исключения из рассматриваемого правила. Такие исключения очень распространены ввиду активного межотраслевого взаимодействия гражданского и финансового права. Допуская их, законодатель использует различные способы и приемы применения гражданского законодательства к финансовым отношениям.

Следует также учитывать, что существует объективная и очень тесная взаимосвязь общественных отношений, которые регулируются нормами соответствующих отраслей права, так как движение денег осуществляется преимущественно в гражданско-правовой и финансово-правовой формах, переходя из одной формы в другую. Поэтому вопросы межотраслевого взаимодействия между гражданским и финансовым правом являются одним из наиболее актуальных и дискуссионных направлений современных юридических исследований.

Исследование этих вопросов необходимо не только для решения теоретических задач, связанных с определением соотношения частного и публичного права, но и имеет важное прикладное значение. Суд или другой юрисдикционный орган должен всегда определять конкретную отраслевую принадлежность каждого применяемого положения законодательства, поскольку от этого, как правило, существенно зависит содержание решения по делу.

В то же время в науке все чаще формулируются позиции о невозможности раз-

граничения гражданского и финансового или частного и публичного права [1, с. 45; 2, с. 34; 3, с. 43; 4 с. 15]. Наука должна содействовать практике правоприменения, а не усложнять ее. Одним из условий выполнения этой задачи является научное исследование разнообразных способов межотраслевого взаимодействия, что необходимо для юридической практики и обосновывает актуальность темы статьи.

Хотя проблема применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям специально не исследовалась, все же определенная методологическая почва для такого исследования юридической наукой создана работами ученых в сфере теории права (в частности, С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, А.И. Абрамова, В.Н. Карташов, О.Ф. Скакун) и гражданского права (М.Н. Бару, Е.О. Харитонов и др.).

Целью настоящей статьи является исследование отдельных способов применения положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений и формулирование на этой основе научно обоснованных положений, которые могли бы быть использованы при осуществлении правоприменения и учете в правотворческой деятельности.

Если исходить из того, что право и правоотношения являются надстройкой над экономическими и другими базисными отношениями, то финансовое право и финансовые правоотношения выступают надстройкой второго уровня. Фактические финансовые отношения являются надстройкой над экономическими и другими отношениями, а право, регулирующее эти отношения, и правоотношения, которые возникают в результате такого регулирования, являются надстройкой второго уровня. Указанное утверждение не опровергается тем обстоятельством, что фактические финансовые отношения не могут существовать иначе, как в форме финансовых правоотношений [5, с. 8], поскольку неразрывность фактических финансовых отношений и финансовых правоотношений совсем не означает, что первые как данность вообще не существуют.

Сущность финансового права как над-



стройки второго уровня предопределяет его тесные связи с отраслями права, которые регулируют базисные отношения, и, прежде всего, с гражданским правом. Это объективно обуславливает использование положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений, применение этих положений к финансовым отношениям. Правила, которые установлены актами гражданского законодательства, могут регулировать финансовые отношения и применяться к ним субсидиарно.

Проблема субсидиарного праворегулирования и правоприменения давно замечена в юридической науке. К ней обращались М.Н. Бару, В.Н. Карташов, С.В. Поленина, В.О. Белоносов, А.И. Абрамова, Е.И. Спектор, В.В. Лазарев и другие ученые. Однако однозначного понимания понятия субсидиарного правоприменения никогда не существовало. Наипытнейшие ученые допускали досадные ошибки, обращаясь к этой теме. Так О.Ф. Скакун, характеризуя названное понятие, дважды в небольшом по размеру тексте указывает на возможность или невозможность субсидиарного применения гражданского права «к нормам» трудового, семейного, экологического права [6, с. 647]. Но положения законодательства субсидиарно применяются не «к нормам», а к общественным отношениям, правовое содержание которых неполно определено нормами основной отрасли права. При этом О.Ф. Скакун пишет: «Субсидиарное применение возможно только к нормам, которые включены как дополнительные к законодательным актам о семейных, трудовых и некоторых других отношениях... к нормам собственно трудового, семейного, экологического права общие положения гражданского права в порядке субсидиарности применяться не могут» [6, с. 647]. Это последнее утверждение указывает на такие ограничения субсидиарного применения норм гражданского права, которые в законодательстве не указываются²

В.В. Лазарев, который на протяжении длительного времени осуществлял исследование теоретико-правовых аспектов проблем применения права и пробле-

лов в праве, вслед за В.Н. Карташовым обозначает субсидиарное правоприменение как межотраслевую аналогию [7, с. 179]. Такое понимание субсидиарного правоприменения сохраняется до настоящего времени. Так, в учебнике, который был издан в 2011 году, О.Ф. Скакун определяет субсидиарное применение норм права как «решение дела или отдельного юридического вопроса при отсутствии норм в определенной отрасли права... при помощи дополнительного использования норм другой родственной отрасли права (межотраслевая аналогия)» [8, с. 429-430]. М.Н. Бару [9, с. 17], В.Н. Карташов [10, с. 30] признавали возможность субсидиарного правоприменения при отсутствии пробелов в законодательстве, но они также писали о преодолении пробелов в законодательстве с помощью субсидиарного правоприменения.

Между тем, субсидиарное правоприменение и аналогия закона – это разные понятия и правовые конструкции. Аналогия закона – это способ заполнения существующих в законодательстве пробелов на стадии правоприменения. При этом п. 1 ст. 6 ГК РФ указывает на возможность применения гражданского законодательства по аналогии только к отношениям, предусмотренным пунктами 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса, то есть к отношениям, входящим в предмет регулирования гражданского законодательства. Таким образом, ГК РФ не предусматривает межотраслевой аналогии, в то время как п. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ, п. 6 ст. 15 Кодекса административного судопроизводства РФ и п. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ не исключают межотраслевой аналогии (имеется в виду, что термин «сходные отношения» как условие применения аналогии закона может толковаться и так, что подобными могут быть и отношения, входящие в предмет разных отраслей права). Субсидиарное правоприменение прописывается законодателем, который при урегулировании отношений, являющихся предметом определенной отрасли права, имеет возможность выбора: сформулировать в законе новые специальные положения, принадлежащие к этой отрасли, или урегулировать эти же отношения, допуская частичное применение положений законодательства другой отрасли. И в первом, и во втором случае пробелов в законодательстве нет, что не дает возможности вести речь об использовании аналогии закона. Относительно случаев, когда в законодательном акте содержится указание о возможности применении

² Имеется в виду как законодательство Российской Федерации, так и законодательство Украины, на основе которого преимущественно вела свои исследования О.Ф. Скакун до 2014 года, в частности, положение ч.1 ст. 9 ГК Украины, согласно которому положения Гражданского кодекса применяются для урегулирования отношений в сферах хозяйствования, использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, а также к трудовым и семейным отношениям, если они не урегулированы другими актами законодательства.





положений, которые распространяются на одни отношения, к другим отношениям, Е.О. Харитонов применяет термин «легальная аналогия». При этом он правильно указывает на то, что «легальная аналогия» не направлена на преодоление пробелов [11, с. 79-80]. Но термин «легальная аналогия» содержит в себе внутреннее противоречие, ибо аналогия предусматривает наличие пробелов, а легальное определение правовых норм, подлежащих дополнительному применению, исключает наличие пробелов.

Как уже указывалось, в соответствии с пунктом 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Это существенное ограничение subsidiарного применения положений гражданского законодательства, которое распространяется практически на все финансовые отношения и, которое, безусловно, подлежит исполнению органами правоприменения. Вместе с тем, оно не исключает такого subsidiарного применения. Пункт 3 ст. 2 ГК РФ формулирует общее правило, которое действует, «если иное не установлено законом». Причем, по нашему мнению, иное может быть установлено законом не только в случаях прямой ссылки на гражданское законодательство, но и в тех случаях, когда законодатель в финансово-правовых целях прямо использует категории и конструкции гражданского законодательства без отдельного урегулирования их содержания актами финансового законодательства. Например, режим налогообложения конкретного субъекта всегда зависит от его гражданско-правового статуса и того, какие сделки он использует в своей деятельности. С другой стороны, нецелесообразно и вряд ли возможно полностью продублировать в тексте Налогового кодекса все гражданско-правовые термины и положения, которые могут повлиять на режим налогообложения.

Пунктом 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». Посколь-

ку значение терминов раскрывается не только в определениях соответствующих понятий, а и в законодательных положениях, устанавливающих правовые нормы, п. 1 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации следует толковать как предписание subsidiарного применения к налоговым отношениям, в частности, норм гражданского права.

Бюджетный кодекс РФ прямо не устанавливает подобного положения. Но это, на наш взгляд, не влечет невозможность subsidiарного применения к бюджетным отношениям положений гражданского законодательства, если в Бюджетном кодексе прямо употребляется соответствующее гражданско-правовое понятие. Так, когда в статье Бюджетного кодекса, которая закрепляет норму бюджетного (финансового) права, используется понятие юридического лица, то это означает возможность применения к соответствующим бюджетным (финансовым) отношениям положений гражданского законодательства, определяющих признаки юридических лиц. При ином толковании мы должны будем прийти к выводу, что предписание Бюджетного кодекса, адресованные юридическим лицам, не подлежат применению, поскольку бюджетное законодательство не содержит необходимого набора признаков, позволяющих идентифицировать субъекта как юридическое лицо. Таким образом, считаем, что прямое использование в финансовом законодательстве понятий, терминов или конструкций, сформулированных исключительно гражданским законодательством, означает установление законом исключения из правила п. 3 ст. 2 ГК РФ о запрете использования гражданского законодательства к финансовым правоотношениям. Вместе с тем, учитывая масштабы использования гражданско-правовых конструкций в публично-правовых отношениях, и во избежание разных подходов в практике правоприменения, вышеуказанную формулировку п. 3 ст. 2 ГК РФ: «если иное не предусмотрено законодательством» целесообразно изложить в редакции: «если иное не установлено или не следует из содержания положений законодательства».

Одной из наиболее существенных особенностей subsidiарного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является то, что оно не изменяет отраслевую принадлежность финансовых правоотношений. Так, если в формулировке Бюджетного кодекса РФ используются слова «юридическое лицо», то возникшие в результате ее действия

правоотношения остаются бюджетными (финансовыми), хотя и предполагают дополнительное использование цивилистического нормативного материала. Из этого следует, что к таким отношениям также подлежат применению принципы и общие нормы именно бюджетного (финансового), а не гражданского законодательства.

Аналогичная ситуация возникает в тех случаях, когда при формулировании норм финансового права законодатель использует термины «солидарная обязанность» или «солидарная ответственность». М.В. Карасева (Сенцова) сделала вывод о том, что институт солидарных должников в налоговом праве является комплексным, гражданско-налоговым, а само явление использования гражданско-правовых институтов в сфере налогообложения квалифицирует как гражданско-правовую детерминацию налогового правотворчества и налогового правоприменения [12, с. 21-22]. Можно было бы согласиться с утверждением о том, что в налоговом законодательстве существует комплексный институт солидарных должников, в состав которого входят положения налогового и гражданского законодательства, устанавливающие финансово-правовые нормы, которые регулируют налоговые (финансовые) отношения. Признание такого комплексного института может быть конструктивным, по меньшей мере, для учебных целей: при изучении дисциплин, соответствующих отраслям права, всегда целесообразно на конкретных примерах показывать межотраслевые связи между правовыми положениями и их группами. Но М.В. Карасева ведет речь о комплексном гражданско-налоговом институте солидарных должников «в налоговом праве». Существование межотраслевых институтов внутри налогового права вообще исключается. Ошибка М.В. Карасевой обусловлена как раз той квалификацией, которую она дает применению положений гражданского законодательства к налоговым (финансовым) правоотношениям. В определенном аспекте тут действительно, как это утверждает М.В. Карасева, имеет место детерминация, если признавать такую ее разновидность как детерминация телеологическая. Но использование этой философской категории в данном случае лишено конструктивного характера, так как только вуалирует суть вещей и подталкивает к выводам, не соответствующим этой сущности. Наоборот, квалификация применения к налоговым солидарным обязательствам (налоговой солидарной ответственности) положений гражданского законодательства как субсиди-

арного правоприменения открывает возможность для выводов, которые соответствуют логике связей между соответствующими правовыми явлениями и которые заключаются в следующем: 1) положения гражданского законодательства применяются к налоговым отношениям в части, не урегулированной положениями налогового (финансового) законодательства; 2) субсидиарное применение положений гражданского законодательства к налоговым отношениям ни в коей мере не изменяет отраслевую принадлежность налоговых правоотношений. Они остаются налоговыми, финансовыми, публичными; 3) положения гражданского законодательства, которые субсидиарно применяются к налоговым отношениям, только по своему информационному содержанию остаются гражданскими. По своей правовой форме они становятся налоговыми, финансовыми, публичными.

От случаев субсидиарного применения гражданско-правовых понятий и конструкций в финансовом законодательстве следует отличать случаи, когда законодатель, используя такие понятия и конструкции, осуществляет их рецепцию в финансовое законодательство и в финансовое право, то есть преобразует соответствующие понятия и конструкции, придает им специальное значение с целью приспособления для регулирования финансовых отношений. Например, в бюджетном законодательстве широко применяется понятие денежного обязательства, установленное абзацем 24 ст. 6 БК РФ, согласно которому «денежные обязательства – обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения». Здесь понятие денежного обязательства приобретает комплексное правовое содержание, но все еще тяготеет к его первоначальному гражданско-правовому значению. В отличие от денежного обязательства, преимущественно публично-правовое значение имеет понятие расходных обязательств, которое определяется абзацем 20 ст. 6 БК РФ как обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации,





муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета. Сугубо финансово-правовое содержание приобретает понятие публичных обязательств, под которыми понимаются обусловленные законом, иным нормативным правовым актом расходные обязательства публично-правового образования перед физическим или юридическим лицом, иным публично-правовым образованием, подлежащие исполнению в установленном соответствующим законом, иным нормативным правовым актом размере или имеющие установленный указанным законом, актом порядок его определения (расчета, индексации) (абз. 22 ст. 6 БК РФ). Это понятие уже никак содержательно не связано с терминологически близкой конструкцией публичного договора, которая регулируется ст. 426 ГК РФ.

Оригинальная правовая конструкция установлена п. 4 ст. 93-4 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Речь идет об исковой давности сроком пять лет, которая устанавливается по требованиям Российской Федерации относительно возврата бюджетных средств. Но эти требования, как и правоотношения, в содержание которых они входят, имеют разную правовую природу. Статья 93-2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, устанавливающая предоставление бюджетных кредитов публично-правовым образованиям и юридическим лицам, предусматривает их предоставление в гражданско-правовой форме, а из статьи 93-3 Бюджетного кодекса, предусматривающей предоставление межбюджетных кредитов, следует, что такие кредиты предоставляются в публично-правовой форме. И первые (гражданские), и вторые (финансово-правовые) отношения в ст. 93-4 БК РФ именуются обязательствами перед Российской Федерацией. К обоим этим случаям обязательств применяются положения, установленные Гражданским кодексом Российской Федерации относительно исковой давности. Но к гражданским обязательствам, предусмотренным ст. 93-2 Бюджетного кодекса, указанные правовые положения применяются прямо, а к финансовым обязательствам – субсидиарно. Последнее не означает возникновения публично-частных отношений, так как финансовые (публичные) правоотношения вследствие применения к ним положений гражданского законода-

тельства не утрачивают своего публично-го характера, а положения гражданского законодательства об исковой давности вследствие такого правоприменения приобретают характер публично-правовых норм.

От субсидиарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям нужно отличать случаи, когда законодатель в акте финансового законодательства формулирует бланкетную норму, которая предписывает применять к финансовым отношениям положения гражданского законодательства. При этом в содержании финансово-правового отношения может не появляться ничего гражданско-правового. В таких случаях положение гражданского законодательства, которое наполняет содержанием бланкетную финансово-правовую норму, также теряет гражданско-правовой характер применительно к таким отношениям. Применяется не гражданско-правовая норма, а бланкетная финансово-правовая норма с информационным содержанием, взятым из положения гражданского законодательства. Так, согласно подпункту 3 пункта 3 ст. 44 НК РФ «задолженность по налогам, указанным в пункте 3 статьи 14 и пунктах 1 и 2 статьи 15 НК РФ, умершего лица либо лица, объявленного умершим, погашается наследниками в пределах стоимости наследственного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя». Здесь формулируется налогово-правовая норма. И любого другого юридического содержания в цитированном законодательном положении нет. Но налоговое законодательство не устанавливает порядка погашения наследниками задолженности по налогам умершего лица либо лица, объявленного умершим. Поэтому подпункт 3 пункта 3 ст. 44 НК РФ формулирует бланкетную норму, которая предусматривает применение порядка, установленного гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя. На основании указанного законодательного положения к налоговому правоотношению прямо (а не субсидиарно) применяется ст. 1175 ГК РФ. При этом наследники погашают не долги перед третьими лицами, а выполняют обязанность по уплате налогов со всеми юридическими налогово-правовыми последствиями надлежащего или ненадлежащего исполнения этой обязанности. Поэтому в указанном случае порядок, предусмотренный ст.

1175 ГК РФ, утрачивает гражданско-правовое содержание и становится одной из налоговых процедур, выполнение которой прекращает обязанность по уплате налога. Законодатель мог бы текстуально перенести ее в Налоговый кодекс, но не сделал это исключительно с целью более лаконичного изложения нормативного материала.

В других случаях в актах финансового законодательства указывается на регулирование гражданским законодательством определенных гражданских отношений, связанных с финансовыми отношениями. Такое указание означает не формулирование бланкетной финансово-правовой нормы, а определение отраслевой принадлежности соответствующих отношений. Например, п. 7 ст. 73 и п. 6 ст. 74 НК РФ прямо предусматривают применение гражданского законодательства к отношениям поручительства как к способам обеспечения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах.

В научной литературе высказываются разные позиции по поводу отраслевой принадлежности налогового поручительства. Д.А. Гетманцев отрицает гражданско-правовой характер этой правовой конструкции [4, с. 14]. Это его утверждение базируется на разграничении публичного и частного права по критерию метода правового регулирования. Публичное право использует императивный метод, а гражданское – диспозитивный метод, который описывается им как право сторон договора отступить от положений законодательства. Но и императивных норм в гражданском праве множество. Поэтому используемый Д.А. Гетманцевым критерий разграничения публичных и частных отношений не является универсальным для всех случаев отраслевой квалификации нормативных положений.

М.В. Карасева (Сенцова) утверждает, что правовой режим поручительства в сфере налогообложения является равнозначным таковому в гражданском праве, что эта правовая конструкция «работает» за пределами налогового правоотношения, а поэтому должна сохранять свою гражданско-правовую оригинальность [12, с. 21-22]. С этим утверждением следует согласиться, заметив, что автоматическое применение норм гражданского права о поручительстве к отношениям по обеспечению исполнения налоговой обязанности является невозможным, поскольку гражданское законодательство

предусматривает, что поручительством обеспечивается выполнение гражданских обязательств. Поэтому совершенно необходимым является общее указание в налоговом законодательстве на возможность применения поручительства с целью обеспечения выполнения обязанности по уплате налогов и сборов. Поручитель добровольно вступает в гражданское правоотношение с налоговым органом и в пределах этого правоотношения принимает на себя обязанности и ответственность, которые несет плательщик налога в обеспеченном поручительством налоговом правоотношении. Отсюда правоотношение по налоговому поручительству сохраняет свою гражданско-правовую природу, хотя содержание, объем прав, обязанностей и ответственности поручителя определяется, исходя из закона, объема обязанностей и ответственности налогоплательщика в налоговом правоотношении.

Сравнение Налогового кодекса РФ и Налогового кодекса Украины показывает, что публичный элемент в отношениях по обеспечению исполнения обязанности по уплате налогов и сборов в законодательстве Украины выражен более ярко. Так, Налоговый кодекс Украины в отличие от Налогового кодекса Российской Федерации не предусматривает заключения договора налогового залога, а основанием его возникновения устанавливает юридические факты налогово-правового характера. Но ярко выраженные публично-правовые элементы в положениях Налогового кодекса Украины по залому не превращают налоговый залог в финансово-правовое явление. По своей сути оно остается явлением гражданско-правовым. Эта сущность выражается в праве залогодержателя при соответствующих условиях получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (ст. 334 ГК РФ). Преимущественное право залогодержателя перед другими лицами – это право на вещь, которое не может быть иным, нежели гражданским правом.

Если залогодателем является третье лицо, которое может быть обозначено как имущественный поручитель, то вещно-правовая составляющая залога также сохраняет свою гражданско-правовую природу. Поскольку такое правоотношение возникает на основании договора между субъектами, которые не подчинены один другому, оно должно квалифицироваться как гражданское. Этот вывод ставится





под сомнение статьей 125 Налогового кодекса Российской Федерации, которая устанавливает штраф за несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, относительно которого налоговым органом осуществлены обеспечительные меры в виде залога. При этом названная статья не содержит никакого указания на субъекта названного правоотношения. Следовательно, таковым может быть любой залогодатель, в том числе и имущественный поручитель. Таким образом, действующий Налоговый кодекс Российской Федерации за нарушение имущественным поручителем гражданско-правовых обязанностей устанавливает налогово-правовые санкции. Здесь нет теоретической чистоты. Но законодатель не лишен права отступить от теоретических постулатов для достижения цели, которую он оценивает как цель, ради которой можно пойти на отступление от теоретических схем. Что касается перспектив совершенствования законодательства, то они могут заключаться в установлении императивного требования о включении в договор налогового залога обязательного условия об ответственности залогодателя – имущественного поручителя за нарушение обязательства налогового залога в том же размере, в котором отвечает залогодатель – плательщик налога.

Нет необходимости в субсидиарном правоприменении в случаях осуществления государственных займов и предоставления кредитов за счет бюджетных средств, поскольку на такие отношения положения гражданского законодательства распространяются прямо. Утверждение о том, что такие отношения регулируются финансовым правом [13, с. 12], игнорируют то обстоятельство, что в такие отношения соответствующие субъекты вступают на основе вольного волеизъявления.

Финансовое право регулирует лишь те отношения, в пределах которых возникают финансово-правовые предпосылки для соответствующих сделок, связанные с принятием решения об осуществлении государственных займов. Но необходимость этих предпосылок не способна исключить гражданский характер правоотношений, о которых идет речь, как и государственный заказ, определенный соответствующим публично-правовым актом, не влияет на гражданско-правовой характер гражданских обязательств, возникающих на основании договоров, которые заключаются в соответствии с государственным заказом.

Таким образом, актами финансового законодательства предусмотрено заключение целого ряда гражданско-правовых договоров, а также возможность осуществления односторонних сделок, на основании которых возникают гражданские правоотношения, к которым прямо, а не субсидиарно применяются нормы гражданского законодательства, а также положения финансового законодательства, закрепляющие нормы гражданского права.

Финансовое законодательство предусматривает и заключение сугубо публичных договоров. Например, сугубо финансово-правовыми являются договора о предоставлении субсидий, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ, или договор о предоставлении инвестиционного налогового кредита, предусмотренный Налоговым кодексом РФ. Договорная форма здесь не изменяет сугубо финансового (бюджетного или налогового) характера правоотношений. Поэтому, следует согласиться с позициями А.А. Рябова [14, с. 59-63] и Д.А. Гетманцева [4, с. 14] о том, что на такие виды договоров не распространяются общие положения об обязательствах и о действительности сделок. Однако, к возникающим отношениям возможно применение соответствующих положений ГК РФ по аналогии.

Таким образом, основными способами применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является субсидиарное правоприменение, в том числе использование в финансовом законодательстве гражданско-правовых понятий и конструкций, а также применение положений гражданского законодательства в результате прямых предписаний, сформулированных в бланкетных финансово-правовых нормах. Не исключено также применение гражданского законодательства к финансовым отношениям в порядке аналогии закона. Субсидиарное правоприменение отличается от аналогии закона отсутствием пробелов в законодательстве, а от бланкетных правовых норм отсутствием прямого указания на применение соответствующих положений гражданского законодательства. Кроме того бланкетная правовая норма может указывать и на регулирование соответствующих отношений гражданским правом, а субсидиарное правоприменение не предполагает изменения отраслевой принадлежности отношений, а предусматривает лишь необходимость вспомогательного использования гражданского законодательства для уточнения динамики или содержания финансовых

правоотношений. При этом основным условием правильного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является четкое разграничение финансовых и гражданских правоотношений. Поэтому дальнейшие исследования проблем применения норм гражданского права к финансовым отно-

шениям должны вестись наряду с исследованием проблемы разграничения отношений, которые регулируются гражданским правом, с одной стороны, и отношений, которые регулируются финансовым правом, с другой стороны, а также исследованием разграничения норм гражданского и финансового права.

Литература

1. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект М.: Волтерс Клувер, 2008. 136 с.
2. Толстой Ю. К., Бошно С. В. О преподавании права на современном этапе // Право и современные государства. 2017. № 5. С. 31-42.
3. Толстой Ю. К. О преподавании гражданского права на современном этапе / Преподавание гражданского права в современных условиях: Сборник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. С. 42-48.
4. Гетманцев, Д. О. До питання про предмет і метод фінансового права // Фінансове право. 2008. № 2. С. 13-16.
5. Воронова Л.К. Наука фінансового права та її сучасні завдання // Фінансове право. 2007. № 1 С. 5-9.
6. Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс) Харьков: Эспада, 2005. 840 с.
7. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения М.: Юрид. литература, 1974. 184 с.
8. Скакун О.Ф. Теорія права і держави: Підручник. К.: Правова єдність, 2011. 520 с.
9. Бару М.Н. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 14. С. 16-18.
10. Карташов В.Н. Применение права: Учебное пособие /В.Н. Карташов – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1980. – 74 с.
11. Харитонов Е.О. Нариси теорії цивілістики (поняття та концепти): Монографія. Одесса: Феникс, 2008. 464 с.
12. Карасева (Сенцова) М.В. Гражданско-правовая детерминация налогового протворчества и правоприменения // Финансовое право. 2012. № 4. С. 21-26.
13. Худяков А.И. К вопросу о содержании некоторых финансово-правовых категорий // Финансовое право. 2010. № 2. С. 10-13.
14. Рябов А.А. Институт недействительности сделок и финансово-правовые договоры // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 10. С. 59 - 63.

References

1. Dorokhin S. V. Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Division of the law into public and private: constitutional law aspect]. Moscow, 2008. 136 p.
2. Tolstoy Yu. K., Boshno S. V. O prepodavanii prava na sovremennom etape [On the teaching of civil law at the present stage] // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2017. № 5. pp. 31-42.
3. Tolstoy Yu. K. O prepodavanii grazhdanskogo prava na sovremennom etape [On the teaching of civil law at the present stage]. Prepodavanie grazhdanskogo prava v sovremennykh usloviyakh: Sbornik. [The teaching of civil law in modern conditions: Collection]. Saint-Petersburg, 1999, pp. 42-48.
4. Getmantsev D. O. Do pitannya pro predmet i metod finansovogo prava [On the subject and method of financial law]. Finansove pravo. 2008, № 2, pp. 13-16.
5. Voronova L.K. Nauka finansovogo prava ta i'i' suchasni zavdannja [Science of Financial law and its modern problems] // Finansove pravo. 2007. № 1. pp. 5-9.
6. Skakun O.F. Teoriya gosudarstva i prava (entsiklopedicheskiy kurs) [Theory of State and Law (encyclopaedic course)] Khar'kov: Espada, 2005. 840 p.
7. Lazarev V.V. Probely v prave i puti ikh ustraneniya [Gaps in the law and how to overcome them] Moscow: Yurid. literatura, 1974. 184 p.
8. Skakun O.F. Teoriya prava i derzhavi: Pidruchnik. [Theory of Law and State: Tutorial] Kiev: Pravova ed-nist', 2011. 520 p.
9. Baru M.N. O subsidiarnom primenenii norm grazhdanskogo prava k trudovym pravootnosheniyam [On the subsidiary application of the rules of civil law to labour law] // Sovetskaya yustitsiya. 1963. № 14. P. 16-18.
10. Kartashov V.N. Primenenie prava: Uchebnoe posobie [Application of the law: Tutorial] Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet, 1980. – 74 p.
11. Harytonov Je.O. Narysy teorii' cyvilistyky (ponjattja ta koncepty): Monografija. [Essays on the theory of civil law (terms and concepts): Monograph] Odessa: Fenyks, 2008. 464 p.
12. Karaseva (Sentsova) M.V. Grazhdansko-pravovaya determinatsiya nalo-govogo



pravotvorchestva i pravoprimeneniya [Civil legal determination of the tax law-making and law enforcement] // *Finansovoe pravo*. 2012. № 4. pp. 21-26.

13. Khudyakov A.I. K voprosu o sodержanii nekotorykh finansovo-pravovykh kategoriy [On the question of the content of some financial legal categories] // *Finansovoe pravo*. 2010. № 2. pp. 10-13.

14. Ryabov A.A. Institut nedeystvitel'nosti sdelok i finansovo-pravovye dogovory [Institute for the Invalidity of Transactions and Financial Legal Agreements] // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2015. N 10. pp. 59 - 63.

ОЧКУРЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Финансовое и налоговое право» Юридического института, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

ПРОЦЕВСКИЙ Виктор Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

OCHKURENKO Sergei, Doctor of Juridical Science, Head of Department «Financial and Tax Law» of Law Institute, Sevastopol State University, 299053, Russian Federation, Sevastopol, Universitetskaya str., 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

PROTSEVSKIY Viktor, Doctor of Juridical Science, Professor of Department «Civil Law and Process» of Law Institute, Sevastopol State University, 299053, Russian Federation, Sevastopol, Universitetskaya str., 33.



Яковлев А. Ю.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Yakovlev A. Y.

LEGAL SUPPORT OF CORPORATE GOVERNANCE IN JOINT-STOCK COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION

В настоящей работе автор исследует систему нормативных правовых актов, регулирующих вопросы корпоративного управления в акционерных обществах с участием Российской Федерации и субъектов федерации. Автор выстраивает структуру внешних (кодексы, федеральные законы, указы и распоряжения Президента России, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы органов исполнительной власти и др.) и внутренних актов (устав организации, положения и т.п.). Выделены отличия в правовом обеспечении корпоративного управления в государственных акционерных обществах по сравнению с частными.

Ключевые слова: корпоративное право, правовое обеспечение корпоративного управления, акционерное общество, государственное акционерное общество, акционерное общество с участием государства.

In this work the author explores the system of legal acts regulating corporate governance issues in joint-stock companies with the participation of the Russian Federation and subjects of the federation. The author builds the structure of external (codes, federal laws, decrees and orders of the President of Russia, decrees and orders of the Government of the Russian Federation, orders of state executive bodies, etc.) and internal acts (organization charter, regulations, etc.). Differences in legal support of corporate governance in state joint-stock companies in comparison with private ones are highlighted in the paper.

Keywords: corporate law, legal support of corporate governance, joint-stock company, state joint-stock company, joint-stock company with state participation.

Российское законодательство и гражданское, в частности, обладает высоким динамизмом. Довольно часто в различные законодательные и подзаконные акты вносятся существенные изменения. В особенности это получило распространение в тех областях, где представлено государство. Справедливо данное утверждение и для сферы корпоративного управления акционерными обществами с государственным участием. Некоторые области, такие, например, как государственные закупки [1], крайне регламентированы.

Прежде всего, обрисуем вопросы, регулируемые правовыми актами в области корпоративного управления. Основные из них:

1) права акционеров (в частности, их особенности в зависимости от категорий акций, если таковое разделение имеется);

2) комплекс вопросов, посвященный органам управления и контроля общества:

- перечень;
- порядок их формирования;
- компетенция;
- права и обязанности членов органов управления и контроля;
- количественный состав;
- организация их работы (созыв заседаний, предоставление материалов, голосование, определение кворума, оформление решений, учет особых мнений и др.);





- порядок их взаимодействия;
- вознаграждения и компенсации;
- ответственность;
- 3) построение оптимальной организационной структуры;
- 4) формирование корпоративной культуры;
- 5) создание комфортных условий труда и мотивации сотрудников общества;
- 6) планирование деятельности (принятие стратегии, программ развития, бюджетов и иных документов);
- 7) формирование позитивного имиджа (особенно важно для публичных акционерных обществ);
- 8) организация эффективной системы контроля (включает как внутренние органы в лице ревизионной комиссии, подразделений внутреннего аудита и контроля, так и привлечение внешнего независимого аудитора);
- 9) управление рисками;
- 10) распределение прибыли и дивидендная политика.

Как можно заметить, перечень вопросов достаточно широкий, что требует скрупулезного подхода и постоянного внимания со стороны органов управления общества.

Рассмотрим из чего складывается система нормативных правовых актов, регулирующих корпоративное управление в государственных акционерных обществах.

Все акты можно разделить на общие (посвящены или затрагивают вопросы корпоративного управления в акционерных обществах вне зависимости от структуры собственности) и специальные (касаются только отдельных акционерных обществ, в нашем случае, с государственным участием).

Если говорить об общих (универсальных) актах, то основные из них - Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

При приведении актов по уменьшению их юридической силы получим следующую картину:

- кодексы;
- федеральные законы;
- указы и распоряжения Президента России;
- постановления и распоряжения Правительства РФ;
- акты федеральных органов исполнительной власти;
- законы субъектов федерации;
- акты главы региона;
- акты регионального правительства;
- акты органов исполнительной власти субъекта РФ;

– распоряжения об условиях приватизации;

- директивы;
- внутренние акты.

Стоит отметить, что не только в акционерных обществах с государственным участием естественно имеются внутренние акты. Однако из перечисленных выше, в основном, подзаконные акты как Российской Федерации, так и субъектов федерации чаще регулируют деятельность именно государственных акционерных обществ. Более того, в правовом поле России представлено значительное число нормативных правовых актов различной силы, посвященных именно им. Например, Федеральный закон 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», постановление Правительства РФ от 03.12.2004 №738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями...», закон Московской области от 04.03.2011 №22/2011-ОЗ «Об управлении находящимися в собственности Московской области акциями...», постановление правительства Москвы от 03.07.2007 №576-ПП «О порядке взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы при реализации прав акционера...»).

Помимо деления на общие и специальные, акты в сфере корпоративного управления можно разделить на обязательные и факультативные.

К обязательным относятся кодексы, законы и подзаконные акты. Факультативными являются документы, которые не имеют обязательной юридической силы, но их выполнение предпочтительно.

К факультативным можно отнести:

- Кодекс корпоративного управления;
- требования бирж (для акционерных обществ, акции которых планируется вывести или уже представлены на бирже);
- методические рекомендации органов власти (для государственных акционерных обществ).

Самым ярким примером факультативного акта Кодекс корпоративного управления, рекомендованный Банком России. Документ хоть и достаточно активно продвигается в стране, но его требования не носят обязательного характера.

Если за невыполнение норм Кодекса корпоративного управления санкции не предусмотрены, то игнорирование требований биржи (они отличаются в зависимости от биржи) может привести к прекращению продажи акций на соответствующей бирже. Следствием оставления без внимания методических рекомендаций

органа власти – организационные выводы в отношении членов органов управления и контроля и последующее их не включение в следующие составы.

Подводя итогу, можно констатировать, что правовых актов, регулирующих корпоративное управление в акционер-

ных обществах с государственным участием значительно больше, чем в частных. Это представляет одну из особенностей государственных хозяйственных обществ [2; 3] и ведет к их зарегулированности, снижая мобильность принятия решений.

Литература

1. Осипов В.С., Смотрицкая И.И. Институт государственных и муниципальных закупок в российской экономике // Государственная служба и кадры. - 2016. - № 2. - С. 165-169.
2. Яковлев А.Ю. Конституционно-правовые основы и эволюция хозяйственных обществ с участием Российской Федерации // Проблемы права, 2019, №4. – С. 28-31.
3. Яковлев А.Ю. Конституционно-правовой базис, развитие и текущее положение с акционерной собственностью субъектов Российской Федерации // Проблемы права, 2019, №5. – С. 129-131.

References

1. Osipov V.S., Smotritskaya I.I. Institut gosudarstvennykh i munitsipalnykh zakupok v rossiyskoy ekonomike // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. - 2016. - № 2. - P. 165-169.
2. Yakovlev A.Y. Konstitutsionno-pravovyye osnovy i evolyutsiya khozyaystvennykh obshchestv s uchastiyem Rossiyskoy Federatsii // Problemy prava. - 2019. - №4. - P. 28-31.
3. Yakovlev A.Y. Konstitutsionno-pravovoy bazis, razvitiye i tekushcheye polozheniye s aktsionernoy sobstvennostyu subyektov Rossiyskoy Federatsii // Problemy prava. - 2019. - №4. - P. 129-131.

Яковлев Александр Юрьевич, доктор политических наук, профессор Государственного университета управления, профессор Дипломатической академии МИД России. 109542, г. Москва, Рязанский просп., д. 99. E-mail: kafedragimu@ro.ru.

Yakovlev Alexander Y., Doctor of Political Science, professor of State University of Management, professor of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 99, Ryazanskiy prosp., Moscow, 109542. E-mail: kafedragimu@ro.ru.





Кунц Е. В.

ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ АСПЕКТЫ

Kunts E. V.

TEENAGE CRIME: CRIMINOLOGICAL AND PENITENTIARY ASPECTS

Сложность социально-психологических процессов, общая нестабильность, нравственный кризис общества – все это отрицательно влияет на общество в целом, в том числе на подростков. Неблагополучие семей, асоциальное поведение родителей, отсутствие контроля за детьми приводит к совершению подростками преступлений. Отмечается рост школьной преступности, как среди несовершеннолетних лиц женского, так и мужского пола. Вышеуказанные обстоятельства обозначают существование проблемы профилактики подростковой преступности, включая и в пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: подростковая преступность, пенитенциарные учреждения, криминальная субкультура, кризис, профилактика, предупреждение.

The complexity of socio-psychological processes, general instability, and the moral crisis of society – all this negatively affects society as a whole, including adolescents. Family woes, parents' asocial behavior, and lack of control over children lead to crimes committed by adolescents. There has been an increase in school crime among both female and male minors. The above circumstances indicate the existence of the problem of prevention of juvenile delinquency, including in prisons.

Keywords: juvenile delinquency, penitentiary institutions, criminal subculture, crisis, prevention, prevention.

76

Уголовно-правовая
доктрина



В развитии каждой личности присутствует подростковый возраст. В этот период человек меняется не только физически, но и психологически, отмечается влияние различных факторов, которые могут оказать как позитивное, так и отрицательное воздействие. Несмотря на снижение общего количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (с 40 860 в 2018 г. до 37 953 в 2019 г.) [1], качественные характеристики подростковой преступности не позволяют говорить о благополучии в данной сфере.

На протяжении последних лет в Российской Федерации отмечается увеличение числа особо тяжких преступлений,

совершенных лицами, не достигшими 18-летнего возраста или при их участии, а также увеличение количества тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними; появление новых форм и видов преступлений подростков, в том числе массовых убийств ими своих сверстников, совершаемых с применением огнестрельного, пневматического и холодного оружия, взрывчатых веществ, а также преступлений, совершаемых с использованием новых информационных технологий и средств связи; высокий удельный вес несовершеннолетних преступников, ранее совершавших преступления; увеличение масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления новых

психоактивных веществ несовершеннолетними, в том числе лекарственных препаратов, обладающих психоактивным действием; высокая доля несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения; распространение среди несовершеннолетних криминальной и пени-тенциарной субкультуры.

За период научной деятельности приходилось побывать во многих пени-тенциарных учреждениях Челябинской области, в том числе, в которых содержатся несовершеннолетние преступники. Как правило, перед несовершеннолетними ставился вопрос, кто из них до попадания в места лишения свободы состоял на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Оказалось — практически все, за редким исключением. Многие подростки давно знакомы, выросли в одном дворе или учились в одной школе. Бывших друзей разделил срок и высокий забор. Следует отметить, что отмечается увеличение числа несовершеннолетних преступников, появился отряд ВИЧ-инфицированных, около 80% воспитанников до ареста прошли через наркоманскую иглу. За долгие годы здесь создана приличная база для профилактики правонарушений. Пока несовершеннолетние находятся в пени-тенциарном учреждении они ограждены от употребления наркотических средств или психотропных веществ, алкоголя, разорваны прежние криминальные связи, они учатся и работают. После освобождения из мест лишения свободы они возвращаются в прежнюю среду. Цель сотрудников пени-тенциарных учреждений противостоять данному явлению, имеется практика трудоустройства бывших воспитанников на предприятия пени-тенциарных учреждений. Но силами пени-тенциарных учреждений одного субъекта учреждения проблему профилактики подростковой преступности не решить.

Президент РФ Владимир Путин подписал закон, согласно которому несовершеннолетние заключенные имеют право на получение образования в местах лишения свободы. В систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, согласно этому закону, вошли учреждения уголовно-исполнительной системы - следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции. Эти учреждения теперь обязаны помочь несовершеннолетним заключенным с получением образования: следственные изоляторы - начального, основного и среднего

общего, воспитательные колонии - ещё и среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Уголовно-исполнительные инспекции должны помогать несовершеннолетним заключенным с трудоустройством. Кроме того, все эти учреждения обязаны проводить с подростками культурно-воспитательную работу [2].

За последние годы ситуация с подростковой преступностью вообще заметно ухудшилась. Специалисты склонны считать это зеркальным отображением процессов, которые происходят в обществе и стране. Подросток всегда ориентируется на какой-либо пример. Когда с телеэкранов льются потоки крови, а в телесериалах популяризируется насилие и секс, когда на каждом книжном развале предлагается масса всевозможной литературы агрессивного содержания и оформления — сложно ожидать, что наши дети будут расти «мягкими и пушистыми».

Так называемая «детская преступность» сильно помолодела. В настоящее время в законотворческих кругах заговорили даже о необходимости законодательного снижения возрастной планки с 14 до 12 лет для осуждения несовершеннолетних. Места лишения свободы заполняются малолетками с совершенно не-детским, кровавым прошлым. История у всех своя. Один украл куртку в школьной раздевалке. Другой среди опьяненных молодостью и количественным перевесом сверстников убил слабака, «маменького» сыночка. Третий после просмотра порнофильма надругался над ребенком. У всех этих рассказов одинаков только финал подростки приобретают незавидный статус, страдают родители. И еще одна проблема - судьбы потерпевших, жизнь которых разбита в колонии поумневшими мальчишками.

В декабре 2019 года 16-летняя девочка из Ижевска стала фигурантом уголовных дел по статьям «Побои или иные насильственные действия, совершенные из хулиганских побуждений» и «Хулиганство, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия» после того, как в социальных сетях появилось видео избиения школьницы сверстниками. В ходе проверки полицейские установили, что в октябре она совместно со школьниками избила 17-летнюю знакомую, издевалась над ней и применяла электрошокер. Также следователи выяснили, что девочка неоднократно вымогала у несовершеннолетнего деньги, с применением насилия [3].



В целях повышения результативности противодействия подростковой преступности требуется развитие системы межведомственного взаимодействия между образовательными организациями, медицинскими организациями и иными субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних. Важно активно реализовывать комплексные социально-психологические программы, направленные на реабилитацию и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей. Следует создать необходимые правовые условия для участия в профилактической работе добровольцев, общественных воспитателей, детских общественных объединений. В целях предупреждения распространения среди несовершеннолетних криминальной субкультуры в виде негативного социального феномена «А.У.Е» следует особое внимание уделять выявлению лиц, обладающих криминальным авторитетом, в том числе занимающих высшее положение в преступной иерархии, осуществляющих системную организацию работы по вовлечению несовершеннолетних и молодежи в организованную преступную деятельность. Необходимо проведение активной систематической работы по правовому информированию, разъяснению действующего законодательства среди населения, обратив особое внимание на просветительскую

работу с несовершеннолетними и их родителями. В целях противодействия наркомании в молодежной среде необходимо совершенствовать правовую регламентацию деятельности негосударственных реабилитационных центров для наркозависимых несовершеннолетних, вопросов, связанных с осуществлением государственного контроля за деятельностью таких центров. Требуется четкое правовое регулирование порядка проведения медицинских осмотров в части необходимости проведения медицинского тестирования всех обучающихся в обязательном порядке для оказания им своевременной помощи.

Предупреждение подростковой преступности требует комплексного подхода. Необходимо создавать условия для укрепления и защиты семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранения традиционных семейных ценностей, профилактики и преодоления семейного неблагополучия, социального сиротства, улучшения условий и повышения качества жизни семей. В этих целях необходимо обеспечить раннее выявление социального неблагополучия семей с детьми и организовать комплексную реабилитационную работу с ними для предотвращения распада семьи, в том числе предоставив беспрепятственный доступ к необходимым социальным услугам.

Литература

1. Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.пф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 12 июня 2020)
2. Несовершеннолетние заключенные смогут получать образование в колониях. URL: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20131230/270309456.html (дата обращения: 15 июня 2020 год)
3. В Ижевске избивавшая сверстниц девочка получила два года колонии. URL: https://ria.ru/20200526/1571985544.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 12 июня 2020).

References

1. Statistika i analitika. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 12 iyunya 2020)
2. Nesovershennoletniye zaklyuchennyye smogut poluchat' obrazovaniye v koloniyakh. URL: http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20131230/270309456.html (data obrashcheniya: 15 iyunya 2020 god)
3. V Izhevске избивавшая сверстниц devochka poluchila dva goda kolonii. URL: https://ria.ru/20200526/1571985544.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (data obrashcheniya: 12 iyunya 2020).

КУНЦ Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1. E-mail: 73kuntc@mail.ru

KUNTS Elena, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 125130, Moscow, st. Narva, 15A, p. 1. E-mail: 73kuntc@mail.ru



Турлубеков Б. С., Турлубеков А. Б.

ПРИМЕНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ДИСЦИПЛИНАРНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ХАРАКТЕРА К ЛИЦАМ, УКЛОНЯЮЩИМСЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Turlubekov B. S., Turlubekov A. B.

THE APPLICATION OF CERTAIN DISCIPLINARY AND ADMINISTRATIVE NATURE TO PERSONS, EVASIVE OF PUNISHMENT

За нарушение порядка и условий отбывания разных видов наказания применяются и различные взыскания; для исправительных работ применяются одни меры, для ограничения свободы другие, для лишения свободы третьи. В статье изложены виды нарушения режима содержания, порядок наложения взыскания и лица уполномоченные накладывать эти взыскания.

Ключевые слова: право, преступление, ответственность осужденных, наказание, предупреждения преступности.

For violation of the order and conditions of serving different types of punishment, various penalties are applied; for corrective labor, some measures are applied, others to restrict freedom, and third to imprisonment. The article sets out the types of violation of the detention regime, the procedure for the enforcement of penalties and persons authorized to impose these surveys.

Keywords: law, crime, liability of convicts, punishment, crime prevention.

В статье 10 УИК РФ (9 УИК РК) указывается, что обязанностями осужденных являются, выполнение установленных для них правил поведения, законных требований администрации учреждений и органов, исполняющих наказания.

В случае неподчинения осужденные несут ответственность, установленную законом.

Так, нарушением при отбывании *исправительных работ* являются:

- неявка в уголовно - исполнительную инспекцию без уважительных причин после письменного предупреждения;
- нарушение установленных законодательством обязанностей после письменного предупреждения;
- прогул или появление на работе в нетрезвом состоянии или в состоянии наркотического либо токсикологического опьянения.

К осужденным, нарушающим порядок при *ограничения свободы*, администрацией исправительного центра могут налагаться меры взыскания:

- выговор;
- запрещение выхода за пределы ме-

ста проживания в определенное время суток на срок до одного месяца;

– помещение в соответствии с Правилами внутреннего распорядка в изолятор до пятнадцати суток. [1,2]

Эти меры взыскания налагаются письменно.

При наложении взыскания учитываются обстоятельства совершения правонарушения, личность осужденного и его поведение до проступка. Наказание должно соответствовать характеру и тяжести совершенного правонарушения.

Наказание налагается в срок до десяти суток со дня обнаружения правонарушения, а если в связи с проступком производилась проверка со дня окончания проверки, но не позднее месяца со дня его совершения.

Взыскание производится в исполнение немедленно, а иногда не позднее одного месяца со дня его наложения. Право применения предусмотренных УИК РК мер взыскания пользуется в полном объеме начальник исправительного центра или лицо, его замещающее.

В главе 8 УИК РФ (Статья 55 УИК РК)





предусмотрен надзор за осужденными к ограничению свободы, который осуществляют сотрудники учреждения и обеспечивают наблюдение и контроль за осужденными по месту их проживания и работы. Порядок осуществления надзора определяется статьями уголовно-исполнительного кодекса.

В целях пресечения нарушений общественного порядка для составления протокола о нарушении, обеспечения правильного и своевременного рассмотрения материалов, а также вытрезвления осужденного либо направления в соответствующее медицинское учреждение, осужденный может помещаться в дисциплинарный изолятор до решения вопроса о применении взыскания, но не более чем на двадцать четыре часа. [1,2]

В исправительных учреждениях, отбывают наказание в виде лишения свободы существует, режим содержания, который обязаны соблюдать все осужденные данного учреждения.

Так, в главе 12 УИК РФ (статья 77 УИК РК) дается, в частности, понятие режима исправительных учреждений.

Режим в исправительных учреждениях - это установленный законом порядок исполнения наказания, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных; постоянный надзор за ними; исполнение возложенных на них обязанностей; реализацию их прав и законных интересов; безопасность осужденных и персонала; раздельное содержание разных категорий осужденных; различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом.

Одной из обязанностей осужденных является обязанность трудиться.

Все осужденные к лишению свободы обязаны работать в местах, определяемых администрацией исправительного учреждения.

Отказ от работы или прекращение работы является злостным нарушением режима содержания и может повлечь применение мер дисциплинарного характера и материальную ответственность. [4]

В уголовно-исполнительном кодексе РФ (статья 111 УИК РК) указывается, за какие нарушения режима к осужденным могут применяться меры наказания в виде:

- предупреждение или выговор;
- штраф в размере месячного расчетного показателя;
- водворение в штрафной изолятор на срок до пятнадцати суток;
- перевод осужденных мужчин в помещения камерного типа или в одиночные камеры на срок до шести месяцев;

- перевод осужденных женщин в помещения камерного типа на срок до трех месяцев. [1,2]

К осужденным, находящимся в колониях-поселениях, могут применяться наказания на тридцать дней запрета проживать вне общежития. [4]

Злостными нарушениями режима содержания в этих местах является: незаконный отказ от работы; употребление наркотиков или алкогольных напитков или других запрещенных к употреблению веществ; хулиганство; угроза; оскорбление или неповиновение начальствующему составу колоний; хранение или передача (получение) запрещенных предметов; игра в азартные игры; уклонение от лечения, назначенного судом; участие в групповых неповиновениях; совершение непристойных сексуальных действий. [1, 2]

Злостными признается повторное нарушение порядка отбывания наказания, если за аналогичное нарушение осужденный в течение года уже был подвергнут водворению в штрафной, дисциплинарный изолятор, в помещение камерного типа, либо одиночную камеру.

Осужденный признается злостным нарушителем режима при условии назначения ему мер взыскания, предусмотренных уголовно-исполнительным кодексом РФ пунктом 1 статьи 111 УИК РК:

- дисциплинарный штраф;
- перевод мужчин в помещении камерного типа либо одиночные камеры;
- перевод женщин в помещение камерного типа.

При наложении мер взыскания, учитываются характеристика личности, причины нарушения, поведение до совершения проступка. Взыскание должно соответствовать тяжести проступка

Взыскание налагается не позднее десяти суток, а при проведении проверки порядка совершения проступка, не позднее трех месяцев со дня совершения.

Взыскание производится в исполнение, немедленно и лишь в исключительных случаях - не позднее одного месяца.

Взыскания в виде предупреждения или выговора могут налагаться устно, остальные взыскания - только письменно.

Взыскание налагается постановлением начальника учреждения или лица, его замещающего.

Взыскание дисциплинарный штраф налагается только за нарушение, перечисленные в пункте 1 статьи 112 УИК РК.

Это постановление объявляется осужденному под роспись. Сумма штрафа перечисляется в бюджет.

Отбывающие наказание в обычных,

облегченных и льготных условиях осужденные - злостные нарушители режима могут быть переведены в более строгие условия.

За нарушение установленного порядка режима к осужденным *несовершеннолетним* могут применяться наряду с предусмотренными статьей 111 УИК РК следующие меры взыскания:

- лишение права на просмотр кинофильмов в течение одного месяца;
- водворение до семи суток в дисциплинарный изолятор на срок.

Осужденным, несовершеннолетним в изоляторе, запрещаются длительные свидания, телефонные переговоры, приобретение продуктов и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми.

Осужденные пользуются прогулкой продолжительностью до двух часов.

К осужденным, водворенным в дисциплинарный изолятор, все равно могут применяться меры взыскания.

В главе 24 УИК РФ (статья 28 УИК РК) содержится нормы, которые предусматривают обязанности *условно осужденных*.

Так, инспекции осуществляют индивидуальный учет осужденных в течение испытательного срока, контролируют с другими службами органов внутренних дел соблюдение осужденными порядка и выполнение возложенных на них судом обязанностей.

Условно осужденные обязаны отчитываться перед инспекцией о своем поведении, выполнять возложенные на них судом обязанности, являться по вызову.

При неявке без причины условно осужденных может быть подвергнут приводу.

При уклонении условно осужденного от выполнения возложенных на него судом обязанностей либо несоблюдении им общественного порядка, исполнительная инспекция предупреждает его о возможности отмены условного осуждения.

При наличии оснований уголовно-исполнительной инспекцией направляется представление в суд о продлении *испытательного* срока до одного года.

В случае систематического невыполнения осужденным в течение срока возложенных на него обязанностей, либо если условно осужденный скрывается от контроля, в суд направляется представление об отмене условного осуждения.

Систематическим невыполнением обязанностей считается совершение запрещенных или невыполнение предписанных условно осужденному действий более двух раз в течение года либо продолжительное (более тридцати дней) невыполнение обязанностей, возложенных на него судом.

Скрывающимся от контроля признается условно осужденный, место нахождения которого в течение более тридцати дней не установлено уголовной инспекцией.

В связи с изложенным, представляется целесообразным реформировать систему оценки право послушного поведения осужденных, заменив исправительный подход, по которым можно прогнозировать возможное поведение осужденного после освобождения.

В критерии оценки исправления осужденного необходимо указывать на позитивные или негативные изменения, в способности осужденного к восстановлению жизненных навыков и ориентации на нормальную жизнь в обществе после освобождения. [3]

Необходимо отметить, что отсутствие в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве четкой, основанной на объективных критериях системы оценки степени исправления имеет свои положительные и отрицательные стороны.

Правоприменителю предоставлена большая свобода и возможности субъективного учета личности осужденного, мотивов его поведения.

Литература

1. Уголовно- исполнительный кодекс РФ от 27.12.2018г.
2. Уголовно- исполнительный кодекс РК от 5.07.2014г
3. Комментарии к действующему Уголовно-исполнительному кодексу РК и предложения по внесению в него изменений и дополнений (текст УИК РК по состоянию на 1 декабря 2016 г.)
4. Дисциплинарная, материальная и уголовная ответственность осужденных, отбывающих лишение свободы: Лекция. / МВД СССР, - М., 1980 г.

References

1. Uголовno- ispolnitel'nyy kodeks RF ot 27.12.2018g.
2. Uголовno- ispolnitel'nyy kodeks RK ot 5.07.2014g
3. Kommentarii k deystvuyushchemu Uголовno-ispolnitel'nomu kodeksu RK i predlozheniya po vneseniyu v nego izmeneniy i dopolneniy(tekst UIK RK po sostoyaniyu na 1 dekabrya 2016 g.)



4. Distsiplinarnaya, material'naya i ugolvnaya otvetstvennost' osuzhdennykh, otbyvayushchikh lisheniye svobody: Lektsiya. / MVD SSSR,- М., 1980 г.

ТУРЛУБЕКОВ Батырхан Салимович, кандидат юридических наук, профессор, Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. 110000, Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47. E-mail: bturlubekov@mail.ru

ТУРЛУБЕКОВ Арман Батырханович, магистр юридических наук, докторант юридического факультета Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. 110000, Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47. E-mail: bturlubekovarman@mail.ru

TURLUBEKOV Batyrkhan, candidate of Law, Professor of Kostanay State University named after A. Baitursynova. 110000, Kazakhstan, Kostanay, st. Baitursynova, 47. E-mail: bturlubekov@mail.ru

TURLUBEKOV Arman, master of Law, doctoral student of the Faculty of Law of Kostanay State University named after A. Baitursynova. 110000, Kazakhstan, Kostanay, st. Baitursynova, 47. Email: bturlubekovarman@mail.ru



Кошкин Н. С.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ГЕНОЦИДА

Koshkin N. S.

ON THE ISSUE OF CRIMINALIZATION OF GENOCIDE

В статье рассматривается процесс криминализации одного из самых опасных преступлений в истории человечества – геноцида. В качестве критерия криминализации автором используется общепринятый в уголовном праве критерий – общественная опасность. По итогам исследования делается вывод о том, что криминализация геноцида была научно обоснованной и необходимой.

Ключевые слова: геноцид, криминализация, криминализация геноцида, преступление геноцида, преступления против человечества, конвенция ООН.

This article discusses the process of criminalization of the most serious crimes in the history of humanity – genocide. The author uses the criterion of public danger since this criterion is the universally accepted in criminal law. The study concludes that the criminalization of genocide was scientifically based and necessary.

Keywords: genocide, criminalization, criminalization of genocide, crime of genocide, crimes against humanity, UN Convention.

В недавнем прошлом в Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН) проходили торжественные мероприятия, приуроченные к юбилею принятия Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 09 декабря 1948 года (далее по тексту – Конвенция ООН 1948 года) и криминализации геноцида. С момента ее принятия было криминализовано одно из страшнейших деяний, которое было известно человечеству. Актуальность и важность данного международного нормативного правового акта, как и сама криминализация геноцида, безусловна, т.к. сегодня в разных уголках мира деяния имеющие признаки геноцида все чаще находят свое проявление [28]. Более того в ученых кругах, в среде практических работников не утихают споры, касательно того, что же считать геноцидом?, какие признаки содержатся в этом составе преступления?, отвечает ли Конвенция ООН 1948 года современным реалиям? и т.д. [29] Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, важно обратиться к вопросу криминализации геноцида, понять каким образом происходил данный процесс, все ли было с точки зрения науки обоснованно, необходимо, точно, правильно.

Здесь сразу следует сказать, что криминализация данного деяния не была вызвана одномоментно. Человечеству при-

шлось пройти через тысячелетия, прежде чем геноцид стал уголовно-наказуемым деянием в полном смысле этого слова. И у нас возникает вопрос, что необходимо, чтобы признать деяние преступлением? Ответ будет простым – необходимо деяние криминализовать. Академик В.Н. Кудрявцев писал, что криминализация – это процесс, началом которого является признание властью деяния общественно-опасным, а результатом формирование и внесение признаков состава преступления в уголовный закон [1]. Данную позицию разделяют и другие ученые [2].

Исходя из этого возникает вопрос – что необходимо для криминализации деяния? Безусловно, т.к. криминализация по справедливому замечанию академика В.Н. Кудрявцева является способом уголовной политики [1], необходима политическая воля и ее выражение вовне [3,4]. Но все-таки, помимо воли и волеизъявления, необходима та главная существенная черта, которая сделает эту криминализацию необходимой – основание. М.Э. Авдалян, убеждение которой мы разделяем указывает, что основанием криминализации является «совокупность причин криминализации, в концентрированном виде выражающих сущность криминализуемого поведенческого акта и делающих необходимым законодательное установление уголовно-правового запрета» [5].





Здесь следует заметить, что в уголовно-правовой доктрине нет единообразного подхода ни к термину (некоторые учёные используют термины – основания уголовно-правового запрета, основания уголовно-правовой нормы, социальные основания норм уголовного права [6] и др.), ни к основаниям криминализации. Ученые выделяют различные основания, причем как во множественном, так и в единственном числе [1, 7]. Все-таки, согласимся, с убеждением П.С. Тоболкина, который писал, что не существует других оснований криминализации, кроме общественной опасности деяния [8]. Аналогично считает и М.Э. Авдалян, которая указывает, что «основание криминализации может быть только одно, и им выступает общественная опасность конкретного поведенческого акта» [5], т.к. «различные причины криминализации сами по себе, взятые в отдельности, не способны обусловить ее, поскольку, например, ни новые виды поведения, ни обязательства государства на международной арене не вызывают с неизбежностью установления уголовно-правового запрета. Основание, представляя собой совокупность всех реально существующих причин, концентрируя сущность явления, ставшего потенциальным предметом криминализации» [5].

Как мы указывали выше, криминализация это длящийся во времени процесс, который происходит не одновременно. Более того, одних уголовно-правовых знаний для признания криминализации необходимой просто недостаточно. Здесь необходимо также обращаться к другим наукам, в частности к криминологии [9]. Профессор А.Э. Жалинский указывал, что надлежит отталкиваться от следующего набора требований, которые в своей совокупности достаточны для признания поведения, подлежащего уголовному запрету именно общественно опасным:

«1) причинение и возможность причинения деянием не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, то есть правовым благам, имеющим конституционный ранг;

2) распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества;

3) явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещенных деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания;

4) доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда;

5) субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора» [10].

Для того, чтобы увидеть процесс осознания человечеством общественной опасности геноцида и последующий за ним процесс криминализации деяния, необходимо проанализировать с историко-правовой точки зрения, накопленный человечеством опыт. Ведь найдя сам факт существования в человеческом обществе поведенческого акта, способного причинить вред охраняемым ценностям позволит нам определить начальный этап на пути констатации тех его свойств, которые позже приведут к криминализации геноцида. Более того, необходимо такой анализ «на основе» вышеуказанного набора требований, которые в своей совокупности достаточны для признания поведения, подлежащего уголовному запрету именно общественно опасным.

1. Причинение и возможность причинения деянием не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, то есть правовым благам, имеющим конституционный ранг.

Именно с точки зрения критерия общественной опасности возможность соблюдения обозначенного требования криминализации деяния, появилась с момента принятия первого нормативного документа (имеющего конституционное значение) – французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года [11] (далее по тексту – Декларация 1789 года), не смотря на тот факт, что в истории человечества и до этого события было множество фактов причинения и возможности причинения деяниями, имеющим признаки геноцида, не поддающегося полному возмещению существенного вреда общественным ценностям, которые до принятия Декларации 1789 года не имели конституционного статуса. При этом следует отметить, что множество фактов причинения и возможности причинения деяниями, имеющим признаки геноцида, не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, происходили и после принятия Декларации 1789 года (и других подобных документов). Более того, в Декларации 1789 года провозглашалось одно ключевое положение – обе-

спечение естественных и неотъемлемых прав человека и нации, среди которых важное место занимает безопасность [12].

Факт того, что деяния, имеющие признаки геноцида, до криминализации геноцида, причиняли не поддающийся полному возмещению существенный вред конституционным ценностям, в доктрине не оспаривается и подтверждается многими учеными [13–16].

2. Распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества.

Выполнение данного требования мы можем увидеть из самых разных исторических событий, в том числе описанных в религиозных источниках. Однако в силу того, что процесс осознания вопросов безопасности человечества, его отдельных групп, объединенных родовыми признаками, вышел на качественно новый уровень именно после страшных событий, произошедших на европейском континенте в XX веке, необходимо обратиться к анализу этих событий и их последствий.

Первыми такими событиями, стали действия, направленные на физическое уничтожение, насильственное переселение лиц в условиях, способствующих физическому уничтожению людей, проводимых на территории Османской империи в 1884 году, а также в период с 1915 по 1918 годы, со стороны правительства Османской Порты в отношении некоторых «подданных империи» – армян, ассирийцев, греков. По данным исследователей данной проблематики, в указанный период, «правительственными силами» были уничтожены от 1,5 до 2 миллионов армян [13]13. За время Первой мировой войны на территории Османской империи было уничтожено от 500 до 750 тысяч ассирийских подданных империи, а также от 600 тысяч до 1 миллиона греческого населения империи [17–18]. Последствия этой трагедии ощущаются армянами, греками и ассирийцами даже сегодня [19].

Вторыми событиями стали действия, проводимые национал-социалистическим правительством Германии в период с 1930 по 1945 год. При подготовке к «тотальной» войне Германским правительством, в рамках реализации нацистской расовой политики, были разработаны планы по этническим чисткам, в которых мы можем увидеть признаки геноцида, которые планировалось проводить как на территории Германии, так и на оккупированных территориях Третьего рейха в от-

ношении еврейского, славянского, цыганского и др. народов [20]. В ходе подготовки и проведения Второй мировой и Великой Отечественной войн Гитлеровским правительством некоторые из этих планов полностью или частично были успешно реализованы, что повлекло за собой непоправимые жертвы, как со стороны представителей вышеуказанных народов, так и их культурного, исторического наследия [18].

Так, в рамках реализации планов по уничтожению евреев, которые в будущем, благодаря лауреату Нобелевской премии мира Э. Везелю, получат наименование «Холокоста», было истреблено около 6 миллионов представителей еврейского народа. В послевоенное время планировалось тотальное уничтожение евреев, согласно плану, принятого на Ванзейской конференции 20 января 1942 года [20].

Помимо этого, в рамках реализации планов «Барбаросса», «Ост» и др. славянскому населению государств Восточной Европы был нанесен колоссальный урон. Из числа советских военнопленных было уничтожено около 3 миллионов человек [20]. Со стороны мирного населения СССР было уничтожено около 7,5 миллионов человек. Из-за созданных нацистами нечеловеческих условий жизни, население оккупированных территорий СССР сократилось примерно на 4,1 миллиона человек [20]. На территории Польши были уничтожены около 3 миллионов мирных граждан [21]. На послевоенное время, согласно планам Третьего Рейха, славяне, живущие в странах Восточной Европы и европейской части СССР, должны были подвергнуться частично германизации, а частично депортации за Урал или уничтожению. Лишь небольшой процент славянского населения планировали оставить для использования в качестве рабов будущих немецких колонистов [20].

Не менее печальная судьба постигла и представителей цыганского народа. Так в период с 1939 по 1945 год было уничтожено от 250 до 500 тысяч цыган. В Польше две трети цыган было уничтожено за время немецкой оккупации [21].

Таким образом, из приведенных данных мы увидели, что действительно происходило распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества. Более того, до сегодняшнего дня, из приведенных выше примеров, общество в целом и большинство отдельных членов общества не смогло полностью соизмерить и восполнить негативные последствия совершенных деяний.





3. Явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещенных деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания.

Не смотря на тот факт, что достижение политического, правового консенсуса, в котором отражена явная непереносимость цивилизованного человечества запрещенных деяний, причиняемого вреда, его опасности, произошло в 1946–1951 году с момента начала разработки, последующего принятия и вступления в силу Конвенция ООН 1948 года, следует отметить, что сам процесс этот был довольно трудным и не одномоментным.

С начала разработки Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее по тексту – Устав Нюрнбергского военного трибунала) в самом тексте устава, согласно исследованиям, неоднократно использовалось понятие геноцида. Однако в окончательной редакции разработчики Устава Нюрнбергского военного трибунала пришли к выводу о необходимости использования другого родственного термина – преступления против человечности [22]. Такое решение было принято для того, чтобы иметь возможность охватить преследование и физическое истребление национальных, этнических, расовых и религиозных меньшинств. Помимо этого, следует заметить, что при работе трибунала в тексте некоторых обвинительных заключений использовали термин геноцид. Более того прокуроры, осуществляющие обвинение в своих речах, также неоднократно использовали этот термин. Вместе с тем, отметим, что в итоговом приговоре Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 01 октября 1946 года (далее по тексту – приговор Нюрнбергского военного трибунала) термин геноцид не используется [23].

Последствия того факта, что геноцид, по мнению некоторых государств, остался безнаказанным вылились в то, что на первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее по тексту – Генеральной Ассамблеи ООН), которая проходила в конце 1946 года, Республика Индия, Республика Куба и Республика Панама представили проект резолюции, согласно которой: а) геноцид признавался преступлением, которое может совершаться как в мирное, так и военное время; б) геноцид находится под универсальной юрисдикцией [23].

Впоследствии Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции от 11 декабря 1946 года № 96 (I) указала что: «Геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп ... Такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества ... противоречит нравственному закону, духу и целям Организации Объединенных Наций ... Геноцид с точки зрения международного права является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром, и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются они частными лицами, государственными должностными лицами или государственными деятелями, и не зависимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам». Помимо этого, Генеральная Ассамблея ООН поручала Экономическому и Социальному совету разработать проект конвенции о преступлении геноцида.

После разработки текста Конвенции к 1948 году и его окончательного согласования, в процессе переговоров в рамках Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН текст был вынесен на утверждение Генеральной Ассамблеи ООН, которая 09 декабря 1948 года приняла Конвенцию ООН 1948 года. После завершения процесса получения необходимых 20-ти ратификационных грамот (требование статьи XIII) Конвенция ООН 1948 года вступила в силу 12 января 1951 года.

Таким образом, если социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещенных деяний, причиняемого вреда или его опасности была изначально отражена в достигнутом политическом консенсусе на международном уровне в 1946 году, то правовой консенсус был достигнут только с момента принятия и вступления в силу Конвенции ООН 1948 года.

4. Доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда.

Выполнение указанного требования мы можем увидеть из результатов работы как вышеуказанного Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, так и реакции некоторых членов Генеральной Ассамблеи ООН, которая вылилась изначально в проект резолюции от 11 декабря 1946 года, а после

и в принятую Конвенцию ООН 1948 года. Более того, на это указывают также исследования ученых: профессора Р. Лемкина [24], профессора В. Пеллы [25] профессора А.Н. Трайнина [26] и других.

Как мы уже отмечали выше, не смотря на тот факт, что при разработке Устава Нюрнбергского военного трибунала использовался термин геноцид, в окончательной редакции Устава Нюрнбергского военного трибунала от него было принято решение отказаться. Более того участники процесса также часто обращались к этому термину как в своих речах, так и при составлении процессуальных документов, например, обвинительного заключения. Но вместе с этим в приговоре Нюрнбергского военного трибунала термин геноцид также не использовался. Некоторые ученые отмечают, что это было сделано, прежде всего, по той причине, что «в силу принципа *nullum crimen sine lege* невозможно было в рамках Нюрнбергского процесса распространить юрисдикцию трибунала и осудить виновных за совершение геноцида – преступления, не запрещенного тогда каким-либо нормативно-правовым актом» [18].

Мировое сообщество столкнулось с тем, что иные правовые запреты оказались непригодными для урегулирования соответствующих правоотношений. Действия, имеющие признаки геноцида, по мнению некоторых государств-участников ООН, оставшиеся безнаказанными, требовалось надлежащим правовым образом оформить, с тем, чтобы придать геноциду статус преступления и не допустить в будущем трагедии, подобно тем, что происходили в истории человечества неоднократно. Для этих целей изначально был составлен проект Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, который был принят на пятьдесят пятом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 11 декабря 1946 года [22]. В Резолюции отмечалось, что «можно указать на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы. Наказание за преступления геноцида является вопросом международного значения». Помимо этого, определялась необходимость составления проекта конвенции по вопросу о преступлениях геноцида. Позднее был составлен и принят проект конвенции, которая вступила в силу 12 января 1948 года, после соблюдения установленных в статье XIII процедур.

Таким образом, к моменту криминализации геноцида человеческим сообще-

ством объективно и доказано ощущалась непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда от преступлений геноцида.

5. Субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора.

Увидеть, как субъект при наличии собственной воли, выраженной вопреки противопоставляет свое поведение, в котором можно увидеть признаки геноцида, существующим социальным запретам при наличии иного выбора, можно из результатов Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

Так, в описательно мотивировочной части приговора Нюрнбергского военного трибунала в отношении Эрнста Кальтенбруннера отмечено, что Кальтенбруннер являясь начальником полиции безопасности и службы безопасности (далее по тексту – СД) и главой главного имперского управления безопасности (далее по тексту – РСХА) (руководящий состав обоих указанных организаций, как и сами организации приговором Нюрнбергского военного трибунала признаны преступными) обладая широким кругом полномочий «имел право отдавать приказы о превентивном заключении в концентрационные лагеря и об освобождении из них. ... Он, несомненно, посещал Маутхаузен, и свидетели показали, что он видел, как убивали заключенных, применяя различные способы казни: повешение, расстрел в затылок, умерщвление газом, что являлось частью демонстрировавшихся перед ним экзекуций» [27].

Помимо этого, РСХА под руководством Кальтенбруннера «играло руководящую роль в «окончательном разрешении» еврейского вопроса путем истребления евреев. ... По его указаниям было убито, приблизительно, 6 миллионов евреев, из которых 2 миллиона были убиты эйнзатцгруппами и другими частями полиции безопасности. Кальтенбруннер информировал о деятельности этих эйнзатцгрупп, когда он был высшим руководителем СС и полиции; они продолжали свою деятельность и тогда, когда он стал начальником РСХА...» [27].

Не смотря на тот факт, что в свою защиту Кальтенбруннер заявлял, что «преступная программа была введена в действие до того, как он приступил к своим обязанностям, и что он редко знал о том, что происходило, и что, когда он узнавал



об этих фактах, он делал все возможное для того, чтобы предотвратить их совершение», трибунал отметил, что Кальтенбруннер «... осуществлял контроль над деятельностью РСХА; он знал о преступлениях, которые оно совершало, и он был активным участником многих из них» [27].

Помимо Кальтенбруннера увидеть, как субъект при наличии собственной воли, выраженной вовне противопоставляет свое поведение, в котором можно увидеть признаки геноцида, существующим социальным запретам при наличии иного выбора, можно из действий, других осужденных трибуналом (Мартин Борман и другие) [27].

Исходя из вышесказанного, мы видим, как приведенные в пример «субъекты» при наличии собственной воли, выраженной вовне противопоставляют свое поведение, в котором можно увидеть признаки геноцида, существующим социальным запретам при наличии иного выбора.

Таким образом, отметим, что геноцид как уголовно-правовое явление общественной жизни появилось сравнительно недавно (чуть более 70 лет назад), после криминализации геноцида в 1948–1951 году. Однако, как мы увидели из историко-правовой материи, деяния имеющие признаки геноцида сопровождали человечество на протяжении всей истории его существования, о чем нам говорят различные письменные источники. Уже с «момента образования мира» в религиоз-

ных источниках мы можем отыскать примеры того, как уничтожались национальные, этнические, расовые, религиозные группы людей по различным причинам. Если криминализация иных преступлений, как например, убийство, разбой и др. происходила с древнейших времен, то геноцид был криминализован, как мы говорили выше, только в прошлом веке и на то были определенные причины. Ведь для криминализации любого деяния, безусловно нужно основание, и такое основание, справедливо принятое в доктрине многими учеными-юристами, убеждение которых мы разделяем, может быть только одно – общественная опасность. О наличии объективно-существующей общественной опасности деяния и соответственно необходимости криминализации деяния может говорить наличие в совокупности определенных требований.

В заключении добавим, что на основе проведенного историко-правового анализа осознания общественной опасности геноцида необходимо указать, что криминализация геноцида была научно обоснованной, т.к. к моменту криминализации в 1948–1951 году, все необходимые требования имелись в совокупности и были достаточны для признания геноцида преступлением, которое подлежит уголовному запрету на основании наличия объективно-существующей общественной опасности.

Литература

1. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер и др. под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. – М.: Наука, 1982. – С. 17, 11, 205.
2. Радощнова Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – С. 15. – URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/19-11-2015-2r.pdf> (дата обращения: 13.03.2018).
3. Жеребцов А.Н. Дифференциация административной ответственности: понятие, критерии, значение / А.Н. Жеребцов, А.Н. Вертинская // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 26–17. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
4. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: Монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. Авдалян М.Э. Основание криминализации и криминообразующие признаки нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: Дис. канд. юрид. наук. – М., 2016. С. 39, 42. – URL: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Avdalyan_M.E_.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
6. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, 1981. – С. 62–63.
7. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 17–20.
8. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм / Науч. ред. М.И. Ковалев. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство. 1983. – С. 58.
9. Криминология. Общая часть: Учебник / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер. – Томск: ООО «ДиВо», 2007. – С. 214–228. – URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/09/Прокументов-Л.М.-Шеслер-А.В.-Криминология.pdf> (дата обращения: 13.02.2018).



10. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы 6-й международной научно-практической конференции (29–30 января 2009 года). – М.: Проспект, 2009. – С. 48–52.
11. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: Учебник. Т. 1 / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова и др.; Под ред.: Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 1999. – С. 129.
12. Декларация прав человека и гражданина (принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года). – URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (дата обращения: 14.03.2018).
13. Кибальник А.Г. О геноциде армянского населения в Первую Мировую войну / А.Г. Кибальник, А.С. Мартиросян // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 131–137.
14. Конопатченков, А.В. Советские узники в фашистской системе концлагерей Маутхаузен // Власть. – 2009. – № 5. – 117–119.
15. Мламян Н.М. Геноцид как преступление против человечества // Российский следователь. – 2016. – № 17. – С. 31–35.
16. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – P. 79.
17. Вртанесян К. Геноцид армян в Турции: краткий исторический обзор. – URL: www.genocide.ru/review.htm (дата обращения: 15.03.2018).
18. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ): Монография / Г.Л. Москалев. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – С. 14, 24.
19. Айвазян А. Стратегические последствия геноцида армян – URL: www.genocide.ru/lib/ayvazyan/consequences.htm (дата обращения: 15.03.2018).
20. Аванесян В.В. Нюрнбергский трибунал и геноцид // Общество и право. 2011. № 3. – С. 17–21.
21. Wistrich R. Hitler and the Holocaust. New York: Modernlibrary. 2003. – P. 3.
22. Абашидзе А.Х. Первые акты ООН о предупреждении преступлении геноцида и наказании за него / А.Х. Абашидзе, Т.Г. Дадуани // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 1. – С. 226.
23. Дадуани Т.Г. Сравнительный анализ положений Резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 140.
24. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – 674 p.
25. Pella V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite – Geneve, 1957.
26. Трайнин А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон / А.Н. Трайнин. под общ. ред.: Р.А. Руденко. – М.: Наука, 1969. – 454 с.
27. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 2 т. Т. 2 / сост. Г.Н. Александров, Д.С. Карев, М.Ю. Рагинский; под ред. К.П. Горшенина. 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1955. – URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (дата обращения: 17.03.2018).
28. Кочои С.М. «Исламское государство»: от терроризма к геноциду / С.М. Кочои // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 61–72.
29. Кочои С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика / С.М. Кочои // Уголовное право. 2001. № 2. С. 95–97.

References

1. Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya [The grounds of the criminal law prohibition. Criminalization and decriminalization] / P.S. Dageľ, G.A. Zlobin, S.G. Kelina, G.L. Kriger i dr. pod red. V.N. Kudryavceva, A.M. Yakovleva. – M.: Nauka [Science], 1982. – P. 17, 11, 205. (in Russ.).
2. Radoshnova N.V. Kriminalizaciya (dekriminalizaciya) v ugovolnom prave Rossii [Criminalization (decriminalization) in the criminal law of Russia]: Avtoref. dis. kand. yurid. Nauk [Thesis abstract for the degree in judicial sciences]. – Saratov, 2015. – P. 15. – Available at: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/19-11-2015-2r.pdf> (in Russ.).
3. Zherebcov A.N. Differenciaciya administrativnoj otvetstvennosti: ponyatie, kriterii, znachenie [Differentiation of administrative responsibility: concept, criteria, value] / A.N. Zherebcov, A.N. Vertinskaya // Sovremennoe pravo [Modern Law]. – 2018. – № 9. – P. 26–17. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». (in Russ.).
4. Kriminalizaciya i dekriminalizaciya kak formy preobrazovaniya ugo-lovnogo zakonodatel'stva: Monografiya [Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal law: Monograph] / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina i dr.; otv. red. V.P. Kashepov. – M.: KONTRAKT, 2018. Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». (in Russ.).





5. Avdalyan M.E. Osnovanie kriminalizacii i kriminoobrazuyushchie priznaki narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya i eksploatacii transportnyh sredstv [The basis of criminalization and criminogenous signs of violation of the rules of the road and the operation of vehicles]: Dis. kand. yurid. Nauk [Thesis for the degree in judicial sciences]. – M., 2016. P. 39, 42. – Available at: https://msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_Avdalyan_M.E._.pdf (in Russ.).
6. Filimonov V.D. Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava [Criminological foundations of criminal law]. – Tomsk, 1981. – P. 62–63. (in Russ.).
7. Antonov A.D. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii i dekriminalizacii [The theoretical foundations of criminalization and decriminalization]. Diss. ... kand. yurid. Nauk [Thesis for the degree in judicial sciences]. – M., 2001. – P. 17–20. (in Russ.).
8. Tobolkin P.S. Social'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovyh norm [Social conditionality of criminal law norms] / Nauch. red. [Scientific. ed.] M.I. Kovalev. – Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo [Central Ural Book Publishing House]. 1983. – P. 58. (in Russ.).
9. Kriminologiya. Obshchaya chast': Uchebnik [Criminology. General part: Textbook] / L.M. Prozumentov, A.V. SHezler. – Tomsk: DiVo, 2007. – P. 214–228. – Available at: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/09/Prozumentov-L.M.-SHezler-A.V.-Kriminologiya.pdf> (in Russ.).
10. Zhalinskij A.E. Ocenka obshchestvennoj opasnosti deyaniya v processe ugolovnogo pravotvorchestva [Assessment of the social danger of an act in the process of criminal law-making] // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: Materialy 6-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (29–30 yan-varya 2009 goda) [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference (January 29–30, 2009)]. – M.: Prospekt, 2009. – P. 48–52. (in Russ.).
11. Kurs ugolovnogo prava: Uchenie o prestuplenii. Obshchaya chast': Ucheb-nik [Criminal Law Course: The Doctrine of the Crime. General part: Textbook]. T. 1 / G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov, N.E. Krylova, N.F. Kuznecova i dr.; Pod red.: N.F. Kuznecovoj, I.M. Tyazhkovoj. – M.: Zercalo, 1999. – P. 129. (in Russ.).
12. Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina (prinyata deputatami Gene-ral'nyh shtatov 24 avgusta 1789 goda) [The Declaration of Human and Citizen Rights (adopted by the deputies of the General States on August 24, 1789)]. – Available at: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> (in Russ.).
13. Kibal'nik A.G. O genocide armyanskogo naseleniya v Pervuyu Mirovuyu vojnu [On the genocide of the Armenian population in the First World War] / A.G. Kibal'nik, A.S. Martirosyan // Obshchestvo i pravo [Society and Law]. – 2011. – № 5. – P. 131–137. (in Russ.).
14. Konopatchenkov, A.V. Sovetskie uzniki v fashistskoj sisteme konclagerej Mauthausen [Soviet prisoners in the fascist system of concentration camps Mauthausen] // Vlast' [Authority]. – 2009. – № 5. – P. 117–119. (in Russ.).
15. Mlanyan N.M. Genocid kak prestuplenie protiv chelovechestva [Genocide as a crime against humanity] // Rossijskij sledovatel' [Russian investigator]. – 2016. – № 17. – P. 31–35. (in Russ.).
16. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – P. 79.
17. Vrtanesyan K. Genocid armyan v Turcii: kratkij istoricheskij obzor [The Armenian Genocide in Turkey: a brief historical review]. – Available at: www.genocide.ru/review.htm (in Russ.).
18. Moskalev G.L. Ugolovnaya otvetstvennost' za genocid (stat'ya 357 UK RF): Monografiya [Criminal liability for genocide (Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation): Monograph] / G.L. Moskalev. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t [Siberian Federal University], 2017. – P. 14, 24. (in Russ.).
19. Ajvazyan A. Strategicheskie posledstviya genocida armyan [Strategic consequences of the Armenian Genocide] Available at: www.genocide.ru/lib/ayvazyan/consequences.htm (in Russ.).
20. Avanesyan V.V. Nyurnbergsnij tribunal i genocid [Nuremberg Tribunal and Genocide] // Obshchestvo i pravo [Society and Law]. 2011. № 3. – P. 17–21. (in Russ.).
21. Wistrich R. Hitler and the Holocaust. New York: Modernlibrary. 2003. – P. 3.
22. Abashidze A.H. Pervye akty OON o preduprezhdenii prestuplenii genocida i nakazanii za nego [First UN Acts on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide] / A.H. Abashidze, T.G. Daduani // Biblioteka kriminalista [Criminologist library]. – 2012. – № 1. – P. 226. (in Russ.).
23. Daduani T.G. Sravnitel'nyj analiz polozhenij Rezolyucii GA OON 96 (I) i Konvencii o preduprezhdenii prestupleniya genocida i nakazanii za nego [Comparative analysis of the provisions of UNGA Resolution 96 (I) and the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence.]. – 2011. – № 4. – P. 140. (in Russ.).
24. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. – 674 p.

25. Pella V. Le Code des Crimes contre la paix et la securite de l'humanite – Geneve, 1957.
26. Trajnin A.N. Izbrannye proizvedeniya. Zashchita mira i ugovolnyj zakon [Selected works. Peace protection and criminal law] / A.N. Trajnin. pod obshch. red.: R.A. Rudenko. – M.: Nauka [Science], 1969. – 454 p.(in Russ.).
27. Nyurnbergskij process: Sbornik materialov v 2 t. T. 2 [The Nuremberg trials: a collection of materials in 2 vol. T. 2] / sost. G.N. Aleksandrov, D.S. Karev, M.YU. Raginskij; pod red. K.P. Gorshenina. 3-e izd., ispr. – M.: Gosyurizdat [State Law Publishing House], 1955. – Available at:<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml> (in Russ.).
28. Kochoi S.M. «Islamskoe gosudarstvo»: ot terrorizma k genocide[«Islamic State»: from terrorism to genocide] / S.M. Kochoi // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. 2014. № 12. P. 61–72.(in Russ.).
29. Kochoi S.M. Genocid: ponyatie, otvetstvennost', praktika [Genocide: concept, responsibility, practice] / S.M. Kochoi // Ugolovnoe pravo [Criminal Law]. 2001. № 2. P. 95–97.(in Russ.).

КОШКИН Никита Сергеевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет». 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных 129. E-mail: nik19932@bk.ru

KOSHKIN Nikita, postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Law, Chelyabinsk State University. Bld. 129, Kashirin brothers Str., Chelyabinsk, 454001. E-mail: nik19932@bk.ru



Турлубеков Б. С., Турлубеков А. Б.

ОТБЫВАНИЕ НАКАЗАНИЯ - ОДИН ИЗ ВИДОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Turlubekov B. S., Turlubekov A. B.

PUNISHMENT IS ONE OF THE TYPES OF CRIME PREVENTION

Основной задачей пенитенциарных системы является предупреждение совершения новых преступлений осужденными к лишению свободы. Большое значение в борьбе с правонарушениями, совершаемыми осужденными в исправительных учреждениях, принадлежит соблюдению принципа неотвратимости наказания и своевременности привлечения к уголовной ответственности.

Кроме этого в предупреждении преступлений важное место занимает социальная профилактика, которая представляет собой систему социально-экономических, организационных, правовых и воспитательных мероприятий.

Ключевые слова: право, преступление, ответственность осужденных, наказание, предупреждения преступности.

The main task of the penitentiary system is to prevent the Commission of new crimes by convicts to deprivation of liberty. The principle of inevitability of punishment and timeliness of criminal prosecution is of great importance in the fight against offences committed by convicted persons in correctional institutions. In addition, social prevention plays an important role in crime prevention, which is a system of socio-economic, organizational, legal and educational measures.

Keywords: law, crime, responsibility of convicted persons the punishment, prevention of crime.

В структуре преступности в колониях значительную долю составляют уклонения от отбывания лишения свободы. Это обстоятельство требует глубокого изучения криминальных и уголовно-правовых аспектов предупреждения преступлений данного вида.

Обстановка в ИТУ в последние годы существенно осложнилась. Экономический кризис оказал влияние на состояние законности в них.

Одной из задач исправительных колоний является недопущение совершения новых преступлений. Поэтому важную роль в предупреждении преступлений занимает социальная профилактика, которая представляет собой систему организационных, правовых и воспитательных мероприятий.

Ст. 199-1 УККаз ССР от 22 июля 1959 года, предусматривала уголовную ответственность не только за невозвращение лица, осужденного к лишению свободы в исправительное учреждение после краткосрочного выезда за пределы ИТУ, но и

за неявку в суд осужденного к лишению свободы, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, по истечении срока отсрочки в отличие от действующей ст.314 УК РФ, (ст.427 УК РК от 2014г.) [1 с. 841]

Общественная опасность данного преступления состоит в том, что оно препятствует реализации целей наказания, нарушает непрерывность отбывания наказания как неперемennого условия достижения этих целей.

Сложность рассматриваемых составов преступления состоит, на наш взгляд, в том, что само понятие «уклонение от отбывания наказания» не раскрыто. Установление признаков данного состава преступления возможно только с учетом положений ст. ст. 314.1. УК РФ, (ст. 72 УК РК); 173.1. УИК РФ, (171 УИК РК), ст.398 УПК РФ (ст. 475 УПК РК). [3,4,2]

Так как диспозиция ст. 314 УК РФ (427 УК РК) бланкетная, то в ее содержание входят названные нормы, поскольку условия уголовной ответственности за совер-



шение этого деяния содержатся не только в этих статьях (427 УК РК), но и в этих нормах. [3,4]

Представляется необходимым рассмотреть отдельно составы видов уклонения от наказания.

1. Лицом, которому разрешен краткосрочный выезд, по истечению срока выезда.

2. Лицом, которому предоставлена отсрочка исполнения приговора суда или отбывания наказания, по истечению отсрочки.

Уклоняясь, осужденный посягает не только на нормальную деятельность исправительного учреждения по реализации целей наказания (как непосредственный объект), но и причиняет существенный вред осуществлению правосудия (родовой объект)

Для признания в действиях осужденного состава преступного деяния следует установить, уважительны ли причины неявки к установленному сроку в места отбывания наказания.

Состав преступных действий характеризуется продолжительностью и при применении амнистии и срока давности к этим деяниям необходимо точно установить начало и конец их совершения.

Таким образом, по характеру объективной стороны рассматриваемые преступления являются следующими.

Субъект уклонения от наказания, обладая всеми общими признаками, характеризующие его как специального субъекта преступления.

Данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Это настойчивое стремление виновного уйти от выполнения требуемых действий, избежать выполнения лежащих на нем обязанностей, которое всегда носит преднамеренный, целеустремленный характер.

Мы считаем, что такой подход в квалификации уклонения от отбывания не оправдан, поскольку незнание закона не освобождает от ответственности.

Таким образом, осужденный, будучи предупрежден об ответственности, уклоняясь от отбывания наказания, сознает, что без уважительной причины не возвращается в места лишения свободы, ему понятен общественно опасный характер своих действий, он желает их совершить, преследуя цель уклониться от наказания.

Волевой момент умысла в анализируемом составе направлен не на последствия, а непосредственно на деяние, т.е. собственно на уклонение. При решении вопроса о содержании волевого момента умысла мы также исходим из органиче-

ского единства фактического и социального свойства деяния.

Если осужденный совершает уклонение, сознавая его социальный характер, это значит, что он желает его допустить.

В том случае, если он не желает, чтобы его деяние имело известный, признаваемый им социальный характер, он не избегал бы возвращения в исправительное учреждение.

Поэтому конкретным содержанием волевого элемента умысла исследуемого состава уклонения является желание совершить общественно опасное деяние, социальная сущность которого отражена в сознании субъекта.

А это подтверждает точку зрения, что уклонение, ответственность за которое предусмотрена ст. 314 УК РФ (427 УК РК), как и большинство других преступлений, с формальными составами.

В общей теории права получила распространение точка зрения, что уголовное право лишено самостоятельного предмета регулирования, что общественные отношения регулируются другими отраслями права (государственным, административным, гражданским), а уголовное право лишь охраняет эти отношения, будучи образным средством их обеспечения. [7с.2]

В деятельности исправительных учреждений часто происходит подмена уголовной ответственности дисциплинарной за такие преступления, как побег из места лишения свободы, из-под ареста или стражи, уклонения от отбывания лишения свободы, а также за другие преступления, не имеющие смежных составов среди проступков

Субъектом преступления могут быть осужденные, которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора в порядке ст.398 УПК РФ (ст. 475 УПК РК), или женщины, которым были предоставлены отсрочки, отбывания наказания в порядке, предусмотренном в ст. 82 УК РФ, (74 УК РК); 177 УИК РФ (ст.162 УИК РК). [3,4;5,6]

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Итак, непосредственный объект уклонения представляет собой общественные отношения, обеспечивающие деятельность по осуществлению и достижению целей правосудия органов или отдельных его звеньев, функции которых охраняются уголовным законом.

Объективная сторона определяется как уклонение от отбывания осужденным, которому разрешен выезд из исправительного учреждения.



Момент окончания преступления наступает после задержания осужденного либо после явки с повинной.

При назначении наказания целесообразно пользоваться правилом полного сложения наказаний.

В качестве аргумента в пользу признания специальной ответственности осужденных является также утверждение о том, что субъектами дисциплинарной ответственности становятся по свободному волеизъявлению (при поступлении на работу, при избрании его судьей и т.п.), субъектами же специальной ответственности - путем общественно порицания в результате совершения преступления и осужденных за него к определенному наказанию. [8с.12]

Основные различия специальной ответственности осужденных от дисциплинарной авторы вышеуказанных точек зрения видят не только в самом содержании

этой ответственности, а также в порядке его реализации. На их взгляд, специфика уголовно-исполнительной ответственности определяется характером правоотношений, возникающих в связи нарушением режима. Отмечаются отличительные особенности этих правоотношений:

- они возникают при исполнении наказания;
- регулируется нормами уголовно-исполнительного законодательства;
- субъекты уголовно-исполнительных правоотношений наделены особыми правами и обязанностями;
- уголовно-исполнительные правоотношения основываются не на равенстве их субъектов, а на обязательной подчиненности лиц отбывающих наказание администрации исправительного учреждения и отличаются принудительным характером.

Литература

1. Борчашвили И.Ш. Комментарий к УК РК – Караганда, 1999г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РК от 04.07.2014г
3. Уголовный кодекс РФ от 02.08.2019 г.
4. Уголовный кодекс РК от 05.07.2014г
5. Уголовно- исполнительный кодекс РФ от 27.12.2018г.
6. Уголовно- исполнительный кодекс РК от 5.07.2014г
7. Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. - М.. Институт государства и права РАН. 1996.
8. Калпина Н.В. Материальная ответственность за ущерб, причиненный предприятиям. - Куйбышев, 1990.

References

1. Borchashvili I.SH. Kommentariy k UK RK – Karaganda, 1999g.
2. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RK ot 04.07.2014g
3. Ugolovnyy kodeks RF ot 02.08.2019 g.
4. Ugolovnyy kodeks RK ot 05.07.2014g
5. Ugolovno- ispolnitel'nyy kodeks RF ot 27.12.2018g.
6. Ugolovno- ispolnitel'nyy kodeks RK ot 5.07.2014g
7. Kriminologicheskiye i ugolovno-pravovyye idei bor'by s prestupnost'yu. - M.. Institut gosudarstva i prava RAN. 1996.
8. Kalpina N.V. Material'naya otvetstvennost' za ushcherb, prichinenny predpriyatyam. - Kuybyshev, 1990.

ТУРЛУБЕКОВ Батырхан Салимович, кандидат юридических наук, профессор Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. 110000, Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47. E-mail: bturlubekov@mail.ru

ТУРЛУБЕКОВ Арман Батырханович, магистр юридических наук, докторант юридического факультета Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова. 110000, Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47. E-mail: bturlubekovarman@mail.ru

TURLUBEKOV Batyrkhan, candidate of Law, Professor of Kostanay State University named after A. Baitursynova. 110000, Kazakhstan, Kostanay, st. Baitursynova, 47. E-mail: bturlubekov@mail.ru

TURLUBEKOV Arman, master of Law, doctoral student of the Faculty of Law of Kostanay State University named after A. Baitursynova. 110000, Kazakhstan, Kostanay, st. Baitursynova, 47. Email: bturlubekovarman@mail.ru



Ковалева Н. С.

СОВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕНЩИН В РОССИИ

Kovaleva N. S.

CURRENT CHARACTERISTICS OF CRIME OF MINORS WOMEN IN RUSSIA

В условиях кризисных явлений в экономике исследуются проблемы, связанные с фактическим состоянием преступности несовершеннолетних женщин. В статье рассмотрены основные аспекты преступности несовершеннолетних женского пола в Российской Федерации: приводится динамика показателей преступности несовершеннолетних женщин за 5 лет (с 2014 по 2019 г.), анализируются количественные показатели преступлений, которые чаще всего совершают несовершеннолетние девушки, рассматриваются особенности, характеризующие подростковую женскую преступность, уделяется внимание женской рецидивной преступности. На основании анализа статистических данных выявлены особенности данного вида преступности, а также отмечена тенденция роста криминальной активности несовершеннолетних женского пола.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние девушки, структура, показатели, латентность, рецидив.

In the conditions of crisis in the economy, problems related to the actual state of crime of minor women are investigated. The article considers the main aspects of juvenile delinquency in the Russian Federation: the dynamics of juvenile delinquency indicators for 5 years (from 2014 to 2019) is given, quantitative indicators of crimes that are most often committed by underage girls are analyzed, and features that characterize juvenile delinquency, attention is paid to female recidivism. Based on the analysis of statistical data, the features of this type of crime are revealed, as well as a tendency to increase the criminal activity of female minors.

Keywords: crime, minor girls, structure, indicators, latency, relapse.

Основной характеристикой личности преступника выступает его возраст. Ведь каждое преступление будет квалифицироваться по-разному в зависимости от возраста обвиняемого. Таким образом, определение возраста является первоочередным моментом при квалификации преступления.

Так, по мнению Б.Б. Казака и А.И. Ушатикова «Некоторые преступления свойственны преимущественно тому или иному возрасту» [1, с. 21]. Однако, они считают, что возраст не является причиной преступлений, одновременно возраст связан с характером преступления и криминальной активностью человека.

Также, возраст является показателем совокупности социальных изменений личности с учетом прошедшего времени. Помимо физиологических изменений с

возрастом человек приобретает различные социальные качества: привычки, характер, способность действовать в той или иной ситуации.

С возрастом изменяются потребности, жизненные приоритеты, цели, круг интересов, привычки, политические, религиозные и социальные взгляды, появляется определенный жизненный опыт, способность совершить те или иные поступки, в том числе и преступления.

Необходимость возрастной периодизации для лиц, совершивших преступления вызвана, в первую очередь неэффективностью системы исполнения наказания. Об этом свидетельствуют данные об увеличении уровня рецидивной преступности. Так, по итогам 2019 года в исправительных колониях содержалось 249,999 лиц, осужденных к лишению свободы второй и более

95

Уголовно-правовая
доктрина





раз, что на 10 % процентов больше чем 10 лет назад. При этом в 20 – 25 лет рецидивист имеет уже две – три судимости, в 25 – 30 лет человек уже судим четыре раза, после 30 лет всё чаще встречаются личности, судимые 5 и более раз [2].

Исходя из анализа приговоров, мы выявили средний возраст преступника-рецидивиста – 37,3 года. Столь зрелый возраст объясняется истечением определенного времени с момента отбывания наказания за первое преступление до следующего осуждения уже за новое уголовно наказуемое деяние.

Исходя из данных, приведенных данных, следует отметить, что на момент проведения исследования численности рецидивистов, отбывающих наказание исправительных учреждениях, преимущественную часть осужденных, повторно отбывающих наказание в виде лишения свободы, занимают лица в возрастной группе – от 26 до 50 лет (около 87 %). Лиц в возрасте до 26 лет было всего 12,5 %.

Но если мы обратим внимания на возраст, когда преступник впервые совершил общественно опасное деяние, то появляются данные не по такому зрелому возрасту. Так каждый второй рецидивист свое первое преступление в возрасте до 18 лет, до 26 лет эта цифра уже возрастает до 90 %. Это говорит о том, что именно в юном возрасте личность наиболее подвержена внешним негативным факторам, криминальной субкультуре, преступному окружению. При этом, практически все несовершеннолетние осужденные состояли на учете в органах внутренних дел.

Ссылаясь к данным Главного управления портала правовой статистики и информационных технологий Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, можно отметить, что удельный вес женщин в общем числе выявленных лиц составляет 16,2 %, за 2019 года [2]. При этом происходит «омоложение» преступности женщин: «растет криминальная активность, снижаются возрастные показатели, расширяется круг совершаемых девушками подростками преступлений, увеличивается их групповая часть, возрастает общественная опасность» [3, с. 140].

Проблема преступности несовершеннолетних женского пола приобретает особую актуальность, что обусловлено как теоретическими исследованиями, так и статистическими показателями, отражающими неуклонный рост женской подростковой преступности [4, с. 25].

Под преступностью несовершеннолетних женщин понимается совокупность преступлений и лиц, их совершивших, в возрасте от 14 до 18 лет. Статистические и иные материалы показывают, что ряд процессов, влияющих на тенденции развития преступности несовершеннолетних, имеет место и в среде младших подростков, не являющихся субъектами преступлений (10–13 лет), а также лиц молодого возраста (18–25 лет).

Обратим внимание на характеристику лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних (таблица № 1) [5].

В 2019 году число осужденных несовершеннолетних женского пола состави-

Таблица № 1

Лица, содержащиеся в воспитательных колониях для несовершеннолетних с 2014 по 2019 г.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего осужденных	1776	1683	1655	1395	1310	1155
женского пола	95	93	119	113	105	95
мужского пола	1681	1590	1536	1282	1205	1060

Таким образом, правильной будет говорить о зависимости между началом преступной жизни и последующим криминальным поведением: чем моложе будет человек, когда совершит первое преступления, тем больше вероятность того, что он будет совершать преступления вновь. С возрастом становясь всё более асоциальной либо антисоциальной личностью.

В Российской Федерации в последнее время отмечается тенденция к неуклонному росту женской преступности. Обра-

ло 95 тысяч человек, что на 9,5 % ниже, чем за аналогичный период в 2019 году (105 тысяч). При этом от общего числа осужденных несовершеннолетних девушки составляют 7,8. И что не менее важно, 12 % осужденных женского пола имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения.

М.В. Прохорова верно отмечает, что «несовершеннолетние осужденные женского пола характеризуются высокой криминогенностью в силу того, что более 50 %

отбывают наказание за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, разбой и грабеж» [3, с. 139].

Если мы обратимся к статистике за 2019 г, то большинство преступлений девушки подростки совершили по ст. 162 УК РФ – 18 тысяч, на втором месте это ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ – по 9 тысяч, и по 6 тысяч по ст. 158 УК РФ [5].

Заметим, что объект преступлений, которые наиболее часто совершаются несовершеннолетними девушками, и за которое уже назначено реальное наказание в виде лишения свободы – жизнь и здоровье человека.

Проанализировав же судебную практику, можно сделать вывод, что ещё до первого осуждения, несовершеннолетние лица женского пола успевают совершить несколько преступлений. Причины неоднократного совершения преступлений несовершеннолетними лицами женского пола, чья преступная деятельность оставалась без надлежащего реагирования со стороны государства и общества в целом, формируется вокруг такого криминоген-

ного фактора, как безнаказанность.

Таким образом, вышесказанное, составляет с осторожностью относиться к данным официальной статистики, увеличением доли несовершеннолетних преступников женского пола, до первого осуждения, несовершеннолетние лица женского пола успевают совершить несколько преступлений, не реагирование государственных органов. Все эти факты связаны с высоким уровнем латентности рецидивной женской подростковой преступности.

Для того чтобы показатели в различных структурных компонентах несовершеннолетней преступности не росли вверх, следует постоянно совершенствовать формы и способы работы правоохранительных органов, обеспечивать подобающим образом их приоритетное кадровое пополнение и материально-техническое снабжение. Большую роль уделять мерам общей и индивидуальной профилактики, применяемым правоохранительными органами в целях устранения обстоятельств и условий, способствующих преступлениям несовершеннолетних.

Литература

1. Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Пенитенциарная психология (психология тюремной среды): Учебное пособие. Рязань, 1998. 562 с.
2. Состояние преступности в России за январь-июль 2019 года [Электронный ресурс]: Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной Прокуратуры Российской Федерации// URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 17.05.2020)
3. Прокопенко, Е.А.. Криминологические взаимосвязи преступности несовершеннолетних женского пола // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №12. С. 139-143.
4. Грибанов Е. В. Преступность несовершеннолетних в контексте культуральной криминологии: монография / под науч. ред. А. В. Симоненко. Краснодар, 2017. 201 с.
5. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних [Электронный ресурс]: официальный сайт ФСИН России// URL:<http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20>

References

- 1.Kazak B.B., Ushatikov A.I. Penitentsiapnaya psixologiya (psixologiya tyupemnoy spedy): Uchebnoye posobie. Pyazan', 1998. 562 s.
- 2.Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-iyul' 2019 goda [Elektronnyy resurs]: Glavnoye upravleniye pravovoy statistiki i informatsionnykh tekhnologiy General'noy Prokuratury Rossiyskoy Federatsii// URL: <http://crimestat.ru/analytics> (data obrashcheniya 17.05.2020).
- 3.Prokopenko, Ye.A.. Kriminologicheskkiye vzaimosvyazi prestupnosti nesovershennoletnikh zhenskogo pola // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. №12. S. 139-143.
- 4.Gribanov Ye. V. Prestupnost' nesovershennoletnikh v kontekste kul'tural'noy kriminologii: monografiya / pod nauch. red. A. V. Simonenko. Krasnodar, 2017. 201 s.
- 5.Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v vospitatel'nykh koloniyakh dlya nesovershennoletnikh [Elektronnyy resurs]: ofitsial'nyy sayt FSIN Rossii// URL:<http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20> (dataobrashcheniya 17.05.2020).



КОВАЛЕВА Надежда Сергеева, аспирантка кафедры уголовного права и криминологии Челябинского государственного университета. 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129. E-mail: nmichunova@mail.ru

KOVALEVA Nadezhda, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Criminology, Chelyabinsk State University. 454001, Chelyabinsk, st. Kashirin brothers, 129. E-mail: nmichunova@mail.ru





ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.14529/pro-prava200216
УДК 342.981

ПП № 2(76)-2020. с. 99—102

Костюк М. Ф., Христенко А. А.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Kostyuk M. F., Khristenko A. A.

SOCIAL CONDITIONALITY AND PRIORITY AREAS OF FINANCIAL INVESTIGATIONS

Анализируются экономические отношения, их содержание, вызовы, угрозы, противоречия и роль финансовых расследований в их урегулировании. Исследуется социальная обусловленность и содержательная часть финансовых расследований, приоритетные направления деятельности и функции.

Ключевые слова: активы, безопасность, доказательство, мошенничество, метод, методика, капитал, конфликт, преступность, прием, противодействие, риск, расследование, финансы, функция.

The author analyzes economic relations, their content, challenges, threats, contradictions and the role of financial investigations in their settlement. The social conditionality and the substantive part of financial investigations, priority areas of activity and functions are investigated.

Keywords: assets, security, evidence, fraud, method, methodology, capital, conflict, crime, admission, counteraction, risk, investigation, finance, function.

Экономические отношения, содержанием которых являются отношения, складывающиеся между людьми при производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ, приобретают все более разнообразные формы, постоянно совершенствуются и развиваются. Появляются новые способы расчетов, увеличиваются активы и движение капитала, расширяется инфраструктура, унифицируется финансовая отчетность, происходят другие процессы, большинство из которых имеет возможность оказывать двустороннее воздействие на экономические отношения, в т.ч. создающие угрозу экономической безопасности. Наряду с этим актуализируется развитие негосударственных инструментов воздействия на эти процессы.

Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в финансовой сфере. В числе ее основных

угроз называется усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе [1]. Следует, также, учитывать тенденции современной преступности, где преобладает рост преступлений против собственности, в т.ч. совершенных путем обмана или злоупотребления доверием [2]. При этом решающую роль играют отношения собственности, складывающиеся на стадии производства. Они, как правило, основаны на взаимной выгоде, добровольном волеизъявлении и равноправии субъектов. Это проявляется, прежде всего, при заключении и исполнении договоров. Ущемление каких-либо прав или интересов сторон негативно сказывается на деловом партнерстве и сотрудничестве, является предпосылкой возникновения конфликтных ситуаций.

Происходящие в экономической сфере процессы имеют разное содержание и различную направленность, оказывают существенное влияние на все сферы жизни общества, его социальную стабиль-

99

Гражданское и уголовное
судопроизводство





ность. Ситуация усугубляется, если в этой сфере деятельности преобладают эгоизм и корыстная мотивация преступного поведения, использование профессиональных навыков, знаний, опыта экономической деятельности для маскировки своего противоправного поведения под легальные сделки и т.п. Это ведет к недобросовестной конкуренции, совершению правонарушений. Принятию в таких условиях правильных управленческих решений, направленных на сохранение и развитию бизнеса, предотвращение моральных и материальных издержек, способствует наличие объективной информации о субъектах экономических отношений, их деловой репутации, финансовом состоянии благополучии, качестве предоставляемых услуг и т.п.

Минимизации рисков в сфере экономических отношений способствуют финансовые расследования, спрос на которые будет возрастать, а круг расследуемых вопросов расширяться по мере роста злоупотреблений в экономической деятельности, изощренности способов и схем мошеннических действий и иных противоправных деяний.

Финансовые расследования рассматриваются нами как понятие публично-правовое, содержанием которого является исследование финансовых аспектов противоправного функционирования хозяйствующего субъекта, выражающееся в анализе и сборе информации о финансово-хозяйственной деятельности, касающейся спорных ситуаций в финансовых, правовых и иных отношениях, связанных с риском и принятием управленческих решений, выявлением и предупреждением противоправных действий [3, С. 89].

Это самостоятельная сфера научной и практической деятельности, где используются экономические знания противодействия преступности с финансовой составляющей. Свою результативность в этой сфере проявили финансово-аналитические и иные экспертизы, способствующие установлению обстоятельств, имеющих значение для расследования финансовых правонарушений путем применения результатов науки и техники. Действенными являются рекомендации по осуществлению взаимодействия структурных подразделений МВД РФ с банковским сектором по выявлению, документированию и расследованию финансовых правонарушений и др.

Содержательная часть финансовых расследований проявляется в реализации характерных им функций. К числу приоритетных для финансовых расследований относится, прежде всего, исследователь-

ская функция, с присущими ей способами и приемами, направленными на получение знаний изучаемого экономического процесса. Затем следует организационно-управленческая функция, ориентированная на выявление и устранение противоправных деяний в исследуемой сфере. Это сложный мотивированный процесс организации, планирования и контроля для достижения поставленных целей.

Эффективное проведение финансовых расследований невозможно без разработки научно обоснованных методик и их апробации на практике с использованием различных приемов. Метод рассматривается, во-первых, как способ теоретического исследования или практического осуществления. Во-вторых, как способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием [4, С. 353]. При этом методика воспринимается как наука о методах преподавания и как совокупность методов обучения чего-нибудь, практического выполнения чего-нибудь [4, С. 353]. Метод финансовых расследований отличается сочетанием целенаправленных действий по выявлению финансовых правонарушений, являющихся основанием его проведения.

Совокупность тактических и организационных приемов, отличающихся системным подходом применения юридических и экономических знаний, характеризуют методику финансовых расследований. Этот процесс характеризуется комплексным, планомерным подходом всестороннего и полного изучения обстоятельств совершенного правонарушения, выявлением рисков финансово-хозяйственной деятельности и иных негативных явлений.

Методика расследования конкретных видов финансовых правонарушений базируется на общей (базовой) методике с присущей ей целью (конечный результат), предметом (основание) и субъектом. В ней содержатся рекомендации по расследованию конкретных видов финансовых правонарушений. Механизм совершения финансовых правонарушений отличается своей индивидуальностью, но имеет общие, присущие им свойства. Это касается мотивации, способа и обстановки совершения правонарушений, данных о личности правонарушителя и т.п.

В процессе выборочного исследования деятельности консалтинговых компаний города Москвы, оказывающих услуги в проведении финансовых расследований, выявлен приоритет запросов обратившихся за помощью лиц. Это, во-первых, новые совладельцы компании с целью проверки деятельности прошлого менеджмента (действовали ли они в рамках правового

поля, злоупотребление должностными полномочиями, на предмет аффилированности с контрагентами компании). Во-вторых, действующий менеджмент для проверки благонадёжности своих контрагентов, для выяснений обстоятельств возникновения конфликтов (дебиторской задолженности, оценки платежеспособности контрагента, вероятность возмещения ущерба и привлечение к ответственности в других юрисдикциях). В - третьих, государственные органы и компании с государственным участием с целью проверки и контроля целевого расходования бюджетных средств в рамках финансирования деятельности компаний, проектов и т.д.

Определены приоритетные направления финансовых расследований. К их числу относится расследование мошенничества. Содержательная часть этой деятельности состоит в следующем:

- выявление подозрительных операций, направленных на вывод активов. Под активами понимается совокупность имущества и денежных средств, принадлежащих предприятию, фирме, компании [5, С. 18]. Наряду с этим используется понятие «капитал». В широком смысле капитал рассматривается как сумма благ в виде материальных, интеллектуальных и финансовых средств, используемых в качестве ресурса в целях производства большего количества благ. [6, С. 335] На уровне хозяйствующего субъекта капитал рассматривается как общая стоимость инвестированных в формирование активов средств в денежной, материальной и нематериальной форме [7, С. 120].

Вывоз капитала осуществляется в предпринимательской форме (прямые и портфельные инвестиции) и в форме ссудного капитала (наличная валюта, банковские депозиты, кредиты и займы) [8, С. 272];

- анализ целевого расходования денежных средств, привлекаемых объектами расследования;
- расследование незаконного присвоения активов и коммерческого подкупа;
- расследование легализации доходов, полученных преступным путем и мошенничества с финансовой отчетностью;
- анализ благонадёжности контрагентов, выявление конфликта интересов и анализ бизнес профилей физических и юридических лиц;
- анализ целевого использования денежных средств, выявление признаков преднамеренного банкротства;
- оценка экономической эффективности и обоснованности отдельных, и соответствия их условий рыночным;
- проверка реальности сделок и фак-

тического исполнения заключенных договоров и пр.

Самостоятельным направлением финансовых расследований является содействие в конфликтных ситуациях в рамках исполнения договора. Сюда входит:

- помощь в определении суммы экономического ущерба и задолженности с учетом штрафных санкций согласно договору;
- сбор доказательной базы, необходимой для эффективного разрешения сложных коммерческих споров;
- консультирование в отношении финансовых аспектов договоров и сделок;
- подготовка независимого экспертного мнения/отчета для последующего представления в суд в качестве доказательства неправомερных действий менеджмента/сотрудников или иных ответственных лиц. Материалы, подготовленные по результатам проведенного исследования, используются в судах и в ходе переговоров в рамках досудебного урегулирования, а также, при необходимости, направляются в правоохранительные органы.

Весьма востребованной является корпоративная разведка. Теоретическую ее основу представляет общее понятие «разведка», определяемое как «обследование чего-нибудь со специальной целью» [9, С. 642]. Видовым понятием является «аналитическая разведка», которая отражает деятельность, связанную с исследованием систем, объектов, процессов, событий, мероприятий на основе уже имеющейся информации [10, С. 29].

Корпоративная разведка включает, прежде всего, следующие виды деятельности:

- проведение комплексной проверки на репутационные, санкционные и иные риски контрагентов, сотрудников и кандидатов при трудоустройстве, а также объектов инвестиций и объектов слияния и поглощения;
- поиск активов в России и за рубежом;
- содействие при проведении корпоративных расследований или участия в судебных и внесудебных разбирательствах и др.

Результативность деятельности по декриминализации экономических отношений зависят от решения приоритетных задач противодействия криминальному угрозам, совершенствования механизма обеспечения экономической и финансовой безопасности, взаимодействия государственных органов, общественных организаций, консалтинговых компаний, иных субъектов этой сфере.





Литература

1. Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, N 20, ст. 2902.
2. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности за январь-декабрь 2019 года / https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf
3. Костюк М.Ф. Роль финансовых расследований в профилактике финансовой преступности // Евразийская адвокатура. – № 1 (44) 2020.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997.
5. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2017.
6. Экономика: учебник / Под ред. д-ра экон. наук проф. А. С. Булатова. 5-е изд., стереотипн. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012.
7. Морозко Н.И., Диденко И.Ю. Финансовый менеджмент: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2014.
8. Финансовая безопасность. Финансовые расследования : учебное пособие / под ред. А. Г. Хабибулина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Московского университета, 2020.
9. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997.
10. Финансовая разведка: учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2014.

References

- 1.Sobraniye zakonodatel'stva RF, 15.05.2017, N 20, st. 2902.
- 2.Glavnoye upravleniye pravovoy statistiki i informatsionnykh tekhnologiy. Sostoyaniye prestupnosti za yanvar'-dekabr' 2019 goda / https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf
3. Kostyuk M.F. Rol' finansovykh rassledovaniy v profilaktike finansovoy prestupnosti // Yevraziyskaya advokatura. – № 1 (44) 2020.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. – 4-ye izd., dop. – M.: Azbukovnik, 1997.
5. Rayzberg B.A., Lozovskiy L.SH., Starodubtseva Ye.B. Sovremennyy ekonomicheskii slovar'. 6-ye izd., pererab. i dop. M.: Infra-M, 2017.
6. Ekonomika: uchebnik / Pod red. d-ra ekon. nauk prof. A. S. Bulatova. 5-e izd., stereotipn. M.: Magistr: INFRA-M, 2012.
7. Morozko N.I., Didenko I.YU. Finansovyy menedzhment: uchebnoye posobiye. M.: INFRA-M, 2014.
8. Finansovaya bezopasnost'. Finansovyye rassledovaniya : uchebnoye posobiye / pod red. A. G. Khabibulina. — 2-ye izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2020.
9. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-ye izd., dopolnennoye. – M.: Azbukovnik, 1997.
10. Finansovaya razvedka: uchebnoye posobiye. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014.

КОСТЮК Михаил Фёдорович, профессор кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. 119992, г. Москва, ул. Воробьевы горы, МГУ. E-mail: kost-mf@yandex.ru

ХРИСТЕНКО Ангелина Андреевна, старший эксперт отдела расследования мошенничества и содействия в спорных ситуациях – Forensics&Integrativeservices. 115035, Москва, Садовническая набережная, дом 77, строение 1. E-mail: Angelina.Khristenko@ru.ey.com

KOSTYUK Mikhail, Professor, Department of Economic and Financial Investigations, Higher School of State Audit (Faculty), Moscow State University Lomonosova, Doctor of Law, Professor. 119992, Moscow, st. Sparrow Hills, Moscow State University. E-mail: kost-mf@yandex.ru

KHRISTENKO Angelina, senior expert of the department for investigation of fraud and assistance in disputed situations - Forensics & Integrative services. 115035, Moscow, Sadovnicheskaya embankment, house 77, building 1. E-mail: Angelina.Khristenko@ru.ey.com

Абрамова Л. Л.

ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ АКТА О НАЧАЛЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Abramova L. L.

HYPERBOLIZATION OF THE ACT OF THE COMMENCEMENT OF PRELIMINARY INVESTIGATION AS A NEGATIVE FACTOR TO THE REALIZATION OF A STAGE OF A CRIMINAL CASE

В статье автор возвращается к обсуждению вопроса о необходимости оформления акта о возбуждении нового уголовного дела по признакам дополнительно выявленного преступления или вновь установленного лица при расследовании «основного» дела. На основе анализа правоприменительной практики демонстрируется неэффективность действующего процессуального механизма начатия уголовного производства, когда выполняется ряд формальных процедур. В содержании статьи последовательно проанализированы правовые позиции Верховного и Конституционного Судов РФ, положения ретроспективного и действующего уголовного-процессуального законодательства, отдельные аспекты ведомственного регулирования, мнения авторитетных ученых, позиции практических работников. На основании приведенных доводов формулируется тезис о том, что причины такого положения сложились исторически и обусловлены гиперболизацией значения акта о начале предварительного расследования в современном законодательстве и правоприменительной практике. Указанное крайне негативно отражается на эффективности уголовного судопроизводства – в целом, не способствует реализации задач стадии возбуждения уголовного дела – в частности. Автор акцентирует внимание на том, что институт возбуждения уголовного дела и привлечения к уголовной ответственности не должны уравниваться. В постановлении о возбуждении уголовного дела может приводиться первоначальная, гипотетическая квалификация совершенного деяния, что не должно создавать препятствий для «отработки» лица в рамках одного производства на причастность к совершению нескольких однородных деяний и впоследствии предъявлению в рамках одного дела единого обвинения.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, начало производства по уголовному делу, основание для возбуждения уголовного дела, выявление нового преступления.

In the article, the author returns to the discussion of the need to formalize an act on the initiation of a new criminal case on the grounds of an additional detected crime or a newly established person during the investigation of the "main" case. Based on the analysis of law enforcement practice, the inefficiency of the current procedural mechanism for initiating criminal proceedings when a number of formal procedures are performed is demonstrated. The content of the article consistently analyzes the legal positions of the Supreme and constitutional Courts of the Russian Federation, the provisions of retrospective and current criminal procedure legislation, certain aspects of departmental



regulation, the opinions of authoritative scientists, and the positions of practitioners. Based on these arguments, the thesis is formulated that the reasons for this situation have developed historically and are due to the hyperbolization of the meaning of the act on the beginning of a preliminary investigation in modern legislation and law enforcement practice. This has an extremely negative impact on the effectiveness of criminal proceedings in General, and does not contribute to the implementation of the tasks of the criminal case initiation stage in particular. The author focuses on the fact that the institution of criminal proceedings and criminal prosecution should not be equated. The decision to initiate a criminal case may contain an initial, hypothetical qualification of the committed act, which should not create obstacles to the "testing" of a person in one proceeding for involvement in the Commission of several similar acts and subsequently the presentation of a single charge in one case.

Keywords: initiation of criminal proceedings, commencement of criminal proceedings, grounds for initiation of criminal proceedings, detection of a new crime.

Отправной точкой написания настоящей статьи послужило обращение сотрудников следственных подразделений об оценке обоснованности постановления прокурора о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования. Обосновывая своё решение, прокурор указал, что в ходе производства по уголовному делу выявлены дополнительные фактические обстоятельства о преступной деятельности лица, в связи с чем имелась необходимость вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела.

Для уяснения сущности проблемы, заметим, что являющееся предметом дискуссии уголовное дело возбуждено следователем по признакам преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, по факту покушения на незаконный сбыт наркотического средства определенной массой, для удобства обозначим её – масса № 1. (Подробные сведения по уголовному делу в тексте статьи намеренно не приводятся в целях неразглашения данных предварительного расследования, так как окончательное решение по делу не принято). В ходе расследования обвиняемый при проведении проверки показаний на месте сообщил о том, что у него изъята не вся масса наркотического средства. И в дальнейшем указал место, где им хранилась масса № 2, которая была впоследствии изъята сотрудниками. При допросе обвиняемый пояснил, что массу № 1 и № 2 приобрел одновременно, намереваясь впоследствии незаконно сбыть в несколько приемов. Учитывая фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о наличии у лица единого умысла на незаконный сбыт всей массы, в соответствии с принципом субъективного вменения, где в качестве основного критерия разграничения ориентируются на субъективную сторону состава престу-

пления, органом предварительного расследования описанные выше события были квалифицированы, как единое продолжаемое преступление, а именно, как покушение на незаконный сбыт в несколько приемов массы № 1 и № 2 наркотического средства. При этом, надзирающим прокурором квалификация действий лица как единое продолжаемое преступление не оспаривалась. Вместе с тем, он полагал, что органами предварительного расследования по уголовному делу допущены нарушения уголовно-процессуального законодательства. В частности, не возбуждено новое уголовное дело по факту покушения на незаконный сбыт массы № 2, вследствие чего предварительное расследование и предъявление обвинения лицу по данному факту осуществлялось по невозбужденному уголовному делу. По мнению прокурора, следователю надлежало выделить и возбудить из «основного» новое уголовное дело, после чего соединить их в одно производство. На аргументы следствия об искусственном «задваивании» статистических показателей прокурором предложено после соединения дел выставить статистические карты о снятии с учета вновь возбужденного дела по факту покушения на сбыт массы № 2. Воззвание к требованиям процессуальной экономии, об отсутствии нарушений чьих-либо прав также не были приняты во внимание.

Отметим, что вопрос целесообразности возбуждения нового уголовного дела в случае, когда в ходе расследования «основного» дела, возбужденного в отношении лица, установлен еще один или несколько соучастников, или в случае выявления дополнительных эпизодов преступной деятельности, на протяжении многих лет не раз становился предметом дискуссии в научных кругах [14; с. 103-105; с. 54-59; 35-36]. Нет единомыслия и



среди сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, о чем свидетельствует неординарная судебная практика.

Со своей стороны, попытаемся дать принципиальную оценку, выяснить причины сложившегося положения и сделать необходимые выводы.

Решая задачи настоящего исследования представляется необходимым обратиться к следственно-судебной практике 1) периода СССР; 2) периода действия УПК РСФСР и начального этапа действия УПК РФ, 2) современного периода.

Говоря о первом этапе, приведем мнение Пленума Верховного Суда СССР, изложенное в постановлении «О судебном приговоре» [1]. Высший судебный орган разъяснял, что возможна переквалификация судом действий подсудимого и вынесение обвинительного приговора судом не по одной ранее предъявленной статье, а по двум статьям УК, если такая переквалификация по новой статье закона существенно не отличается по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому он был предан суду и если изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту. Тем самым, констатируя право на изменение обвинения в суде, признавая возможную переквалификацию действий судом с вменением дополнительных эпизодов, законодатель, да и правоприменитель того времени, на наш взгляд, адекватно оценивал назначение и правовое воздействие досудебных стадий уголовного процесса, определяя данную органами предварительного расследования квалификацию, как предварительную, первоначальную. Разумеется, не освобождая следственные органы от обязанности установления фактических обстоятельств по делу.

В обозначенный второй промежуток времени, при выявлении в ходе расследования по «основному» уголовному делу признаков нового преступления вынесения нового постановления о возбуждении уголовного дела не требовалось. При этом, в своих решениях Верховный суд РФ разъяснял, что нормы уголовно-процессуального законодательства не устанавливают строгой обязанности органов предварительного расследования выносить постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлен еще один соучастник, либо будут установлены другие преступные факты [2]. В практическом аспекте деятельность следователя строилась следующим образом. Если при

расследовании уголовного дела появлялись данные о совершении подозреваемым или обвиняемым новых преступлений, следователь при условии получения достаточных доказательств, предъявлял новое обвинение лицу с учетом дополнительно выявленных эпизодов. При этом в целях обеспечения достоверной и объективной статистической отчетности о состоянии преступности, выставлялись статистические карточки формы № 1 на дополнительно выявленные преступления. Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, концентрировалась в рамках одного уголовного дела. Не требовалось формально выделять-копировать материалы для нового уголовного дела. Не нужно было выносить новое постановление о возбуждении уголовного дела, а далее соединять данные уголовные дела, вновь принимать соединенное уголовное дело к производству и т.п. Другими словами у следователя не было необходимости производить массу формальных процедур, свойственных современному этапу.

Анализ сегодняшней правоприменительной практики показывает, что нередко в рамках уголовного дела одни и те же материалы содержатся в двух и более экземплярах. Требование выносить постановление о возбуждении уголовного дела по каждому установленному эпизоду преступной деятельности приобрело характер безоговорочного правового установления. Таким образом, в механизме начатия производства по уголовному делу произошла своего рода конверсия.

Сравним требования ретроспективного и ныне действующего УПК. По смыслу закона, органам предварительного расследования при наличии повода и основания предписано возбудить уголовное дело, о чем вынести письменное постановление. Об этом гласил ст. 109, 112 УПК РСФСР и в настоящее время ст. 140, 146 УПК РФ. Можем наблюдать, что нормы, касающиеся поводов, оснований и порядка возбуждения уголовного дела с принятием нового УПК кардинально не изменились. За исключением того, что не стало в действующем законе нормы аналогичной статье 3 УПК РСФСР, согласно которой на суд, прокурора, следователя и орган дознания была императивно возложена обязанность в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления.

Некоторые коррективы были внесены в формулировки, касающиеся изменения





и дополнения обвинения. Так, ст. 154 УПК РСФСР предполагала, что в случае возникновения при производстве предварительного следствия оснований для изменения предъявленного обвинения или для его дополнения, следователь обязан предъявить обвиняемому новое обвинение. В действующем же УПК РФ ч. 1 ст. 175 изложена таким образом, что требует при появлении оснований для изменения предъявленного обвинения, выносить новое постановление, которое предъявляется обвиняемому. Но заметим, что в тексте ч. 1 ст. 175 УПК РФ не упоминается теперь о возможности «дополнения обвинения» его перепредъявлением, при том что название статьи по-прежнему звучит как «изменение и дополнение обвинения...».

Очевидно законодатель намеренно исключил возможность перепредъявления обвинения без возбуждения нового уголовного дела, при необходимости дополнения обвинения. Тем самым нормативное регулирование института привлечения в качестве обвиняемого было коррелировано с императивным установлением – возбуждать каждый раз новое уголовное дело по факту дополнительно выявленного преступления или при установлении нового лица, совершившего расследуемое преступление.

Однако нормы действующего УПК РФ, составляющие институт возбуждения уголовного дела, нельзя признать совершенными. Можно с уверенностью утверждать, что они не позволяют уяснить сущность и значение стадии возбуждения уголовного дела. В них не содержится положений, которые подтверждают или опровергают необходимость возбуждения уголовного дела по каждому эпизоду преступной деятельности, выявленному в ходе предварительного расследования обстоятельств основного преступления [16; с. 4]. Да, в статье 21 УПК РФ законодатель говорит об обязанности осуществления уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, лежащей на прокуроре, следователе и дознавателе. И в каждом случае обнаружения признаков преступления они должны принимать меры по установлению события преступления, изобличению виновных в совершении преступления. Статья 140 УК РФ содержит поводы и основание для возбуждения уголовного дела. Положения статьи 146 УПК РФ гласят о том, что при наличии повода и основания орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следова-

тель в пределах компетенции возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление.

Буквальное толкование изложенных норм действительно, на наш взгляд, не предусматривает прямой обязанности органов предварительного расследования и органов дознания выносить новое постановление о возбуждении уголовного дела в каждом случае, когда по уголовному делу будет установлено, что к совершенному преступлению причастно и другое лицо, или в процессе предварительного расследования выявлено, что лицом, кроме преступления, по которому возбуждено уголовное дело, совершены и другие преступления. Тем более, учитывая, что частью 1 статьи 175 УПК РФ законодатель все же позволяет изменить обвинение (очевидно и в связи с выявлением новых эпизодов преступной деятельности) и при этом не упоминает об обязательном вынесении при этом постановления о возбуждении уголовного дела. И на первый взгляд, ситуация с предъявлением следователем обвинения по новым преступлениям выглядит правомерной.

Однако, отчасти законодатель пытается урегулировать исследуемый вопрос нормами, изложенными в статьях 154, 155 УПК РФ, где предусматривает основание и порядок выделения из уголовного дела материалов или нового уголовного дела по признакам нового преступления, не связанного с расследуемым. При наличии в выделенных материалах достаточных данных о признаках преступления должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела. Особо отметим, что выделению подлежат материалы о преступлении, не связанном с расследуемым. В противном случае, материалы выделять из уголовного дела не требуется. Солидарны с мнением П.Г. Марфицина и К.В. Муравьева, что связь между преступлениями должна осуществляться не через уголовное дело, и не обвиняемого, а именно через преступление. Таким образом, если при производстве по уголовному делу становится известно о преступлении, которое связано с деянием, по которому возбуждено уголовное дело, то выделение материалов и вынесение постановления о возбуждении уголовного дела по новому преступлению не требуется [16; с. 147-148].

Именно поэтому в период действия УПК РСФСР и на начальном этапе действия УПК РФ требований о возбуждении уголовного дела о новом преступлении, при расследовании основного дела, от

лица органов прокуратуры [9] и суда не звучало. Позиция эта поддерживалась Пленумами Верховного Суда РСФСР и СССР, указывавшими неоднократно, что «в соответствии со ст. ст. 112 и 129 УПК РСФСР, регламентирующими порядок возбуждения уголовного дела и начало производства расследования, предварительное следствие производится лишь после возбуждения уголовного дела. Однако указанные нормы уголовно-процессуального закона не предусматривают обязанности органов следствия выносить постановление о возбуждении уголовного дела в случаях, когда по делу будет установлено совершение других преступлений лицом, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело» (определение № 8-098-39 по делу Ригонина) [3].

Позиция Конституционного Суда РФ до определенного времени не расходилась с практикой Верховного Суда РФ. Например, Конституционный Суд РФ признал законным и обоснованным привлечение к уголовной ответственности депутата Законодательного Собрания г. Санкт-Петербурга А.А. Ковалева в рамках расследования уголовного дела, которое возбуждалось не в отношении данного лица [4].

Между тем, с 2006 года и по настоящее время судебная практика и правовые позиции Конституционного Суда РФ по исследуемому вопросу кардинально изменились, что продемонстрировано в ряде решений. Например, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы Яшина В.Б., Конституционный суд Российской Федерации [5] при этом пояснил, что статья 171 УПК РФ не должна рассматриваться как позволяющая органу предварительного расследования необоснованно выносить постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого без указания на обстоятельства, послужившие основанием для предъявления ему обвинения. Судом также отмечено, что стадия возбуждения уголовного дела является обязательной. Публичное уголовное преследование от имени и в интересах государства начинается актом возбуждения уголовного дела в связи с совершением преступного деяния. Данный акт знаменует начало расследования и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность. В то же время, заключает суд, уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого, а также изменять и дополнять

ранее предъявленное обвинение в связи с совершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось. Напротив, УПК РФ предполагает необходимость соблюдения общих положений статей 140, 146 и 153, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела, которое при наличии других уголовных дел о совершенных тем же лицом преступлениях может быть соединено с ними в одном производстве [6]. Установление же того, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело, относится к компетенции правоприменительных органов [7].

Аналогичные позиции озвучены и в другом решении. В содержании которого Конституционный Суд РФ императивно указывает, что оспариваемая Котковым И.В. статья 171 УПК РФ, регулирующая порядок привлечения в качестве обвиняемого, не содержит норм, позволяющих привлекать лицо к уголовной ответственности в связи с совершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось. Суд снова настаивает, что УПК РФ предполагает необходимость соблюдения общих требований его статей 140, 146 и 153, в силу которых при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, должно быть вынесено постановление о возбуждении уголовного дела. Акцентируется внимание и на том, что при решении вопроса о возбуждении нового уголовного дела правоохранные органы должны исследовать фактические обстоятельства дела и устанавливать, являются ли действия лица составной частью преступлений, по фактам совершения которых должно быть возбуждено одно уголовное дело, или они образуют самостоятельные преступления, о которых должны быть возбуждены отдельные уголовные дела.

Обобщая приведенные позиции высшего органа конституционного контроля, во всяком случае правоприменителю рекомендуется уяснить, что действующее нормативное регулирование начатия производства по уголовному делу таково, что только наличие возбужденного уголовного дела дает возможность осуществлять расследование, в том числе производить следственные действия и процес-



суальные действия, применять меры принуждения и т.п. Лишь акт возбуждения уголовного дела, является отправной точкой расследования.

Усиливает такие выводы и ведомственное нормативное регулирование [8], устанавливающее обязанность предоставления правоохранительными органами государственной объективной и достоверной статистической отчетности о преступности. В соответствии с приказом «О едином учете преступлений», учету подлежит каждое преступление (на основе его юридической квалификации по конкретной норме УК РФ), по факту совершения которого, независимо от времени его совершения возбуждено уголовное дело. В случае возбуждения уголовного дела по преступлению, выявленному в процессе расследования, осуществляются его регистрация и учет. В тексте приложений к приказу даются и наиболее частные рекомендации. Так, например предлагается учитывать как одно преступление: а) совершенное несколькими лицами в соучастии (ст. 33 УК РФ) при условии отсутствия эксцесса исполнителя; б) составные преступления, состоящие из двух или более самостоятельных деяний, описываемых диспозицией одной статьи (ее части), когда они квалифицируются как одно преступление; в) одно преступное деяние, в результате которого потерпевшими оказываются несколько лиц; г) длящееся преступление, то есть совершение одного преступного деяния в течение определенного периода времени; д) продолжаемое преступление, то есть преступление, складывающееся из ряда юридически тождественных деяний (действия или бездействия), направленных к единой цели, объединенных единым умыслом, единством объекта посягательства, возможных преступных последствий и квалифицируемых как одно преступление. И напротив, учитывать как два и более преступлений: а) совокупность преступлений - совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено (реальная совокупность - ч. 1 ст. 17 УК РФ), а также одного действия (бездействия), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ (идеальная совокупность - ч. 2 ст. 17 УК РФ); б) одновременное совершение несколькими лицами без предварительного сговора преступлений, квалифицированных по одной статье УК РФ, когда каждый участник действовал независимо от другого; в) совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом

других соучастников (эксцесс исполнителя - ст. 36 УК РФ); г) совершение двух и более тождественных преступлений, если они не являются эпизодами единого продолжаемого преступления.

При соединении двух и более уголовных дел, возбужденных по факту изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, изготовления или сбыта поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов, на основании заключений криминалистических экспертиз и проверки по федеральному учету поддельных денег, ценных бумаг и документов ЭКЦ МВД России об общности происхождения поддельных денег и документов, проходящих по разным уголовным делам, правоприменителю предлагается преступления по присоединенным уголовным делам снимать с учета. Это значит, что уголовное преследование лица будет осуществляться по одному основному делу, второе и последующие уголовные дела должны быть прекращены.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что выявление в процессе расследования по «основному» делу признаков нового преступного события, в том числе совершенного тем же подозреваемым или обвиняемым, влечет необходимость решения вопроса о возбуждении нового уголовного дела. Вынесения нового постановления о возбуждении дела не требуется только в том случае, если вновь обнаруженное преступное деяние является составной частью преступлений, по которым ранее уже возбуждено уголовное дело. Но трудность в том, что на практике сложно определить, являются ли инкриминируемые лицу действия составной частью преступления, по поводу которого было возбуждено «основное» уголовное дело, или они образуют самостоятельное преступление, относительно которого должно быть возбуждено новое уголовное дело. Как пишет К.Б. Калиновский, в таком случае необходимо руководствоваться пространственно-временными признаками тех событий, которые описаны в постановлении о возбуждении «основного» уголовного дела. Также учитывать общность родового объекта посягательства, круг пострадавших, настаивающих на отдельном рассмотрении их заявлений о совершении преступлений [13; с. 5-8].

Исходя из озвученной позиции, в случае послужившем предметом настоящей дискуссии, требования прокурора о возбуждении нового уголовного дела по факту совершения деяния, являвшегося составной частью одного продолжаемого преступления, несостоятельны.



Как видим, правоприменителю крайне непросто прийти к однозначным выводам, поскольку уголовно-процессуальный закон действительно не способен предусмотреть и разграничить все практические ситуации, когда факт преступного деяния может быть выявлен в ходе уже возбужденного производства.

Изложенные неопределенности не способствуют эффективности уголовного судопроизводства, влекут проблемы, связанные с реализацией прав граждан. Во-первых, возбуждение уголовного дела по каждому сообщению о деянии, совершенном одним лицом, может повлечь существенные нарушения прав участников уголовного судопроизводства, поскольку позволяет многократно производить одни и те же процессуальные действия, применять в отношении одних и тех же лиц меры принуждения в рамках каждого вновь возбужденного дела. Например, до соединения вновь возбужденного дела с «основным» следователь может произвести задержание лица в порядке ст. 91 УПК РФ в рамках нового уголовного дела, даже если оно уже ранее задерживалось по «основному» делу. По формальным требованиям законодатель не запрещает этого.

Во-вторых, возбуждение нескольких уголовных дел по одному преступлению, и их последующее соединение с квалификацией всех эпизодов преступной деятельности, как одного продолжаемого (длящегося) преступного деяния, влекут значительное завышение показателей статистической отчетности о состоянии преступности в стране в целом, что проявляется в искусственном увеличении количества выявленных преступлений, и негативно влияет на оценку деятельности правоохранительных органов, порождает недоверие со стороны общества, формирует негативный фон в отношении Российской Федерации на мировой арене.

В-третьих, возбуждение нескольких уголовных дел по одному продолжаемому преступлению создает излишний документооборот, нагромождение уголовного дела процессуальными решениями о его движении, что влечет путаницу в нумерации уголовных дел, исчислении сроков расследования [12; с. 116].

Нельзя не согласиться с мнением В.В. Жококаря, полагавшего, что изложенное свидетельствует о «заформализованности ряда положений УПК РФ и анахронизме мышления в части необходимости сохранения процессуального института возбуждения уголовного дела» [15; с. 20-22].

К.Б. Калиновский в качестве причин

сложившейся рассогласованности видит отсутствие в УПК Российской Федерации единой процедуры привлечения лица в качестве подозреваемого. По мнению процессуалиста, «законодателю вообще стоит отказаться от института возбуждения уголовного дела в отношении определенного лица, признав, что уголовное дело всегда возбуждается исключительно по факту обнаружения признаков преступления. Вместо этого, пишет он, необходимо более подробно регламентировать институт возбуждения уголовного преследования или привлечения к уголовному преследованию конкретных лиц (такие термины используются в части второй статьи 459 и названии статьи 23 УПК РФ), реализовав идею «предупреждения подозреваемого об обвинении – уголовном иске» по аналогии с уведомлением о подозрении, предусмотренном статьей 223.1 УПК РФ. Такое решение находится в русле учения о предпосылках уголовного преследования – условиях движения уголовного дела. Начало предварительного расследования связано с обнаружением именно события преступления, а вторая фактическая предпосылка уголовного преследования – совершение его определенным лицом – должна быть установлена на более поздних этапах производства по уголовному делу» [13; с. 5-8].

Соглашаясь с приведенными доводами, полагаем, что причины такого положения сложились исторически. Они обусловлены еще и тем, что в современном законодательстве, в актах толкования права, в правоприменительной практике акту возбуждения уголовного дела с течением времени придавалась чересчур большее значение. Данный процессуальный акт в настоящее время фактически приравнивается к привлечению лица в качестве обвиняемого. Большинство правоприменителей убеждены, что решение о возбуждении уголовного дела неизбежно влечет те же правовые последствия, что и привлечение в качестве обвиняемого. И такие выводы небеспочвенны, их формируют установленные законом требования к реабилитации и ведомственные установки (лицо считается реабилитированным в случае прекращения уголовного дела, возбуждавшегося в отношении конкретного лица).

Однако, еще М.С. Строгович отмечал, что «в ситуациях, когда уже на момент возбуждения дела имеется в виду определенное лицо, возбуждение дела и привлечение к уголовной ответственности максимально сближаются, но все же не совпадают. Если лицо, совершившее пре-





ступление, неизвестно, то возбуждение дела может быть произведено только в отношении факта преступления. В случае если лицо установлено, его привлечение к уголовной ответственности состоится непосредственно вслед за возбуждением дела» [10; с. 11-12].

Все сказанное приводит нас к выводу о том, что острота вопроса состоит в переоценке значения первоначальной стадии уголовного процесса. Проблематика может быть снята при искоренении распространённого мнения о том, что принятие решения о возбуждении дела причисляется к числу действий обвинительного характера. В идеале в постановлении о возбуждении производства по уголовному делу должно быть констатировано наличие, даже с небольшой степенью вероятности, лишь предполагаемого факта, события преступления. Уже минимальная совокупность данных о признаках преступления даёт возможность вынести такой акт и соответственно начать производство по уголовному делу. В таком акте может быть приведена первоначальная, пуская и гипотетическая квалификация совершенных деяний, что не должно создавать препятствий для «отработки» лица в рамках одного производства на причастность к совершению нескольких однородных деяний и впоследствии предъявлению в рамках одного дела единого обвинения.

Возбуждение уголовного дела означает лишь решение начать производство по делу и провести по нему предварительное расследование с целью установления всей совокупности признаков преступления о конкретном деянии и о причастности к нему конкретного лица. Только после получения достаточной совокупности доказательств о виновности лица возможно привлечение лица в качестве об-

виняемого. Уголовное преследование как одно из проявлений процессуальной функции обвинения можно крайне условно считать начинающимся лишь после того, как у следователя или дознавателя, расследующего дело, появятся достаточные доказательства, подтверждающие совершение преступления конкретным лицом. В стадии возбуждения дела (в ходе предварительной проверки и в момент принятия решения) вообще ещё нет юридически значимых доказательств, тем более достаточных. Их не может быть даже в том случае, когда дело возбуждается в так называемых «условиях очевидности» и в отношении конкретного лица (к примеру, сразу после его задержания на месте совершения преступления). Они появятся позднее – когда будут совершены в установленном законом порядке следственные действия и появятся сведения, которые соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам. При отсутствии сведений такого характера никакое утверждение о том, что какое-то конкретное лицо совершило определённое преступление, ещё не может считаться обвинением. Ориентация на то, что следователь, возбуждая уголовное дело, начинает обвинять, осуществлять уголовное преследование кого-то в совершении преступления, вредна, ибо она подталкивает его к давно и широко осужденному обвинительному уклону. Указанная ориентация не соответствует ни закону, ни здравому смыслу [11; с. 136].

Именно, без гиперболизации, понимание сущности обсуждаемого процессуального акта привело бы его в соответствие с истинными задачами стадии возбуждения уголовного дела, и одновременно позволило бы разрешить многие проблемы, возникающие в практической деятельности.

Литература

1. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1986. – С. 780.
2. Определение Верховного Суда РФ от 25 ноября 1998 г. по делу Б., осужденного по ч. 1 ст. 228, п. «в», ч. 3 ст. 228 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3; кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 20 января 2004 г. по делу № 6-073/3 // СПС КонсультантПлюс; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2006 г. по делу 14-О 06-29 // СПС КонсультантПлюс.
3. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1980. – № 4. – С. 14; Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1986. – № 1. – С. 23; Бюллетень Верховного Суда. – 1999. – № 3 – С. 21.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2004 г. № 79-0 // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 года № 600-О-О // СПС КонсультантПлюс.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 года № 533-О // СПС КонсультантПлюс.

8. О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. // СПС КонсультантПлюс.
9. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ № 36-14-06 от 05 декабря 2006 г. на №17/1-20115 от 31 октября 2006 г. // Документ опубликован в Информационном бюллетене Следственного комитета при МВД России №1 (131). – Москва. – 2007.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. – 1970. – Т. 2. – С. 11-12.
11. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов (под ред. К.Ф. Гуценко). Изд-во «Зерцало», – 2005. – С. 136.
12. Арсенова, Н.В. О необходимости вынесения постановления о возбуждении уголовного дела при обнаружении в ходе расследования нового преступления / Н.В. Арсенова, В.В. Козлов В.В. // Алтайский юридический вестник. 2016. – № 3 (15). – С. 116.
13. Калиновский, К.Б. Всегда ли следует возбуждать уголовное дело при обнаружении нового преступления или нового лица? / К.Б. Калиновский // Российский следователь. – 2009. – № 6. – С. 5-8.
14. Кальницкий, В.В. Действия следователя при выявлении нового преступления / В.В. Кальницкий // Законодательство и практика. – 2000. – № 1(4). – С. 103-105; Ефремова, Н.П. Основание для возбуждения уголовного дела: учебное пособие / Н.П. Ефремова. – Омск: Омская академия МВД России. – 2009. – С. 54-59; Муравьев, К.В. Возбуждение уголовного дела при выявлении признаков преступления в ходе досудебного производства / К.В. Муравьев // Уголовный процесс. – 2008. – № 8; Богдановский, А. Возбуждение уголовного дела при наличии повода и основания – не право, а обязанность / А. Богдановский // Российская юстиция. – 2002. – № 2. – С. 35-36.
15. Кожокар, В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В.В. Кожокар // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 20-22.
16. Марфицин, П.Г. Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления: монография / П.Г. Марфицин, К.В. Муравьев. – Омск: Омская академия МВД России. – 2009. – С. 147-148.

References

1. Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR. 1924-1986. – S. 780.
2. Opredeleniye Verkhovnogo Suda RF ot 25 noyabrya 1998 g. po delu B., osuzhdennoye po ch. 1 st. 228, p. «v», ch. 3 st. 228 UK RF // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 2000. № 3; kassatsionnoye opredeleniye Voyennoy kollegii Verkhovnogo Suda RF ot 20 yanvarya 2004 g. po delu № 6-073/3 // SPS Konsul'tantPlyus; kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 25 sentyabrya 2006 g. po delu 14-O 06-29 // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR. – 1980. – № 4. – S. 14; Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR. – 1986. – № 1. – S. 23; Byulleten' Verkhovnogo Suda. – 1999. – № 3 – S. 21.
4. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 22 yanvarya 2004 g. № 79-0 // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17 dekabrya 2009 g. № 1636-O-O // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 oktyabrya 2008 goda № 600-O-O // SPS Konsul'tantPlyus.
7. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 dekabrya 2006 goda № 533-O // SPS Konsul'tantPlyus.
8. О yedinom uchete prestupleniy : prikaz Genprokuratury Rossii № 39, MVD Rossii № 1070, MCHS Rossii № 1021, Minyusta Rossii № 253, FSB Rossii № 780, Minekonomrazvitiya Rossii № 353, FSKN Rossii № 399 ot 29 dekabrya 2005 g. // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Informatsionnoye pis'mo General'noy prokuratury RF № 36-14-06 ot 05 dekabrya 2006 g. na №17/1-20115 ot 31 oktyabrya 2006 g. // Dokument opublikovan v Informatsionnom byulletene Sledstvennogo komiteta pri MVD Rossii №1 (131). – Moskva. – 2007.
10. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa. M. – 1970. – Т. 2. – S. 11-12.
11. Ugolovnyy protsess. Uchebnik dlya studentov yuridicheskikh vuzov i fakul'tetov (pod red. K.F. Gutsenko). Izd-vo «Zertsalo». – 2005. – S. 136.
12. Arsenova, N.V. O neobkhodimosti vyneseniya postanovleniya o vobuzhdenii ugolovnogo dela pri obnaruzhenii v khode rassledovaniya novogo prestupleniya / N.V. Arsenova, V.V. Kozlov V.V. // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. 2016. – № 3 (15). – S. 116.
13. Kalinovskiy, K.B. Vsegda li sleduyet vobuzhdat' ugolovnoye delo pri obnaruzhenii novogo prestupleniya ili novogo litsa? / K.B. Kalinovskiy // Rossiyskiy sledovatel'. – 2009. – № 6. – S. 5-8.



14. Kal'nitskiy, V.V. Deystviya sledovatelya pri vyyavlenii novogo prestupleniya / V.V. Kal'nitskiy // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2000. – № 1(4). – S. 103-105; Yefremova, N.P. Osnovaniye dlya vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela: uchebnoye posobiye / N.P. Yefremova. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. – 2009. – S. 54-59; Murav'yev, K.V. Vzbuzhdeniye ugolovnogogo dela pri vyyavlenii priznakov prestupleniya v khode dosudebnogo proizvodstva / K.V. Murav'yev // Ugolovnyy protsess. – 2008. – № 8; Bogdanovskiy, A. Vzbuzhdeniye ugolovnogogo dela pri nalichii povoda i osnovaniya – ne pravo, a obyazannost' / A. Bogdanovskiy // Rossiyskaya yustitsiya. – 2002. – № 2. – S. 35-36.

15. Kozhokar', V.V. Vzbuzhdeniye ugolovnogogo dela: pravovaya pozitsiya Konstitutsionnogo Suda i Verkhovnogo Suda RF / V.V. Kozhokar' // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2015. – № 1 (33). – S. 20-22.

16. Marfitsin, P.G. Vzbuzhdeniye ugolovnogogo dela v otnoshenii litsa, podozrevayemogo v sovershenii prestupleniya: monografiya / P.G. Marfitsin, K.V. Murav'yev. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii. – 2009. – S. 147-148.

АБРАМОВА Любовь Леонидовна, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск). 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20. E-mail: luba11177@mail.ru

ABRAMOVA Lyubov, deputy head of the criminal procedure Department of the Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk). 660131, Krasnoyarsk, st. Rokossovsky, 20. E-mail: luba11177@mail.ru



Даровских С. М.

ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НЕ ИСКЛЮЧАЕТ ПРАВОВУЮ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЕГО РЕШЕНИЙ

Darovskikh S. M.

THE MANIFESTATION OF THE IDEA OF CONSTITUTIONALISM IN THE ACTIVITIES OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DOES NOT EXCLUDE THE LEGAL UNCERTAINTY OF ITS DECISIONS

В статье, наряду с положительным влиянием правовых позиций сформулированных Конституционным Судом РФ в своих Постановлениях и Определениях на правоприменительную практику и законотворческую деятельность, рассматриваются причины создания данными правовыми позициями, правовой неопределенности, оказывающей негативное воздействие на деятельность участников уголовного судопроизводства. Автор обращается к Постановлению Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года №23-П «По делу о проверке конституционности положений ч.3-7 ст.109 и ч.3 ст.237 УПК РФ в связи с жалобой гр. С.В.Махина» и правовым позициям, сформулированным данным судом в других решениях, касающихся возможности увеличения предельно допустимого срока содержания под стражей, указанного в статье 109 УПК РФ, приходит к выводу, что данными решениями возможность учета предельного срока содержания под стражей практически нивелирована.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правовые позиции, неопределенность, права граждан.

The article, along with the positive influence of the legal positions formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation in its Decisions and Definitions on law enforcement practice and legislative activity, considers the reasons for the creation of these legal positions, legal uncertainty that negatively affects the activities of participants in criminal proceedings. The author refers to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2015 No. 23-P «In the case of the verification of the constitutionality of the provisions of parts 3-7 of article 109 and part 3 of article 237 of the Code of Criminal Procedure in connection with the complaint of gr. S.V. Makhina» and the legal positions formulated by this court in other decisions regarding the possibility of increasing the maximum permissible period of detention specified in Article 109 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, concludes that with these decisions the possibility of taking into account the maximum period of detention is practically leveled.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, uncertainty, rights of citizens.

Сущность конституционализма заключается в приведении теории и практики организации государственной и общественной жизни в соответствие с национальной Конституцией. Основными идеями этого правового явления являются: разделения

различных ветвей государственной власти, приоритет человеческой личности и уважение ее достоинства, а наиболее эффективным средством обеспечения данной фундаментальной идеи признается высший конституционный контроль. И в этом ос-





новая роль принадлежит Конституционному Суду РФ и, соответственно, актам конституционного правосудия.

В целом сформулированные Конституционным Судом РФ правовые позиции позволяют правоприменителям и ученым достаточно успешно использовать те ориентиры, которые Конституционный Суд РФ определяет в своих решениях и поэтому их значение трудно переоценить. Как писал В.С. Шадрин «жизнь показывает, что решения Конституционного Суда в своей совокупности способны существенно влиять на формирование концепции уголовного судопроизводства» [12, с. 58-64]. Примером может служить правовая позиция Конституционного Суда РФ сформированная им в Постановлении от 15 октября 2018 года №36-П, обязывающая суд, «...в производстве которого находится возбужденное по заявлению потерпевшего или его законного представителя уголовное дело частного обвинения, обязан выяснить позицию обвиняемого относительно прекращения данного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, и только при наличии его согласия вправе прекратить уголовное дело; в случае, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела в связи с принятием закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, суд обязан рассмотреть данное дело по существу в рамках процедуры производства по делам частного обвинения и, исследовав имеющиеся доказательства, либо вынести оправдательный приговор, либо прекратить уголовное дело по указанному основанию» [8].

С другой стороны, правовые позиции Конституционного Суда РФ выявили ряд серьезных проблем, требующих решений в том числе и по вопросам, касающимся обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Причина этого заключается в том, что вынесенные Конституционным Судом РФ решения различны по своим результатам. В одних случаях они гармонично вписываются в правовое пространство, не породив негативных последствий [9], в других – правовые позиции Конституционного Суда РФ являются причиной проблем в применении норм целого института уголовно-процессуального права [10]. В одном случае это «мягкое» воздействие на уголовно-процессуальное регулирование уголовного производства, а в другом – «агрессивное» вмешательство. Оба названных решения принимались в одном и том же составе судей. Наиболее вероят-

ное объяснение кроется в ярко выраженном субъективизме правовых позиций судей Конституционного Суда РФ, получившее обобщенное закрепление в его решениях [2, с. 121-123].

Именно поэтому считаем целесообразным остановиться на тех узловых проблемах, которые все больше и больше высвечиваются при анализе деятельности Конституционного Суда РФ и его решений.

Характеризуя постановления и определения Конституционного Суда РФ, ученые отмечали, что его решения носят случайный характер, так как их принятие зависит от тех проблем, с которыми обращаются заявители. В этой связи представляется заслуживающим внимания мнение Г.А.Гаджиева, указывающего на то, что «принимая решения о признании нормативного акта неконституционным, т.е. создавая пробельность в правовом регулировании, Конституционный Суд РФ должен учитывать, не создает ли признание акта неконституционным большие проблемы, нежели его действие» [4, с. 24]. Отсутствие системности, последовательности в принятии решений создает дополнительные проблемы для правоприменителей, поскольку возникают противоречия норм закона, которые законодатель не всегда быстро устраняет.

В качестве примера можно привести ситуацию, связанную с вопросами реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве, когда Конституционный Суд РФ от полного отрицания возможности суда активно участвовать в судопроизводстве, постепенно перешел к противоположной правовой позиции. Аналогичная ситуация сложилась и с институтом возвращения уголовного дела прокурору. Мы прошли и через полный запрет на возвращение уголовных дел, и через установленный совершенно нереальный 5-дневный срок для устранения недостатков следствия, и в итоге практически вернулись к дополнительному расследованию, но обозначив это несколько иначе (для устранения препятствий рассмотрения уголовного дела в суде).

Причиной такой непоследовательности в решениях являются как организационные, так и сущностные недостатки в деятельности Конституционного Суда РФ. И совсем не убедительно мнение В.Д. Зорькина и поддерживающих данное мнение ученых, считающих, что проблемы в этом нет, так как правовые позиции КС РФ это «не застывшие» буквы конституционных велений, а «...живое и развивающееся конституционное право» [6].

Нам представляется, что одним из существенных недостатков в организации деятельности Конституционного Суда РФ является отсутствия механизма как отмены актов конституционного правосудия, так и их учета. Несмотря на то, что свою правовую позицию Конституционный Суд РФ уже успел изменить или подкорректировать, на момент разрешения спорного вопроса, действующими являются все решения данного судебного органа, принятые в разное время и с различным смыслом. Именно поэтому в научной литературе можно встретить мнение ученых что данный судебный орган не может обеспечить последовательность, стабильность и определенность своих решениях [3, с. 33]. Как мы ранее уже отмечали он не может и не должен этого делать, но, в тоже время, формулирование судебной правовой позиции требует продуманности, анализа не только собственно исследуемой статьи закона в аспекте её соответствия Конституции РФ, но и учет теоретических разработок ученых, что позволило бы избежать некоторых весьма спорных высказываний, которые сейчас можно встретить в решениях Конституционного Суда РФ и которые оказывают серьезное влияние на позиции и правоприменителей, и теоретиков [5, с. 179]. В качестве примера можно привести Постановление от 15 января 1999 года №1-П, где Конституционный Суд высказал весьма спорную как в то время, так и сейчас позицию о том, что «потерпевший по всем уголовным делам заинтересован в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное» [11]. Согласиться с таким утверждением сложно. Потерпевшие достаточно часто своим поведением провоцируют обвиняемого на совершение преступных действий, могут проявлять корыстную заинтересованность, увеличивая размер причиненного вреда и уже поэтому не заинтересованы в установлении истины по делу. Например, по уголовному делу о ДТП, потерпевший, заявляя гражданский иск, в смету расчета требуемой суммы включил сумму стоимости новых чехлов, хотя повреждения касались исключительно левого крыла машины [1].

Обращает внимание несвоевременная реакция законодателя на необходимость корректировки соответствующих положений закона, после признания их Конституционным Судом РФ неконституционными. Можно привести много примеров, когда дополнения и изменения в

закон вносятся спустя от 2 до 4 лет после признания соответствующих положений неконституционными.

Причина этого в том числе и в том, что в настоящее время не существует нормативных актов, которые обязывали бы законодателя, выполнять в кратчайшие сроки распоряжение Конституционного Суда, высказанное в его решении, а ответственность, установленная в ст. 81 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решений Конституционного Суда РФ носит чисто декларативный характер и на законодателя не распространяется.

Правовую неопределенность решений Конституционного Суда РФ обеспечивает и отсутствие официальной публикации абсолютно всех Постановлений и Определений Конституционного Суда РФ, длительные задержки при сообщении о решениях Суда заявителям, (2 месяца и более после принятия решения), существование взаимоисключающих правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда РФ.

Ученые и правоприменители перманентно выявляют недостатки правоприменительной практики, вызванные неоднозначным толкованием положений УПК РФ и нежеланием Конституционного Суда РФ обращаться к некоторым важным, но проблемным вопросам.

Один из таких проблемных и весьма важных вопросов, не нашедших своего решения, касается исчисления предельных сроков содержания под стражей.

В этой связи показательно постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 года № 23-П «По делу о проверке конституционности положений ч.3-7 ст.109 и ч.3 ст.237 УПК РФ в связи с жалобой гр. С.В.Махина», которым Конституционный Суд РФ установил, что «суд может продлить время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного срока в целях его ознакомления с материалами, полученными в результате проведения необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, а по ходатайству обвиняемого или его защитника – и с иными материалами данного дела» и срок этот никак не определен и с обозначенным в ст. 109 УПК РФ предельным сроком не связан.

Такой формулировкой фактически была создана новая норма, которая уже не содержит никаких упоминаний о пре-



дельном сроке и поставившая под сомнение возможность использования такой категории как предельный срок.

Мнение Верховного суда по этому вопросу не улучшает ситуацию. В п.33 Постановления Пленума Верховного Суда от 19 декабря 2013 года №41 говорится, что «если имеются предусмотренные законом основания возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, в соответствии с частью 3 статьи 237 УПК РФ судье следует принять решение о мере пресечения в отношении обвиняемого, содержащегося под стражей, с указанием срока ее действия. При необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных ст. 109 УПК РФ».

И как результат, создавшаяся неопределенность правового регулирования данного вопроса, позволяет судам применять положения статьи 109 УПК РФ Российской Федерации в ее связи со статьей 237 УПК РФ таким образом, как будто отсчет и сроков предварительного следствия, и сроков содержания под

стражей, включая предельный (6, 12 и 18 месяцев), после возвращения дела прокурору начинается заново. Причем крайне важно подчеркнуть, что обвиняемый «расплачивается» в таких случаях не за свое негативное поведение, а исключительно за «недостатки предварительного следствия», т.е. за ошибки своего процессуального противника – стороны обвинения. И если ранее правоприменители все-таки исходили из предельного срока 18 месяцев, то сейчас любые сроки могут быть оправданы «разумностью» принимаемых решений и их «уважительностью».

Врядли такой подход послужит формированию единой правоприменительной практики, а гарантированное статьей 22 Конституции Российской Федерации право каждого на свободу и личную неприкосновенность будет реализовано. Полагаем, что единственный выход из этого неоднозначного положения достаточно корректно сформулировать в законе все возможные исключения из общего правила недопустимости продления максимально возможного срока (18 месяцев) заключения под стражу, но законодатель по этому поводу молчит.

Литература

1. Архив городского суда Челябинской области. Дело № 1-258/2018.
2. Батуев Н.В. Решения Конституционного Суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования: дисс... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2003. – С. 121-123.
3. Бурмагин С. Принцип состязательности в теории и судебной практике // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 33.
4. Гаджиев Г.А. Непосредственное применение судами конституционных норм // Российская юстиция. – 1995. – № 12. – С. 24.
5. Даровских С.М. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. – М: Юрлитинформ, 2011. – С. 179.
6. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в 21 веке. – М.: Норма, 2008. С. 132-133.
7. Османова З.С. Концепция «живой» Конституции в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-zhivoy-konstitutsii-v-pravovyh-pozitsiyah-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/viewer>
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 года № 36-П «О проверке конституционности ч. 1 ст. 10 Уголовного кодекса РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 1 ст. 239 и п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобой гр-ки А.И. Тихомоловой» // Режим доступа: <https://tinao.msk.mvd.rf/document/15029318>
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 года № 14-П «По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» // СЗ РФ. – 1996. – № 26. – Ст. 3185.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 года № 19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.
11. Постановление от 15 января 1999 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 1 и 2 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева» // СЗ РФ. – 1999. – № 4. – Ст. 602.
12. Шадрин В.С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в теории и практике уголовно-процессуального регулирования // Криминалистика. – 2013. – № 2(13). – С. 58-64.

References

1. Arkhiv gorodskogo suda Chelyabinskoy oblasti. Delo № 1-258/2018.
2. Batuyev N.V. Resheniya Konstitutsionnogo Suda RF v mekhanizme ugolovno-



- protsessual'nogo regulirovaniya: diss...kand. jurid. nauk. – Izhevsk, 2003. – S. 121-123.
3. Burmagin S. Printsip sostyazatel'nosti v teorii i sudebnoy praktike // Rossiyskaya yustitsiya. – 2001. – № 5. – S. 33.
4. Gadzhiyev G.A. Neposredstvennoye primeneniye sudami konstitutsionnykh norm // Rossiyskaya yustitsiya. – 1995. – № 12. – S. 24.
5. Darovskikh S.M. Pravovyye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF, kasayushchiesya realizatsii printsipa sostyazatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve. – M: Yurlitinform, 2011. – S. 179.
6. Zor'kin V.D. Rossiya i Konstitutsiya v 21 veke. – M.: Norma, 2008. S. 132-133.
7. Osmanova Z.S. Kontseptsiya «zhivoy» Konstitutsii v pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-zhivoy-konstitutsii-v-pravovykh-pozitsiyakh-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii/viewer>
8. Postanovlenii Konstitutsionnogo Suda RF ot 15 oktyabrya 2018 goda № 36-P «O proverke konstitutsionnosti ch. 1st. 10 Ugolovnogo kodeksa RF, ch. 2 st. 24, ch. 2 st. 27, ch. 1 st. 239 i p. 1 st. 254 UPK RF v svyazi s zhaloboy gr-ki A.I. Tikhomolovoy» // Rezhim dostupa: <https://tinao.msk.mvd.rf/document/150293189>
9. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 13 iyunya 1996 goda № 14-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti ch. 5 st. 97 UPK RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.V. Shchelukhina» // SZ RF. – 1996. – № 26. – St. 3185.
10. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 noyabrya 1996 goda № 19-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti st. 418 UPK RSFSR v svyazi s zaprosom Karatuzskogo rayonnogo suda Krasnoyarskogo kraya» // SZ RF. – 1996. – № 50. – St. 5679.
11. Postanovleniye ot 15 yanvarya 1999 goda № 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy ch. 1 i 2 st. 295 UPK RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.A. Klyuyeva» // SZ RF. – 1999. – № 4. – St. 602.
12. Shadrin V.S. Resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v teorii i praktike ugovno-protsessual'nogo regulirovaniya // Kriminalist". – 2013. – № 2(13). – S. 58-64.

ДАРОВСКИХ Светлана Михайловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129. E-mail: darsvet@mail.ru

DAROVSKIKH Svetlana, Doctor of Law, Professor, Professor Department of Criminal Procedure and Expert Activity, Chelyabinsk State University, 454001, Chelyabinsk, ul. Brat'evKashirinikh, d. 129. E-mail: darsvet@mail.ru



Матюшкина А. В., Айзятова Л. Ф.

ПРЕДМЕТ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Matyushkina A. V., Ayzyatova L. F.

SUBJECT OF JUDICIAL EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF OFFICIAL CRIMES

В статье поднимается проблематика корректности определения предмета судебно-экспертного исследования при расследовании должностных преступлений и его разграничения между смежными отраслями экспертного знания, авторы констатируют значительное количество ошибок криминалистической деятельности, возникающих при подготовке к производству судебных экспертиз: формулирование неправильных вопросов судебному эксперту. Приводится решение проблемы, связанной с некорректной постановкой вопросов перед судебным экспертом. Выявляется закономерность между способом совершения преступления и определением предмета судебных экспертиз при расследовании должностных преступлений.

Ключевые слова: способ совершения преступления, расследование должностных преступлений, предмет судебной экспертизы.

The article raises the problem of the correct determination of the subject of forensic research in the investigation of official crimes and its differentiation between related branches of expert knowledge, the authors note a significant number of forensic errors that arise in preparation for the production of forensic examinations: the formulation of incorrect questions to a forensic expert. The solution of the problem associated with incorrect posing of questions to a forensic expert is given. A pattern is revealed between the method of committing a crime and the determination of the subject of forensic investigations in the investigation of official crimes.

Keywords: method of committing a crime, investigation of official crimes, subject of forensic examination.

К преступлениям рассматриваемой категории относятся преступления, совершенные должностными лицами. Традиционно к должностным преступлениям относятся злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий, халатность, взяточничество, должностной подлог. зачастую конструкции уголовно-правовых составов преступлений включают в качестве квалифицирующего признака такую характеристику субъекта, как совершение лицом преступления с использованием своего служебного положения. Данный квалифицирующий признак распространяется в том числе и на должностных лиц. Таким образом, круг должностных преступлений расширяется перечнем преступных деяний, объект которых выходит за рамки традиционных

должностных деликтов. В связи с этим к этой же группе преступных деяний следует отнести мошенничество, а также присвоение и растрату, совершенные с использованием своего служебного положения (ч. 3,4 ст. 159, ч. 3,4 ст. 160 УК РФ).

Проблема распознавания предмета судебно-экспертного исследования в первую очередь связана с определением компетенций судебного эксперта и их разграничением между несколькими видами судебных экспертиз. Зачастую в ситуации необходимости назначения судебной экспертизы, лица, уполномоченные к ее назначению, не имея четкого представления о предмете того или иного судебно-экспертного исследования, некорректно формулируют вопросы, что ведет к недопониманию судебным экспертом поставленной задачи и, в связи с



этим, к пустой трате процессуального времени, отведенного для раскрытия и расследования преступления. В частности, судебные эксперты ФБУ «Мордовская лаборатория судебной экспертизы» Минюста России в ходе методологических семинаров констатируют наличие подобных негативных явлений, влекущих за собой неоправданную трату процессуального времени при производстве судебной экспертизы, обусловленную необходимостью изменения текста постановления (определения) о назначении и производстве судебной экспертизы в части поставленных перед экспертом вопросов, а в некоторых случаях – возвращении указанного документа субъекту, назначившему судебно-экспертное исследование, с мотивированным сообщением о невозможности проведения судебной экспертизы из-за выхода поставленных вопросов за рамки компетенции эксперта (на основании ст. 16 ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») [1].

Описанная проблема имеет свое решение, однако не все субъекты, уполномоченные назначать судебные экспертизы, прибегают к нему. Речь идет о непроцессуальной форме использования специального знания: обращение за консультацией к специалисту для правильной постановки вопросов судебному эксперту при подготовке материалов к производству судебной экспертизы. Такой ход обусловлен самой природой процесса подготовки к производству судебно-экспертного исследования и является результатом компромисса в деятельности судебно-экспертных, правоохранительных и судебных органов.

Предмет судебной экспертизы в его общем виде обозначен в теории как фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в гражданском, административном, уголовном и конституционном судопроизводстве на основе специальных знаний в различных областях науки и техники, искусства и ремесла [2, с.35].

Предмет судебно-экспертной деятельности при расследовании должностных преступлений коррелирует с результатами поиска следовой информации в основном на первоначальном этапе расследования, которая, в свою очередь, будет напрямую связана с формами преступной деятельности, выражающиеся в выборе преступником соответствующего способа совершения преступления.

Способы совершения должностных

преступлений многообразны. Практика показывает, что в случаях, когда преступление совершается путем активных заведомо противоправных действий, нарушающих обязательные для исполнения правила, инструкции, положения, используются следующие способы:

- издание незаконных приказов и распоряжений;
- сокрытие незаконной деятельности других лиц путем самоуправных действий;
- временное заимствование и использование государственных или общественных средств на личные нужды;
- расходование денежных средств не по назначению;
- выдача бестоварных накладных;
- подчистка, травление и иные изменения текста документов;
- получение взятки (независимо от ее предмета).

Вопрос о выявлении способа совершения преступления, как элемента криминалистической характеристики должностных преступлений требует особого внимания, поскольку при расследовании должностных преступлений речи об установлении личности преступника не идет: уголовные дела возбуждаются в отношении виновного. В связи с этим способ, так же, как и объект преступного посягательства, при расследовании должностных преступлений во многом определяет направление поиска субъектами расследования следовой информации. Следовая информация, в свою очередь, в ее материальном выражении представляет собой объект, в том числе и судебно-экспертного исследования. Таким образом, вполне оправдана схема направления поисково-познавательной деятельности при расследовании должностных преступлений: способ совершения должностного преступления → объект судебной экспертизы → предмет судебной экспертизы.

Практически все должностные преступления окрашены корыстным мотивом. При выявлении способа и объекта должностного посягательства, субъекты расследования, как правило, основной объем следовой информации обнаруживают в отчетно-бухгалтерской документации. В связи с чем, по большинству уголовных дел при расследовании должностных преступлений назначаются судебно-бухгалтерские или финансово-экономические экспертизы.

Если делать обзор по всему спектру судебных экспертиз, то анализ судебно-следственной практики по исследуемой





категории уголовных дел свидетельствует о следующем соотношении видов назначаемых судебных экспертиз и видов преступных деяний: превышение должностных полномочий, получение взятки, а также присвоение и растрата с использованием своего служебного положения – судебно-бухгалтерские, почерковедческие, компьютерные, в отдельных случаях – товароведческие судебные экспертизы. По уголовным делам о взяточничестве весьма распространенными являются фоноскопическая и лингвистическая судебные экспертизы.

При расследовании должностных преступлений со специальным объектом, например, ятрогенные посягательства, предмет судебных экспертиз обусловлен спецификой служебной деятельности. Так, в случае расследования так называемых «врачебных» дел в обязательном порядке назначается судебно-медицинская экспертиза, в которой объектом становится документация учреждений здравоохранения и медицинских организаций, оказывавших потерпевшим медицинскую помощь, а предметом соответственно – факты нарушения стандартов оказания медицинской помощи и наличия причинно-следственной связи между установленным нарушением и фактом причинения тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего.

Предметом фоноскопических судебных экспертиз становятся установление дословного содержания разговора на фонограмме и/или содержания акустической обстановки, идентификации личности по устной речи. Объекты для проведения данной экспертизы получают, как правило, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также в результате тактической операции «задержание с поличным», когда все разговоры взяточполучателя со взяточдателем записываются.

Следователь, ставя вопросы перед экспертом должен указать, какую часть записи он желает идентифицировать, то есть от какой и до какой фразы. В случае исключения монтажа рекомендуется исследовать всю фонограмму. Если же несколько разговоров записаны в разное время, то следователю необходимо ставить вопросы отдельно по каждой записи. При проведении судебных экспертиз, где объектом исследования становятся видео- или аудиозаписи, важно не смешать знания лингвистики и фоноскопии. Для назначения лингвистической экспертизы должностных преступлений корректной будет постановка следующих вопросов:

- содержит ли представленный на исследование текст сведения о намерении конкретного лица получить имущественные блага от конкретного лица;

- содержатся ли в представленном на исследование тексте сведения о совершении гражданином противоправных действий, осуждаемых обществом;

- в каких конкретно высказываниях содержится информация о намерении конкретного лица получить имущественные блага от конкретного лица;

- в какой форме выражены исследуемые высказывания – утверждения, предположения, мнения, оценки или вопроса;

- в каком значении употреблено высказывание (слово, словосочетание) в тексте и т.д.

Таким образом, когда речь идет об установлении лишь дословного содержания текста, назначается фоноскопическая судебная экспертиза, если необходимо отразить особенности или индивидуальные характеристики текста, то здесь – назначение судебно-лингвистической экспертизы.

Также при расследовании должностных преступлений имеют место почерковедческие экспертизы, назначаемые для установления исполнителя рукописных текстов (записей) и подписей.

В случае отказа подозреваемого (обвиняемого) от предоставления образцов своей подписи и/или почерка для сравнительного исследования, изымаются свободные образцы его почерка, изъятые в ходе выемки по месту работы должностного лица. При производстве почерковедческой экспертизы по уголовным делам о ятрогенных посягательствах возникают трудности с тем, чтобы установить фактическое содержание записи в медицинской документации, поскольку почерк врачей (должностных лиц сферы здравоохранения), как правило, является неразборчивым и нечитаемым, что затрудняет идентификацию почерка лица, представленного на исследование. В подобной ситуации может возникнуть трудность разграничения предмета почерковедческой и технико-криминалистической экспертиз: для первой предметом является принадлежность почерка определенному лицу, для второй – наличие в тексте признаков изменения текста (дописок, травления, подчисток).

Как отмечалось выше, основным признаком субъективной стороны практически всех должностных преступлений является корыстный мотив, который детерминирует способ совершения преступления, а вместе с ним и объект судебно-экс-

пертного исследования, который в свою очередь напрямую связан с занимаемой должностью и кругом полномочий виновного лица. Наиболее характерными для расследования должностных преступлений, квалифицируемых по ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 160 УК РФ, являются экономические судебные экспертизы.

Предмет судебно-бухгалтерской экспертизы можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся факты обоснованности (необоснованности) оприходования и списания товарно-материальных ценностей и денежных средств. По данной группе осуществляются:

- проверка и установление факта и размера недостачи или излишков товарно-материальных ценностей, денежных средств, а также времени и места возникновения недостачи;

- проверка документальной обоснованности списания сырья, материалов, готовой продукции и товаров;

- установление фактов перерасхода фонда заработной платы и сметных ассигнований, неправильного использования банковских ссуд, неправильного исчисления налогов, нарушений кассовой дисциплины и т.п.

Ко второй группе относятся факты правильности ведения бухгалтерского учета, отчетности и организации финансового контроля в целях:

- соответствия отраженных в бухгалтерских документах хозяйственных операций требованиям действующих нормативных правовых актов;

- определения размера материального ущерба, причиненного должностными и иными лицами в результате совершенных нарушений и злоупотреблений;

- определения и анализа недостатков в системе бухгалтерского учета и отчетности;

- установления правильности (или ошибочности) методики проведения документальной ревизии и выявления недостатков при осуществлении предварительного, текущего и последующего финансового контроля.

К третьей группе относится установление круга лиц, в ведении которых находились товарно-материальные ценности и денежные средства, а также лиц, ответственных за нарушение правил учета и контроля.

Поскольку в настоящее время основная часть хозяйствующих субъектов, в том числе и в бюджетной сфере, ведут бухгалтерский учет в электронном виде (как правило, система 1С бухгалтерия), то и объектами судебно-бухгалтерского экспертного

исследования становятся объекты-носители цифрового следа [3, стр. 107] - программа бухгалтерского учета, установленная для ведения деятельности хозяйствующего субъекта. Зачастую предметом судебно-экспертного исследования становятся фактические данные, подтверждающие уничтожение первичной бухгалтерской документации, а также данные о первоначальном содержании удаленных документов. Очевидно, что подобное сочетание экспертных задач должно явиться предметом комплексного судебно-экспертного исследования: изучение первого из поставленных вопросов не входит в компетенцию судебного эксперта-бухгалтера, являясь областью познания эксперта в компьютерной судебной экспертизе.

Кроме того, в подтверждение обозначенной проблематики относительно разграничения предмета познания при подготовке материалов к назначению судебно-бухгалтерской экспертизы в поставленных перед экспертом вопросах лица, назначающие экспертизу, допускают ошибки, подменяя знания бухгалтерского учета знаниями в области юриспруденции. В таких ситуациях судебные эксперты-бухгалтеры вынуждены составлять сообщения о невозможности дачи заключения на основании обозначенной выше ст. 16 ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В заключение следует вновь вернуться к выявленной закономерности о том, что специфика расследования должностных преступлений сосредоточена на поиске следовой информации, которая, как правило, обусловлена выбранным виновным лицом способом совершения должностного посягательства, и основная ее часть содержится в должностной, бухгалтерской документации, в личной переписке, целенаправленно записанных аудио- или видеоматериалах, в том числе и в цифровом ее выражении.

Особенности предмета назначаемых при расследовании должностных преступлений судебных экспертиз обусловлены сущностью объекта и задачами расследования, а также используемыми средствами доказывания вины должностного лица. Основная трудность, которая вполне преодолима при внимательном подходе к подготовке материалов для проведения судебной экспертизы при расследовании должностных преступлений – это правильная постановка вопросов судебному эксперту в целях исключения ситуаций выхода предмета судебно-экспертного исследования за рамки его компетенций.



Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» Электронный ресурс. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/902b12fd19c46ade0486156ff67dccb8915c2dc0/ - Дата обращения 01.04.2020;
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе - Москва: НОРМА, - 2006. - 656 с.
3. Матюшкина А.В. Цифровые следы в системе криминалистического следования - Проблемы права. 2019. № 5 (74). С. 104-108.

References

1. Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Science Activities in the Russian Federation" Electronic resource. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/902b12fd19c46ade0486156ff67dccb8915c2dc0/ - Date of access 01.04.2020;
2. Rossinskaya E.R. Judicial Expertise in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings - Moscow: NORMA, - 2006. - 656 p.
3. Matyushkina A.V. Digital footprints in forensic science - Problems of law. 2019. No 5 (74). S. 104-108

МАТЮШКИНА Анастасия Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». 430003, г. Саранск, Ленинский район, ул. Федосеенко, д.6. E-mail: m.valli79@mail.ru

АЙЗЯТОВА Лиана Фяритовна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». 430003, г. Саранск, Ленинский район, ул. Федосеенко, д. 6. E-mail: lianochka_87@mail.ru

MATYUSHKINA Anastasia, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice" 430003, Saransk, Leninsky district, st. Fedoseenko, d.6. E-mail: m.valli79@mail.ru

AYZYATOVA Liana, Candidate of philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice" 430003, Saransk, Leninsky district, st. Fedoseenko, d.6. E-mail: lianochka_87@mail.ru



Даровских О. И.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Darovskikh O. I.

ON THE CONCEPT OF "LEGAL MEANS" IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются подходы ученых к формулированию понятия «правовые средства» как правовых явлений, обеспечивающих желаемый результат какой-либо деятельности. Данное понятие исследовалось как в общетеоретическом плане, так и в отраслевой науке. Проводя анализ мнений ряда ученых по вопросу содержания данного термина, автор приходит к выводу что данное понятие охватывает и правовые инструменты, и действия (деятельность). Формулируя авторское понятие «правовые средства», автор исходит из того, что правовые средства обеспечивая именно эффективную уголовно-процессуальную деятельность, должны отвечать требованиям законности, нормам морали и нравственности, а также научным достижениям, допустимым в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, правовые средства, эффективность уголовного судопроизводства.

The article discusses the approaches of scientists to the formulation of the concept of "legal means" as legal phenomena that provide the desired result of any activity. This concept has been studied both in general theoretical terms and in branch science. By analyzing the opinions of a number of scholars on the content of this term, the author comes to the conclusion that this concept covers both legal instruments and actions (activities). Formulating the author's concept of "legal means", the author proceeds from the fact that legal means providing exactly the effective criminal procedural activity must meet the requirements of legality, moral and moral standards, as well as scientific achievements admissible in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedural activity, legal means, the effectiveness of criminal proceedings.

С.С. Алексеев при разработке механизма правового регулирования и социального действия права впервые выделил его отдельный элемент – «правовые средства».

Профессор дает такое определение правовых средств: «... правовые средства – это нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них содержания и формы» [1, с. 14].

А.В. Малько считал, что «... правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии); при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально-полезных целей» [5, с. 66-77]. Данное определение справедли-

во было подвергнуто критике, поскольку определять явление через то же явление по меньшей мере не корректно [2, с. 110]. Ю.Б. Батурина определяет правовое средство как «деятельностно-институциональное образование, показывающее функционально-динамическую сторону правовых явлений и права в целом» [2, с. 120]. Полагаем, что авторы абсолютно правы, отмечая функциональную, динамическую сторону правовых средств, которая демонстрирует ход развития как права, так и социальной, политической обстановки и их взаимосвязь, и взаимозависимость друг от друга. Однако, обращаясь к понятию правовые средства в данной работе, мы рассматриваем их не как элементы механизма правового регулирования, а как отдельные самостоятельные правовые категории, позволяющие обеспечить эффективную уголовно-





процессуальную деятельность и «смысловое значение которых не поглощается другими близкими к ней по смыслу правовыми понятиями: «метод правового регулирования», «способ правового регулирования», «тип правового регулирования», «правовая форма» и др. [11, с. 8]. По мнению Б.И. Путинского «Правовые средства представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [6, с. 17]. Полагаем, что такой подход к пониманию правовых средств нельзя признать правильным, поскольку автор полностью исключает в разработанном им определении, правовые нормы, выполняющие регулятивную, охранительную задачу и содержание которых, оказывает влияние на осуществление эффективной деятельности. В отраслевой науке ученые высказывали подобное мнение, например С.И. Давыдов, И.В. Кутазова и Е.Н. Петухов писали, что «это совокупность различных способов, закрепленных и выраженных в нормах уголовного процесса, позволяющих обеспечивать сохранение в тайне сведений, имеющих значение для законного и объективного расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела, а также соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [3].

В.А. Сапун исходит из других позиций, в его представлении правовая деятельность не является правовым средством, поскольку она представляет собой «систему действий и операций по использованию правовых средств» [8, с. 53]. Исследование вопроса с точки зрения достижения правовыми средствами эффективной деятельности, позволило сложиться убеждению, что деятельность в уголовном судопроизводстве (мы понимаем это в широком смысле), сама по себе представляет средство, оказывающее влияние на эффективность, например, это может быть при злоупотреблении правами. Затягивая ознакомление с материалами уголовного дела, обвиняемый не реализует свое право, впрочем права на затягивание процесса у него нет, но его перманентный отказ знакомиться с материалами дела по – разным надуманным причинам, которые при проверке не подтверждаются (болеет, но проверка у медицинского работника это не подтверждает; устал; не выспался, поэтому плохо себя чувствует; жалобы на якобы

незаконные действия следователя и на этой почве отказы в данный момент знакомились с материалами уголовного дела и пр.) или ознакомление в течении рабочего дня только с небольшим объемом материалов (5-10 страниц) дела, может быть и без указания причин, в целом свидетельствует о том, что злоупотребление может проявляться именно в действиях.

Представляется что более правильный подход выбрал К.В. Шундигов, рассматривая общетеоретический аспект правовых средств, он указывал что это «взятая в единстве совокупность правовых установлений (инструментов) и форм право-реализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [11, с. 7, 14].

В отраслевой науке можно так же встретить достаточно развернутое определение правовых средств. Например, Д.И. Селезнев под средствами уголовно-процессуальной деятельности понимает «иерархически упорядоченную, взаимосвязанную и взаимообусловленную систему связей между субъектами и целями уголовного процесса, проявляющаяся в принципах уголовного процесса, доказательствах, доказывании, следственных и иных процессуальных действиях, а также результатах оперативно-розыскной деятельности» [9]. Интерес представляет не просто средства уголовно-процессуальной деятельности, а средства, которые обеспечивают эффективность данной деятельности, представляется что данное определение не совсем верно трактует проявление системы связей субъектов и целей, делая упор только на принципах, доказывании и доказательствах, а также на результатах оперативно-розыскной деятельности.

Исследуя мнение ученых относительно понятия «правовые средства» высказанные в научной литературе, посвященной уголовно-процессуальным правоотношениям, мы встречали дефиниции данного понятия, разработанные применимо к конкретным вопросам.

Рассматривая вопрос о средствах обеспечения разумного срока Д.Г.Рожков предложил считать, что это «закрепленные в нормах уголовно-процессуального кодекса, а также иных источниках уголовно-процессуального права правовые инструменты, способные при точном и правильном их применении, привести к разрешению поставленной в ч.1 ст.6.1 УПК РФ задачи» [7, с. 218-224]. Данное определение требует конкретизации относи-

тельно использования в тексте такой терминологии как точное и правильное применение средств.

С.В. Коржев под уголовно-процессуальными средствами обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступлений понимает «комплекс разработанных государством мер и способов обеспечения такой ответственности, обусловленных социально-экономическими условиями жизни социума, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве и (или) выработанных правоприменительной практикой и призванных сделать такое обеспечение реально выполнимым явлением» [4].

Рассматривая данные определения полагаем, что вряд ли целесообразно их брать за основу при характеристике правовых средств, влияющих на эффективность деятельности, поскольку они имеют свои особенности. И в первую очередь это проявляется в свойствах указанных правовых средств или требованиях, которые к ним предъявляются.

П.С. Элькинд рассматривая свойства (или требования) предъявляемые к средствам достижения уголовно-процессуальных целей характеризовала их следующим образом: они должны быть ...предусмотрены в законе либо не противоречить ему; они должны быть этическими; подлинно научными, т.е. должны опираться на новейшие достижения научно-технического прогресса; эти средства достижения целей в сфере уголовно-процессуального регулирования должны быть максимально эффективными, обеспечивающими оптимальный результат в достижении указанных целей; должны быть экономичными, способными обеспечить оптимальный результат в достижении целей при минимальных затратах сил субъектов уголовного судопроизводства [10, с. 62-67]. Несмотря на то, что указанная работа была написана почти 45 лет назад, она и сейчас не утратила своей актуальности и ценности. Это касается и свойств правовых средств, которые выделяет профессор П.С. Элькинд. Сложно оспорить мнение, что они должны быть законными, этическими, эффективными и соответствовать уровню современных достижений науки. Мы вполне согласны с мнением М.С. Строговича о том, что «научность процессуальных средств – это более широкое понятие: соответствие достижениям не только естественных и технических наук, но и наук гуманитарных, юридических, в частности науки уголовного процесса» [10, с. 135-137]. Проблему мы видим только в одном, поскольку

экономию является свойством или лучше сказать критерием эффективности и охватывается указанным понятием, то выделять его нецелесообразно.

В.А. Сапун рассматривал свойства правовых средств несколько иначе указывая, что правовые средства «характеризуют право, как систему правовых средств: публичностью, обозримостью, конкретностью, реальной применимостью, гарантированностью. Эти свойства и придают правовым средствам институционность, а также возможность практического использования» [8, с. 54]. Чтобы правовое средство можно было применять в уголовно-процессуальной деятельности оно должно быть предусмотрено законом и применяться в установленной законом процедурной форме. Требование законности охватывает из вышеперечисленных предложенных В.А. Сапуном свойств, четыре: это гарантированность, публичность, обозримость и реальная применимость. Закрепление в законе любого положения делает его публичным, поскольку законы публикуются и доступны для ознакомления всем гражданам, законы должны исполняться всеми гражданами и на территории всей страны, это обеспечивает реализацию такого свойства как применимость правового средства, указанного в законе. Полагаем, что правовые средства, применяемые в уголовном процессе, должны быть также нравственными и научно обоснованными.

Таким образом с учетом изложенного, можно сформулировать следующее определение, под правовыми средствами, следует понимать такую соответствующую требованиям закона, нормам морали и нравственности, а также научным достижениям, применяемым в уголовном судопроизводстве, совокупность правовых инструментов и действий, осуществляемых в установленной уголовно-процессуальной форме и обеспечивающих эффективную уголовно-процессуальную деятельность.

Начало уголовно-процессуальной деятельности, так же, как и любой другой, предполагает выбор из всех возможных, таких правовых средств, которые предположительно позволят достичь желаемую идеальную цель и решить ближайшие задачи, которые в зависимости от складывающихся обстоятельств дела, могут меняться, корректироваться. Таким образом, выбор правовых средств детерминирован объективными и субъективными условиями, сложившимися в ходе предварительного расследования, а также последовательностью применения правовых средств, поскольку применение од-



них правовых средств зависит от других, ранее примененных. Однако следует отметить, что даже самое безупречное осуществление уголовно-процессуальной деятельности не всегда обеспечивает достижение ожидаемого результата.

Литература

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 14.
2. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дисс... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 110, 120.
3. Давыдов С.И., Кутазова И.В., Петухов Е.Н. Уголовно-процессуальные средства, обеспечивающие защиту от разглашения данных уголовного судопроизводства // Режим доступа: <http://izvestia.asu.ru/2012/2-1/jurs/TheNewsOfASU-2012-2-1-jurs-02.pdf>
4. Коржев С.В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступлений по современному российскому законодательству: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – 27 с.
5. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал Российского права. – 1998. – №8. – С.66-77.
6. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М., 1984. – С.17.
7. Рожков Д.Г. Процессуальные средства обеспечения разумного срока в уголовном суде // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – №3936. – С.218-224.
8. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дисс... докт. юрид. наук. – Н.Новгород, 2002. – С. 53, 54.
9. Селезнев Д.И. Средства уголовно-процессуальной деятельности: понятие и система: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 2012.
10. Строгович М.С., Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно процессуальном праве // Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 135-137.
11. Шундилов К.В. Цели и средства в праве: (общетеоретический аспект): автореф... дисс. канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – С. 7,8,14.

References

1. Alekseyev S.S. Pravovyye sredstva: postanovka problemy, ponyatiye i klassifikatsiya // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 6. – S. 14.
2. Baturina YU.B. Pravovaya forma i pravovoye sredstvo v sisteme ponyatiy teorii prava: diss... kand. yurid. nauk. – M., 2001. – S. 110, 120.
3. Davydov S.I., Kutazova I.V., Petukhov Ye.N. Ugolovno-protssessual'nyye sredstva, obespechivayushchiye zashchitu ot razglasheniya dannykh ugovnogo sudoproizvodstva // Rezhim dostupa: <http://izvestia.asu.ru/2012/2-1/jurs/TheNewsOfASU-2012-2-1-jurs-02.pdf>
4. Korzhev S.V. Ugolovno-protssessual'nyye sredstva obespecheniya neotvratimosti otvetstvennosti za soversheniye prestupleniy po sovremennomu rossiyskomu zakonodatel'stvu: avtoref. diss... kand. yurid. nauk. – Chelyabinsk, 2012. – 27 s.
5. Mal'ko A.V. Pravovyye sredstva: voprosy teorii i praktiki // Zhurnal Rossiyskogo prava. – 1998. – №8. – S.66-77.
6. Puginskiy B.I. Grazhdansko-pravovyye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh. – M., 1984. – S.17.
7. Rozhkov D.G. Protssessual'nyye sredstva obespecheniya razumnogo sroka v ugovnom sude // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2013. – №3936. – S.218-224.
8. Sapun V.A. Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava: diss... dokt. yurid.nauk. – N.Novgorod, 2002. – S. 53, 54.
9. Seleznev D.I. Sredstva ugovno-protssessual'noy deyatel'nosti: ponyatiye i sistema: avtoref. diss... kand. yurid. nauk. – M., 2012.
10. Strogovich M.S., El'kind P. S. Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugovno protssessual'nom prave // Pravovedeniye. – 1976. – № 4. – S. 135-137.
11. Shundikov K.V. Tseli i sredstva v prave: (obshcheteoreticheskiy aspekt): avtoref... diss. kand. yurid.nauk. – Saratov, 1999. – S. 7,8,14.

ДАРОВСКИХ Ольга Игоревна, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ), кандидат юридических наук, доцент. 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 149. E-mail: darovskikhoi@gmail.com

DAROVSKIKH Olga, associate professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Science, South Ural State University (NRU), PhD in Law, Associate Professor. 454091, Chelyabinsk, ul. Commune, d. 149. E-mail: darovskikhoi@gmail.com





Иванов А. Ю.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ДЫМА И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА

Ivanov A. Y.

ON THE EXPEDIENCY OF IMPROVING LEGISLATION IN THE FIELD OF PUBLIC HEALTH PROTECTION FROM THE EFFECTS OF AMBIENT TOBACCO SMOKE AND THE CONSEQUENCES OF TOBACCO CONSUMPTION

В статье отмечается, что действующее законодательство содержит возможности по обеспечению защиты населения от последствий оборота любых сосательных, жевательных изделий, содержащих никотин и (или) его производные, либо некурительных (курительных) изделий (продукция) не содержащих никотин, а также производится анализ законодательных инициатив в указанной сфере. Обращается внимание на отдельные проблемы применения законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. Указывается вывод о необходимости разработки нового федерального закона предметом регулирования которого будет выступать не только общественные отношения возникающие в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

Ключевые слова: потребление табака, никотин, никотиновые пэки, здоровье граждан, жизнь или здоровье потребителей, административная ответственность, уголовная ответственность, реестр, психоактивные вещества.

The article notes that the current legislation contains opportunities to protect the population from the consequences of trafficking in any sucking, chewing products containing nicotine and (or) its derivatives, or non-Smoking (Smoking) products (products) that do not contain nicotine, and also analyzes legislative initiatives in this area. Attention is drawn to individual application problems legislation in the field of protection of citizens ' health from the effects of ambient tobacco smoke and the consequences of tobacco consumption. The author concludes that it is necessary to develop a new Federal law that will regulate not only public relations arising in the sphere of protecting the health of citizens from the effects of ambient tobacco smoke and the consequences of tobacco consumption.

Keywords: tobacco consumption, nicotine, nicotine pies, public health, life or health of consumers, administrative responsibility, criminal liability, registry, psychoactive substances.





В соответствии с Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 51-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака» Российская Федерация приняла обязательство о реализации мер по охране здоровья населения от негативного воздействия табака. В целях реализации указанных обязательств в Российской Федерации утвержден Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию», который включает в себя требования к табачной продукции, однако наибольшие правовые последствия возникли после принятия Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака».

В связи с принятием Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее – Федеральный закон № 15-ФЗ) внесены изменения в КоАП РФ и Федеральный закон «О рекламе», кроме того, принятие указанного закона стало основанием для разработки региональных нормативных актов в указанной сфере и внесения соответствующих изменений в законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Анализируя содержание Федерального закона № 15-ФЗ, а также отдельные проблемы его применения, можно отметить следующее:

Во-первых, предметом закона являются общественные отношения, связанные с потреблением продукции, в состав которой входит табак. В связи с чем следует отметить, что к предмету закона не относятся общественные отношения, возникающие в сфере потребления продукции в составе которой нет табака, например, потребление в общественных местах продукции с помощью кальяна, а также использование электронных мобильных испарителей, электронных курительных изделий.

Во-вторых, Федеральный закон № 15-ФЗ не предусматривает запретов на продажу и потребление некурительных изделий, содержащих синтетический никотин, например, «никотиновые пэки, конфеты, леденцы, зубочистки, никотиносодержащие смеси без содержания табака и др.». Отсутствие механизма правового противодействия реализации указанных изделий, содержащих синтетический никотин, создало предпосылки распространения

последних по всей территории Российской Федерации. Следует отметить, что изделия, содержащие синтетический никотин, не являются «табачным снюсом». Согласно ст. 2 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ «Технический регламент на табачную продукцию» снюс это табак сосательный, вид некурительного табачного изделия. Так как указанные изделия, содержащие синтетический никотин, не относятся к табачным изделиям, следовательно, действующее законодательство не предусматривает запретов и ограничений на их оборот и потребление. Например, меры административной ответственности, предусмотренные ст. 6.23 и ст. 14.53 КоАП РФ, не распространяются на изделия, содержащие синтетический никотин.

Никотиносодержащие изделия без табака в силу своей доступности, невысокой стоимости стали популярным в подростковой среде, что приводит к неконтролируемому потреблению и появлению различных сопутствующих заболеваний. Концентрация синтетического никотина в указанных изделиях в среднем составляет 40 – 60 мг., по данным органов здравоохранения в отдельных изделиях концентрация достигает 100 мг. В обычной сигарете его содержание составляет до 1,5 мг. (см. проект Федерального закона № 850099-7 «О внесении изменений в ст. 19 Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака»).

С учетом того, что никотиносодержащие изделия без табака не являются предметом правового регулирования действующего административного законодательства и одновременно наличием спроса на указанные изделия, представляющие опасность для здоровья и жизни потребляющих лиц, органы внутренних дел вынуждены применять временные нестандартные меры по их изъятию. Спорными с правовой точки зрения являются меры принуждения, применяемые полицией направленные на изъятие синтетических никотиносодержащих изделий с последующим их хранением. Реализация синтетических никотиносодержащих изделий не образует составы административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.23 и ст. 14.53 КоАП РФ, а изъятие согласно ст. 27.10 КоАП РФ является самостоятельной формой возбуждения дела об административном правонарушении (п. 2 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ). В связи с чем, начатое производство по ст. 14.53 КоАП РФ подлежит прекращению (ст. 24.5

КоАП РФ). Руководствуясь п. 17 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции уполномочены производить изъятие вещей для проведения экспертизы, однако учитывая, что синтетические никотиносодержащие изделия официально не относятся к вещам, изъятим из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособным, возникает вопрос о дальнейшем хранении изъятого. В случае возвращения синтетических никотиносодержащих изделий, последние могут поступить в оптовую и розничную продажу, а дальнейшее хранение может являться поводом для обжалования действий сотрудников полиции.

Проблему, связанную с защитой населения от негативного воздействия синтетических никотиносодержащих изделий, необходимо оперативно решать, учитывая угрозу распространения указанных изделий среди несовершеннолетних. В отечественных научных работах решения указанной проблемы нет, однако в настоящее время подготовлен ряд законодательных инициатив о внесении изменений в отдельные нормативные акты, анализируя которые можно отметить следующее:

Во-первых, основные изменения связаны с установлением запретаторговли на любые сосательные и жевательные изделия, содержащие никотин и (или) его производные, либо некурительные (курительные) изделия (продукция) не содержащие никотин, табак в ч. 8 ст. 19, а также запрета на потребление табака несовершеннолетними в ч. 4 ст. 20 Федерального закона № 15-ФЗ (см. проекты Федеральных законов № 848015-7, № 850099-7, № 850099-7, № 911631-7, № 7-1202 и др.). Аналогичный подход предпринимается и в отношении установления ограничений, запретов на использование электронных курительных изделий и кальянов на отдельных территориях, в помещениях и на объектах (см. проект Федерального закона № 119575-7)

Во-вторых, дальнейшие изменения ограничиваются корректировкой отдельных положений КоАП РФ (см. проекты Федеральных законов № 119575-7). В частности предлагается в ч. 2 ст. 14.53 КоАП РФ установить ответственность не только за оптовую или розничную продажу насвая, табака сосательного (снюса), но также и за продажу любых сосательных и жевательных изделий, содержащих никотин и (или) его производные.

Указанный подход можно оценить с положительной стороны, так как в случае реализации указанных изменений со-

трудники полиции обоснованно могут применять отдельные меры административного принуждения связанные с пресечением продажи синтетических никотиносодержащих изделий не отвечающих требованиям безопасности, однако указанные законопроекты не рассмотрены в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Существенным недостатком указанных выше законодательных инициатив является не соответствие предмету правового регулирования Федерального закона № 15-ФЗ. Для применения предложений в рассмотренных законопроектах, целесообразно подготовить новый федеральный закон предметом регулирования которого будет выступать не только общественные отношения возникающие в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака.

Здесь важно отметить, что реализацию указанных законодательных инициатив нельзя рассматривать как исключительно достаточными и эффективными мерами предупреждения потребления, продажи некурительных изделий, содержащих синтетический никотин, например, «никотиновые пэки, конфеты, леденцы, зубочистки, никотиносодержащие смеси без содержания табака и др.».

Представляется, что вместо ожидания совершенствования Федерального закона № 15-ФЗ, а также последующих изменений КоАП РФ, необходимо оценить факты реализации синтетических никотиносодержащих изделий (например, конфеты, леденцы и др.) через содержание уголовного закона. Рассматривая синтетические никотиносодержащие изделия как товары и продукцию не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, реализуемые в нарушение закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей», Федерального закона от 02 января 2000 года № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», можно отметить возможность применения ст. 238 УК РФ (см. приговоры Сердобского городского суда Пензенской области от 27 ноября 2019 г. по делу № 1-126/2019 г., от 26 ноября 2019 г. по делу № 1-128/2019 на примере спиртосодержащей продукции), которая предусматривает ответственность за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, кроме



того вовлечение несовершеннолетних в распространение либо потребление указанной продукции может рассматриваться как квалифицирующий признак ст. 238 УК РФ, либо оцениваться по совокупности преступлений по ст. 151 УК РФ. Важно отметить, что указанные предложения являются дискуссионными и требуют дополнительного исследования.

Важно отметить, что действующее законодательство предусматривает возможность ограничения оборота «курительных и некурительных изделий», если последние будут в соответствии со ст. 2.2 Федерального закона от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» включены в реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен. В этом

случае возможно применение ст. 234.1 УК РФ (Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ), однако указанная норма на настоящее время не применяется, так как в Реестр еще не включено ни одно вещество, признанное новым потенциально опасным психоактивным веществом.

Таким образом, современное законодательство предоставляет реальную возможность правоохранителю, в каждом случае, когда требуется предупреждение или пресечение оборота и потребления некурительных изделий, содержащих синтетический никотин, например, «никотиновые пэки, конфеты, леденцы, зубочистки, никотиносодержащие смеси без содержания табака и др.» выбирать методы воздействия в целях защиты жизни и здоровья населения.

ИВАНОВ Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Сибирский юридический институт МВД России. 660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

IVANOV Andrey, candidate of philosophy, associate Professor, head of the Department of administrative law and administrative activity of internal Affairs bodies, Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 20 Rokossovsky str., Krasnoyarsk, 660131. E-mail: andrew-zul@yandex.ru

Материалы к публикации отправлять по адресу: E-mail: urvest@mail.ru
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
**Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76,
Издательский центр.**

*Издатель: ООО «Южно-Уральский юридический вестник»
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. Издательский центр ЮУрГУ.*

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.

Формат 70×108^{1/16}.

Усл. печ. л. 11,38.

Тираж 100 экз.

Заказ 89/172.

Подписано в печать 30.06.2020.

Дата выхода в свет 14.07.2020.

Цена свободная.

